

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

А. С. ЗУЕВ

КАМЧАТСКИЙ БУНТ 1731 г.: ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ИТЕЛЬМЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ВВЕДЕНИЕ

В 1731 г. на Камчатке вспыхнуло восстание ительменов под руководством Ф. Харчина. Оно было скоротечным, однако потрясло самые основы русского господства на полуострове. Это была последняя отчаянная попытка ительменов отстоять независимость, а разгром восстания окончательно утвердил их подчинение русской власти.

Из исследователей первым, кто обратил внимание на трагические камчатские события, был Г. Ф. Миллер. Он кратко упомянул о них в своей работе «География и нынешнее состояние земли Камчатки» (1737 г.), а также, стремясь выяснить все обстоятельства восстания и его подавления, послал в начале 1737 г. соответствующие запросы в канцелярии Охотского порта и Большерецкого острога и руководителям следственной комиссии [2, л. 334, 354; 100, с. 31].

Одновременно Миллер особой инструкцией поручил студенту С. П. Крашенинникову, отправленному на Камчатку, «историю о завоевании Камчатки описать с самого начала со всеми обстоятельством... а особливо о учинившемся в 1731-м году разорении Нижнего Камчатского острогу, и что при учрежденном о том следствии и розыске явилось». Кроме того, Крашенинников должен был проследить, чтобы руководители следственной комиссии Д. И. Павлуцкий и В. Ф. Мерлин «как возможно наискорее» сочинили и прислали «ведомость» о камчатских событиях [3, л. 10—10 об., 11 об.]. И, надо отметить, что именно благодаря усилиям Миллера сохранился и дошел до нас значительный комплекс документов, освещающих ход восстания и исследование его обстоятельств.

С. П. Крашенинников, выполняя указание Миллера, буквально по горячим следам собрал материалы о восстании, на основании которых написал специальный очерк «О измене камчадалов, о сожжении Нижнего Камчатского острога, по покорении их и о бывшем по тому делу следствии и розыске» [60, с. 487—500, 761—767]. (Г. В. Стеллер, написавший свое «Описание земли Камчатки», лишь кратко упомянул о данном восстании [91, с. 142].)

В последующее время интересующей нас темы касались почти все исследователи, занимавшиеся историей и этнографией Камчатки, русско-абори-

генных отношений на северо-востоке Сибири (см., напр.: [30, с. 154—155; 32, с. 139; 37, с. 82—85; 40, № 1, с. 39—40; 41, с. 98—99; 43, с. 571; 52, с. 215, 218; 54, с. 98; 65, с. 15, 16; 66, с. 168; 67, с. 62; 68, с. 66—68; 70, с. 112—113; 72, с. 20—21; 75, с. 15—19; 88, т. 1, с. 44—45, 52—53, т. 2, с. 10, 15; 96, с. 68—69; 101, с. 211, 218]). Восстанием ительменов в контексте деятельности русских землепроходцев и присоединения Камчатки интересовался А. С. Пушкин, сделавший соответствующие выписки из сочинения С. П. Крашенинникова [77, с. 305—308]. Кратко об ительменском восстании 1731 г. упоминалось в обобщающих трудах по истории России [57, с. 296; 76, с. 599] и Сибири [56, с. 317—318; 87, с. 273, 293, 299; 99, с. 131].

Не осталось оно вне поля зрения и зарубежной историографии [102, р. 140—143; 103, р. 212—214; 104, s. 181—182; 105, s. 160; 106, р. 29]. Наиболее значительный вклад в изучение темы внесли А. С. Сгибнев [83, с. 112, 117—135], С. Б. Окунь [74, с. 35—49] и Л. А. Гольденберг [38, с. 104—110, 139—141], которые ввели в научный оборот много новых архивных документов. Однако знакомство со всеми этими работами показывает, что никто из исследователей (за исключением Крашенинникова) не акцентировал свое внимание собственно на истории восстания. Как следствие — поверхностное изложение и осмысление событий, отсутствие полного представления о причинах, целях, ходе и последствиях восстания, о его влиянии на правительственную политику в отношении сибирских аборигенов и управления дальневосточными окраинами империи.

В настоящей статье мы попытаемся восполнить обозначенный пробел, опираясь как на известные источники, в том числе опубликованные, так и на те, что удалось извлечь из Российского государственного архива древних актов, прежде всего из Сенатского фонда (ф. 248) и так называемых «портфель» Г. Ф. Миллера (ф. 199). Эти источники представлены следующими материалами:

1) Следственные материалы, в том числе допросы вождей восстания и русских служилых людей [4; 5; 15, с. 48—49, 63—75]. Это, к сожалению, вторичные документы (копии, экстракты), посланные в Сенат и Г. Ф. Миллеру (по его просьбе). Среди них особый интерес представляет ведомость от 22 октября 1737 г., посланная руководителем следственной комиссии В. Ф. Мерлиным Миллеру: она содержит информацию о числе погибших с обеих сторон и именной список всех лиц, подвергнутых наказанию [2, л. 358—367]. Обнаружить первичные следственные материалы пока не удалось.

2) Рапорты, донесения, доезды, известия, промемории руководителей карательных отрядов, начальника морской партии штурмана Я. Я. Генса, следственной комиссии, Сибирской губернской канцелярии [4, л. 35—45 об.; 8, л. 294—317 об.; 9, с. 227; 15, с. 50—53, 56—63, 76—78; 19, с. 101—102, 105—106]. (Материалы по ительменскому восстанию, связанные с деятельностью

на Камчатке «морской партии» Я. Генса, отложились также в РГАВМФ, фонд 216, см. [38, с. 106]).

3) Инструкции, распоряжения и указы вышестоящих властей (императрицы, Сената, Сибирской губернской канцелярии, начальника морской партии) [5, л. 42; 8, л. 82—86 об., 294—317 об., 325—329; 9, с. 227; 10, с. 178—179; 15, с. 49—50, 53—55, 79—80; 17; 20, с. 207—213; 21, с. 90].

4) Сведения, собранные С. П. Крашенинниковым. Они представляют большой интерес, поскольку Крашенинников, прибыв на Камчатку в 1737 г., еще застал там следственную комиссию, с материалами которой имел возможность ознакомиться. Кроме того, он общался как с участниками восстания, так и с теми, кто его подавлял, в том числе беседовал с родным братом руководителя восстания Федора Харчина — Степаном. Крашенинникову удалось зафиксировать такие подробности и детали восстания, которые не нашли отражения в официальных документах [92; 93].

ИТЕЛЬМЕНЫ И РУССКИЕ. ОБСТАНОВКА НА КАМЧАТКЕ К НАЧАЛУ 1730-х гг.

К концу XVII — началу XVIII вв., когда началось покорение русскими Камчатки, на полуострове обитали, по разным подсчетам, от 8 до 25 тыс. ительменов обоего пола (наиболее вероятной представляется цифра в 20—25 тыс. чел.).

Они разделялись на несколько территориально-языковых групп, из которых собственно ительменами в историко-этнографической литературе считаются бурин, проживавшие в долине р. Камчатки и по ее притокам. Остальные группы представляли собой смешанное ительменско-корякское (группы лигнурин и кулес) и ительменско-айнское (суаачю-ай и кыкша-ай) население. При этом только бурин, если верить С. П. Крашенинникову, общались на одном диалекте («в языке нигде почти никакой не имеют отмены»), другие же группы и даже жители отдельных поселений говорили на своем собственном наречии («на Камчатке нет такого почти острожка, в котором бы не было разности в языке от другого самого ближайшего») [60, с. 179, 358. Ср.: 91, с. 25—28].

С другой стороны, по утверждению Г. В. Стеллера, «все жители Камчатки, обитающие на пространстве между Тигилем до мыса Лопатки и оттуда дальше на протяжении до 100 верст по верховьям реки Камчатки, несмотря на наличие у них множества весьма различных наречий, единодушно именуют себя ительменами, или “ительмелач”, считают себя единым народом и постоянно заявляют об этом» [91, с. 144]. Схожее наблюдение сделал и Крашенинников: «камчадалы как северные, так и южные называют себя ительмень» [60, с. 358]. Правда, эти суждения относятся к 1740-м гг., и нет уверенности, что такое же ощущение общности присутствовало у ительменов ра-

нее, к началу прихода русских. По крайней мере, тот же Крашенинников высказывал и прямо противоположное мнение: «Камчадалы... на своем языке общего звания не имеют» [60, с. 691].

Скорее всего, к концу XVII в., да и позже «ительмены» не представляли собой единого народа, но при этом их территориальные группы обладали схожей материальной, духовной и языковой культурой, что позволило уже первым русским отделить их от камчатских коряков и курильских айнов, присвоив им этноним «камчадалы». Лишь в пограничных, этнически смешанных районах русские или путались в определении этнического лица — относя население корякско-ительменской контактной зоны к северу от рр. Большая и Ука то к корякам, то к «камчадалам», или выделяли особый «народ» — «курильских мужиков», или «ближних курил», мыса Лопатка и о-ва Шумшу, отделяя их, однако, от «мохнатых курильцов», то есть собственно айнов, населявших Курильские острова.

Изложенное выше заставляет особо оговорить условность применения этнонима «ительмены», поскольку далеко не все население южной части Камчатки являлось собственно ительменами. Этим этнонимом, следуя историко-этнографической традиции, я буду обозначать конгломерат территориальных групп бурин, суаачю-ай, кыкша-ай, кулес, лигнурин и «курильских мужиков».

Названные территориальные группы обитали в 120 поселениях (прозванных казаками острожками), названия которых обычно совпадали с названием рек, на которых они стояли. Основная часть поселений находилась восточнее Срединного хребта: на р. Камчатка — 31 острожек, на р. Еловка (приток р. Камчатка) — пять, р. Авача и в Авачинской губе — 12, от р. Ука до Авачинской губы — 20. На западном побережье от р. Аманина до р. Большая располагалось 24 поселка. Еще восемь стояло по Большой и ее притокам и 20 — южнее этой реки до южной оконечности полуострова.

Все ительмены были оседлыми. Основу их хозяйства составляли рыболовство, прежде всего на лососевых, морской зверобойный промысел, охота, собирательство и транспортное собаководство. Металла (и, соответственно, металлических изделий) до появления русских они почти не знали (в единичных экземплярах металлические изделия попадали к ним от коряков и, видимо, от случайно оказывавшихся на полуострове японцев), используя для изготовления оружия, орудий труда, одежды, обуви и предметов быта кость, камень, дерево, глину, шкуры, кожи, клыки и т. п.

В основе социального устройства ительменов лежала малая семья. Малые семьи объединялись в большие семейные группы-общины. Несколько таких общин могли составить объединение, каждое из которых группировалось в собственном поселении-острожке (некоторые исследователи такие объединения именуют «родом»). Однако большинство острожков населяли

всего одна-две семейные общины. Плотность населения острожков колебалась достаточно сильно. По данным первой половины XVIII в., поселения насчитывали от 20 до 100 чел., некоторые гораздо больше — до 150—300 чел. Один острожек — Машурин — включал в себя около 400 жителей.

Семейная община и их объединение являлись основными производственными единицами. Проживавшие на одной реке общины были, как правило, связаны кровным родством и коллективным владением рыболовными и охотничьими угодьями. Как отмечал С. П. Крашенинников, «всякий острожек ту реку, при которой живет, почитает за владение своего рода, и с той реки на другую никогда не переселяется» [60, с. 378].

Во главе семейной общины стояли, по русской терминологии, «лучшие мужики», а объединение общин в рамках одного поселка возглавляли тойоны. Последние, если верить Стеллеру, «большой частью выбирались из самых старых и мудрейших» [91, с. 70]. Однако объединение «речных» поселений было весьма непрочным, поскольку каждое поселение вело самостоятельную экономическую деятельность и общественную жизнь.

Выделяя у ительменов по аналогии с другими сибирскими аборигенами лучших мужиков и тойонов, представители русской стороны одновременно отмечали, что их авторитет и влияние на общину были весьма ограничены. Так, В. Атласов писал: «А вышписанные иноземцы державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богаче — того больше и почитают» [15, с. 31].

По наблюдению Крашенинникова, у ительменов «никто никем повелевать не мог, и никто сам собою не смел другого наказывать» [60, с. 366, 698]. У Стеллера читаем: «Но их [старейшин] решению они тоже подчинялись только в тех случаях, когда уже имелось предварительное всеобщее решение; старшина не мог ни принуждать к смертной казни, ни налагать телесных наказаний; ему разрешалось только увещевать словами всех буянов и злоумышленников» [91, с. 70, 203].

Иначе говоря, у ительменов отсутствовал стабильный слой управленцев, которых в терминах политической антропологии можно было бы назвать потестарно-политической элитой. Кроме того, у них, хотя и прослеживалась имущественная дифференциация между семьями и семейными общинами и присутствовало так называемое домашнее рабство, в целом господствовало равенство в производственной, имущественной и социальной сферах и, соответственно, отсутствовала четко выраженная социальная иерархия, основанная на господстве-подчинении. Рабами же становились только иноплеменики, захваченные в плен или купленные, причем среди них преобладали женщины и дети, поскольку мужчин, как правило, убивали.

Соседями ительменов на Камчатке были коряки. Они расселялись в северной части полуострова: на восточном побережье от р. Ука, на западном —

от р. Тигиль. Отдельные коряжские поселения существовали и южнее Тигиля, в ительменском окружении, на рр. Гохлин, Авача, Хайрюзова. Часть коряков была оседлой, часть кочевой (оленеводы). Коряки-оленеводы в своих перекочевках заходили далеко на юг полуострова. В пограничных ительмено-коряжских районах, как говорилось выше, отмечалась высокая степень взаимной аккультурации двух народов. Часть коряков — карагинцев (проживавших вдоль Карагинского залива) и паланцев (Охотоморское побережье) — в XVIII в. современники — С. П. Крашенинников, Г. В. Стеллер, Я. И. Линденау, Г. Ф. Миллер, камчатские приказчики и миссионеры, казаки — относили то к корякам, то к камчадалам (ительменам).

Этнополитическая ситуация на Камчатке к моменту появления там русских не была стабильной. Согласно данным фольклора и русских письменных источников, случались военные столкновения — между ительменами и коряками, между отдельными территориальными («речными») группами ительменов, иногда между поселениями-острожками на одной реке. По этому поводу Атласов в своих «сказках» сообщал: «А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки род с родом почасту... Род на род войною ходят и дерутся» [15, с. 27, 31, 32].

Известия Атласова о «междоусобицах» столкновениях у ительменов подтвердили позднее Крашенинников и Стеллер [60, с. 760; 90, с. 22, 27; 91, с. 141—143]. Они же зафиксировали, что как раз накануне появления русских на Камчатке у ительменов образовалось четыре враждующие между собой территориальные группы: одна на р. Камчатка, другая — от Кронок (района озера Кроноцкого) до Лопатки, третья — от р. Гольгина до р. Колпакова, четвертая — около Курильского озера, на мысе Лопатка и Курильских островах [60, с. 405; 91, с. 141]. Причинами для военных столкновений являлись борьба за природные ресурсы (рыболовные и охотничьи угодья), кровная месть, месть за оскорбление, стремление к захвату женщин, рабов, средств производства и оружия, а также испытание силы и мужества молодых воинов.

Для ведения войны у ительменов возникали объединения семейных общин в пределах территориальной группы, проживавшей на одной реке. Они носили временный характер и распадались после исчезновения чрезвычайной ситуации. Эти «ополчения» возглавляли военачальники, специально избираемые из числа тойонов или лучших мужиков, прославившихся силой, храбростью, сноровкой, военным опытом, организаторскими способностями. Их функции ограничивались лишь кругом военных операций. Как писал Стеллер, «в былое время у них действительно были эремы, или повелители, которым они добровольно предоставляли властвовать над ними, ставя, однако, их тут же в известность, что власть его касается только военных походов...» [91, с. 202—203]. (Подробнее о численности, расселении, социальной организации и хозяйственных занятиях ительме-

нов и камчатских коряков см.: [23; 33; 34; 35; 37; 41; 43, с. 556—577; 52; 54; 55; 60; 71; 75; 78; 91].)

В целом можно говорить о том, что ительменский социум к началу XVIII в. соответствовал начальной стадии перехода от эгалитарного общества к стратифицированному обществу (по классификации американского антрополога М. Фрида). Этот социум представлял собой аморфные, не имевшие четких структурных границ и никаких формальных органов управления, принуждения и контроля совокупности сегментов различных таксономических уровней (семья, семейная община, объединение общин). Сегменты объединялись отношениями реального или фиктивного родства, имели единую территорию обитания, общие хозяйственные интересы, общее название, собственный диалект, однако еще не доросли до уровня стабильных потестарно-политических объединений (типа племен, например).

Глав сегментов — лучших людей и тойонов — вполне можно определить как бигменов (от англ. *big-man*) — «местных авторитетов», чьи авторитет и власть базировались на личных деловых, физических и нравственных качествах, организаторских и военных способностях, удачливости и т. п., они были лидеры по реальным функциям, имея одновременно и репутацию богатого человека. Причем бигменство могло передаваться по наследству, но только вместе с «богатством» — имуществом семейного клана. (Характеристику бигменства подробнее см.: [24; 27; 58; 62; 81, с. 28—30]. О понятиях «клан», «род», «сегментарная организация» см.: [81, с. 64, 124—126, 172—173; 86, с. 144—145].)

Продвижение русских землепроходцев на Камчатку началось во второй половине XVII в. (походы М. Стадухина, И. Камчатого, Ф. Чюкичева, И. Рубца, И. Голыгина, Л. Морозко и др.), а подчинение ительменов — с похода В. Атласова (1697—1699 гг.). В 1697—1704 гг. на полуострове были основаны Нижнекамчатский, Верхнекамчатский и Большерецкий остроги. В 1700 г. на Камчатку из Якутска был послан первый приказчик Т. Кобелев.

Приведение камчатских народов под «высокую государеву руку» сопровождалось вооруженным сопротивлением с их стороны (подробнее о ходе подчинения ительменов и коряков см.: [48]). За период с 1700 по 1725 г., по нашим подсчетам произошло, по меньшей мере, 40 русско-ительменских столкновений, причем в 25 случаях они явились результатом походов казаков и в 15 — нападений самих ительменов, в том числе три раза они наносили русским весьма ощутимые удары: в 1707 г. захватили и сожгли Большерецкий острог (восстановлен в 1711 г.), в 1710 г. разгромили отряд И. Харитонова на р. Большая, в 1711 г. уничтожили отряд Д. Анциферова на р. Авача.

Замирение Камчатки затруднялось ее отдаленностью. Путь от Якутска через Нижнеколымск и Анадырск на Камчатку занимал около года. К тому же на севере полуострова казакам с переменным успехом приходилось вое-

вать с «немирными» коряками, которые контролировали сухопутную коммуникацию с Анадырским острогом. Дело подчинения ительменов тормозилось и случавшимися казачьими бунтами, которые нарушали единоначалие и координацию действий гарнизонов отдельных русских острогов на Камчатке. С другой стороны, в пользу русских играло то обстоятельство, что ительмены (как и коряки) ни разу не выступили единым фронтом. В лучшем случае их объединение происходило на уровне «речных» общин.

Детальное рассмотрение антирусских выступлений ительменов позволяет говорить о существовании нескольких территориальных «речных» групп, которые одновременно являлись локальными очагами сопротивления. Особенно активно противодействовали русским лигнурины, проживавшие в районе рр. Ича, Облуковина, Крутогорова, Колпакова, Воровская, «курильские мужики» на Курильской Лопатке, суаачю-ай на побережье Авачинской губы и Бобрового моря (ныне — Кроноцкий залив), кыкша-ай на р. Большая. При этом, однако, каждая «речная» группа и нередко каждое поселение действовали самостоятельно и независимо друг от друга. Более того, между ними случались даже вооруженные столкновения. В то же время северо-западная группа — кулес (реки Хайрюзова, Белоголовая, Морошечная) и «камчатская» группа — бурины (р. Камчатка) фактически не участвовали в столкновениях.

Первая из них, скорее всего, находилась вне зоны активного действия русских. Вторая же, наоборот, раньше и быстрее всех подверглась русскому влиянию и была подчинена (именно здесь уже к началу XVIII в. появились два русских острога — Верхне- и Нижнекамчатский). Кроме того, у камчатских ительменов — буринов, вероятно, существовали враждебные отношения с их южными соседями. Видимо, поэтому они не только быстро, уже к 1704 г., прекратили сопротивление, но и сами стали принимать участие в русских походах на авачинцев (в 1707 и 1713 г.). На этом обстоятельстве мы заостряем внимание, поскольку позднее, в 1731 г., как раз бурины подняли восстание, о котором ниже и пойдет речь.

В условиях частых вооруженных столкновений и активного противодействия ительменов организовать их стабильное ясачное обложение на протяжении первой четверти XVIII в. не удалось, хотя ясак собирался и в достаточно большом количестве вывозился с Камчатки. По данным ведомости Якутской воеводской канцелярии, составленной на запрос Г. Ф. Миллера в 1736 г., с полуострова с 1702 по 1729 г. было вывезено 47 177 соболей, 17 640 собольих хвостов, 21 659 лисиц, 1 360 бобров (подсчитано по: [2, л. 174—174 об., 176, 178—178 об., 179 об.—183]). Согласно «рописному списку» 1731 г., составленному ясачным комиссаром С. Вологдиным, за предшествующий год с ясачных, подведомственных камчатским острогам, было взято 1 448 соболя, 1 129 лисиц, 32 бобра, 12 кошлоков [2, л. 233 об.—234].

К концу первой четверти XVIII в. ситуация с ясачным обложением представляется в следующем виде. Обитавшие на реках Камчатка, Большая и близлежащей территории ительмены были уже в числе постоянных ясачноплательщиков, после середины 1710-х гг. не отмечено фактов их сопротивления и отказа от уплаты ясака. Население побережий Кроноцкого залива с примыкающей территорией и Охотского моря от р. Большая до р. Хайрюзова платило ясак непостоянно, то давая его без сопротивления, то впадая в «измену».

Юг Камчатки (р. Авача и Курильская Лопатка) можно отнести к «немирной» территории: сбор ясака здесь почти каждый раз сопровождался вооруженными столкновениями. При этом надо учитывать, что даже на объясаченной, а тем более на «немирной» территории ясак платили не все местные жители, часть из них скрывалась от подобной процедуры. Стеллер в начале 1740-х гг. отмечал: «Впрочем, по податным спискам никоим образом нельзя судить о численности местного населения, потому что казакам, за многочисленностью туземцов, не удавалось так точно подсчитывать их, как теперь, и еще потому, что при внесении ясака, по крайней мере, третья часть ительменов от него уклонялась» [91, с. 133].

По подсчетам А. С. Сгибнева, сделанным на основе сборной ясачной книги камчатского комиссара Ф. И. Шелковникова, к 1724 г. из 3 582 ясачных ительменов, приписанных к трем камчатским острогам, 414 чел. (11,6 %) числилось в бегах. Эта же книга показывает, что всего в ясак было записано 5 138 чел., но из них 1 556 (30,3 %) «померло» в разные годы [83, с. 107]. И. И. Огрызко совершенно произвольно отнес цифру в 5 138 ясачноплательщиков к 1704 г., когда «приказчик... Зиновьев первый завел ясачные книги» [72, с. 11—12].

В связи с этим отметим, что, во-первых, камчатские ясачные книги были заведены еще до М. З. Многогрешного (Зиновьева) В. Атласовым и Т. Кобелевым, во-вторых, самому Многогрешному удалось собрать и вывезти с Камчатки всего 972 шкурки пушных зверей, а это говорит о том, что в свои ясачные книги он никак, исходя из формального принципа (один ясачный — одна шкурка), не мог записать больше одной тысячи человек. Еще хуже была ситуация с ясачным обложением камчатских коряков, которые относились к ведению Анадырского острога. В 1730 г. солдат Г. Корболин, перечисляя ясачных коряков Анадырского ведомства, назвал среди них только оленных анадырских и оседлых паренских и аляutorских (всего из двух острожков — Кулгушного и Аляutorского). Про остальные территориальные группы коряков, в том числе камчатских, Корболин даже не упомянул [7, л. 6—6 об.]. Ясак с последних все же брался, но далеко нерегулярно, в незначительном и произвольном размере.

Обложение ясаком, сопровождавшееся взятием аманатов, уже само по себе давало аборигенам, которые до русских не знали системы господства

подчинения и практики заложничества, повод к вооруженному сопротивлению. Как писал известный этнограф И. С. Вдовин, «до прихода русских они (ительмены. — А. З.) не знали государственной власти, не имели представления о выплате ясака, о несении разных повинностей, трудовых обязанностей для обслуживания пришельцев» [54, с. 35]. Но кроме этого, был еще целый комплекс причин, который вызывал их недовольство и приводил к острым конфликтам с русскими. Развернутый анализ конфликтогенных факторов, применительно к крайнему северо-востоку Сибири, в том числе Камчатке, содержится в моей монографии [48] (см. также: [30, с. 154—155; 74, с. 37—40; 83, с. 117—118; 90, с. 18—20; 91, с. 136—139]). Поэтому здесь я обозначаю их кратко, дополнив теми моментами, которые уже непосредственно привели к восстанию 1731 г.

Прежде всего, надо указать на то, что контингент русских комбатантов (*комбатант* в переводе с французского означает воин, боец, сражающийся. В современном международном праве этим термином обозначают лиц, которые входят в состав регулярных вооруженных сил и непосредственно участвуют в боевых действиях, а также тех, кто принадлежит к личному составу ополчений, добровольческих и партизанских отрядов, при условии, что их возглавляет командир, что они имеют ясно видимый отличительный знак, открыто носят оружие и соблюдают законы и обычаи войны [84, с. 11]). По нашему мнению, с рядом незначительных оговорок — отсутствие ясно видимого отличительного знака, иррегулярный характер службы — этот термин вполне применим к служилым людям XVII—XVIII вв., не говоря уже об офицерах и солдатах регулярной армии), от начальствующего состава до рядовых, действовавший на крайнем северо-востоке Сибири, в подавляющем большинстве по своему менталитету отличался низким культурным и моральным уровнем, а также склонностью к поведению, выходящему за рамки морально-нравственных и правовых представлений даже своего времени. Это были люди достаточно смелые, самостоятельные, решительные, склонные к авантюризму и при этом далеко не сентиментальные, жесткие, а порой и жестокие.

Как писал один из немногих исследователей русско-аборигенных отношений в данном регионе В. И. Огородников, «все эти люди обладали исключительной настойчивостью и твердою волей, отличались страстью к приключениям и проявляли полную неразборчивость в средствах и жадность к добыче: таковы были общие свойства сибирских землеискателей прежнего времени» [70, с. 71].

Буквально по «горячим следам» описывая ход присоединения Камчатки и оценивая действия «завоевателей», Г. В. Стеллер отмечал: «Нельзя достаточно надивиться на храбрость и редкую изворотливость этих казаков, составлявших лишь горсть людей, в большинстве случаев либо искателей при-

ключений, либо бежавших от правосудия, либо сосланных сюда из России за совершение всевозможных неблагоприятных дел, для которых эти люди были самым подходящим элементом» [91, с. 136].

Психологически они были готовы и привычны к насильственным действиям и, кроме того, не имели или в лучшем случае имели слабое представление о культурно-психологических мотивах поведения тех, кого подчиняли — аборигенов.

Оказавшись на Камчатке, сначала землепроходцы, затем направляемые туда якутскими властями отряды служилых людей были поставлены в условия, во многом определявшие их агрессивное поведение. Правительственные предписания требовали от них осуществления безусловного подчинения аборигенов, вплоть до силовых методов: «А которые будет новых земель люди будут непослушны и ласкою их под государеву царскую высокую руку привести ни которыми мерами немочно... и на тех людей посылати им служилых людей от себя из острошку и войною их смирити ратным обычаем», используя при этом все доступные средства — «чинить над ними военный поиск огненным и лучным боем». Уже одно это неизбежно вызывало насилие.

Помимо этого у русских «конкистадоров» существовала объективная потребность в средствах жизнеобеспечения. Те запасы продовольствия и товаров для торговли, что они могли взять с собой в поход, были ограничены в объемах, к тому же закупались, как правило, на собственные средства, причем немалые. Государева жалованья они, будучи на Камчатке, или не получили вовсе, или получали в неполном размере. По этому поводу В. Беринг в 1730 г. сообщал следующее: «А многия служилые люди сказали, которые в давних летех живут на Камчатке, а жалованья не получают, для того, что обстоятельно указ из Якуцку запрещает жалованье производить кроме тех, которые явятца налицо при Якуцку» [8, л. 74 об.; 12, с. 21].

Поэтому неудивительно, что казаки, оторванные по несколько лет от баз снабжения, обеспечивали себя многим необходимым (продуктами питания, одеждой, транспортными средствами) путем реквизиций у местного населения. По мере его подчинения эти реквизиции превратились в постоянную повинность в пользу русских гарнизонов (заготовление рыбы, птицы, звериного мяса, ягоды, кореньев, дров и проч.). Ительмены также должны были поставлять и «корм» для содержания захваченных у них аманатов. Последнее нередко превращалось в средство вымогательства.

В конце 1730-х гг. Иркутская провинциальная канцелярия по поводу содержания аманатов на Камчатке отмечала, что «из того зборного аманатского корму посланные зборщики и служилые люди про себя употребляют, а аманатом разве малое дело юколы ради пропитания дают, а больши питаются, собирая под окнами милостиною, и хуже скота содержат, что немалое озлоб-

ление такому дикому народу», «а с курильских народов и з островов первого и второго и третьего, которые прилежат к японской стороне, те сборщики и служилые люди вместо таковых аманачких кормов берут с каждого ясадного по камчацкому бобру... а взятые грабежом те разделяют по себе» [2, л. 199—199 об. См. также: 12, с. 476].

Огромное значение на поведение служилых людей оказывала практика назначения их якутскими воеводами на должности, прежде всего приказчиками и ясачными сборщиками, за взятки. Эти взятки именовались «окуп» и во второй половине XVII в. превратились в Якутском уезде в отлаженную и фактически узаконенную местными властями систему. Естественно, что окуп воеводам служилые покрывали за счет поборов с ясачных людей, как констатировали государевы сыщики, «быв у оного ясадного збору в иноземческих волостях, возвращали оную свою дачу с иноземцев». Таким образом, получалось, что якутская администрация, широко практикуя систему окупов, толкала служилых на ограбление иноземцев и при этом фактически узаконивала грабеж, покровительствуя тем, кто хотел и умел делиться добычей. «Сами воровали и ворамотакали», — говорили якутские служилые про своих воевод [14, с. 234].

Наиболее легким способом быстрого обогащения было, естественно, взимание с аборигенов любыми способами того, что в глазах русских имело ценность, прежде всего пушнины, причем в таком количестве, которое позволило бы не только собрать ясак (продемонстрировав тем самым свою заботу о «государеве интересе»), но и пополнить собственный карман, чтобы рассчитаться с долгами и получить прибыль. В период подчинения и подавления сопротивления ительменов это достигалось за счет военных трофеев. По мере объясачивания и «умиротворения» иноземцев в ход шли другие приемы. Служилые люди, пользуясь почти полным отсутствием надзора за их действиями, выстраивали свои официальные и частные отношения с новоиспеченными российскими подданными на основе собственной выгоды и наживы.

В первую очередь, широкое поле для разного рода злоупотреблений открывал сбор ясака в государственную казну, он давал и законное прикрытие. Именно поэтому в лихоимствах, прежде всего, упражнялись представители местного административного аппарата — приказчики и ясачные сборщики. Они могли просто «накинуть» к ясачному окладу несколько соболей «для своей бездельной корысти», подчас взимая ясак в многократном размере против оклада, могли низко оценить принесенную иноземцами в ясак пушнину, заставляя их тем самым сдавать больше и забирая излишки себе, могли заменить лучшие меха, сданные в ясак, своими «худыми», и, наконец, широко практиковали вымогательство так называемых «чащин» — «подарков» и «гостинцев» пушниной. В последнем случае казаки нередко

прибегали к мерам физического воздействия — батогами и плетьюми выбивали чашины, а также захватывали в заложники близких родственников ясачноплательщика (жен и детей), которых в случае неуплаты превращали в холопов и продавали. Чтобы понять весь размах злоупотреблений, достаточно сравнить размер «законного» ясачного сбора с ительменов с «лакомствами» приказчиков.

За 1702—1720 гг. с Камчатки было собрано в «государев» ясак 33 896 соболей. За эти же годы приказчики В. Атласов, П. Чириков, О. Миронов, А. Петриловский, И. Козыревский и И. Енисейский приобрели для себя 18 189 соболей — больше половины «государева» соболинного ясака за 19 лет.

Большую возможность для наживы предоставляла торговля. Мало того, что русские несоразмерно завышали стоимость товаров, они еще и навязывали их силой и под высокие проценты. Иноземцы, будучи не в состоянии расплатиться, становились должниками, и за неуплату долга русские забирали у них жен и детей, а то и самого должника превращали в холопа. Весьма распространенным был и захват в плен ясырей, которых казаки или продавали, или заставляли работать на себя.

Стеллер писал: «У каждого казака было, по меньшей мере, 15—20 рабов, а у некоторых даже от 50 до 60. Этих рабов они проигрывали в кабаке в карты, и случалось, что рабыня в течение одного вечера переходила к трем или четырем хозяевам, причем каждый, кто выигрывал, ее насиловал. Таких рабынь казаки выменивали также на собак» [90, с. 20; 91, с. 139]. Ему вторил Крашенинников: «Из острожков покоренных силою брали они довольноное число в полон женского полу и малолетных, которых разделяя по себе владели ими как холопами» [60, 505—506], добавляя в другом месте: «Походы служивым не бескорыстны бывали, ибо они, побив мужиков, жен их и детей брали к себе в холопство, отчего до розыску бывшего 1734 и 1735 году у каждого служивого человека по 10, а у богатых человек и по 40 холопей, по их ясырей было, им покупать и продавать и пропивать и в карты проигрывать их вольно было» [60, с. 753]. Проданные или отданные за долги холопы вывозились далеко за пределы полуострова, немало их было в Якутске, откуда часть их развозилась по другим сибирским городам.

Возможность иметь значительное число холопов приводила к тому, что холоповладельцы предпочитали фактически жить за их счет. «Несчастливые рабы должны были исполнять всякую работу, и ни один казак решительно не ударял пальцем о палец, а только играл в карты, пьянствовал, объезжал от поры до времени свой округ для сбора долгов или шел на войну» (Стеллер) [91, с. 139]. «Оные холопы должны были стараться о всем потребном к содержанию, а они, как господа, довольствовались готовым, ни за какие труды не принимаясь... жили они как дворяне за холопами» (Крашенинников) [60, с. 505—506].

Г. Ф. Миллер сообщал, что даже в монастырском хозяйстве, заведенном недалеко от Нижнекамчатского острога, вместо лошадей и быков пахали на холопах-камчадалах [41, с. 98]. Как сообщалось в экстракте Адмиралтейств-коллегии 1733 г., «...и хлеб сеют в святой пустыни... а пашут, подпрягая девок и баб по семнатцати в одну соху» [12, с. 398].

Эти замечания наблюдательных современников наводят на мысль, что на Камчатке был насажден худший из известных вариантов тогдашних общественных отношений — холопство, причем в самых жестких, фактически рабских, формах. Это, конечно, имело негативные последствия, и не только потому, что в корне разрушало социально-экономическую структуру ительменского общества, но и потому, что заставляло русско-ительменские отношения «вращаться по замкнутому кругу». Служилые и промышленные люди, оказавшись на Камчатке, выстраивали свое жизнеобеспечение за счет труда холопов-ительменов, а, соответственно, не имели потребностей в создании собственных хозяйств. Отсутствие хозяйства давало казакам свободное время, которое они проводили в попойках и картежной игре, в результате чего пропивали и проигрывали все имущество (в том числе и холопов) [12, с. 22; 60, с. 506; 91, с. 137—138]. Когда это происходило, казаки отправлялись на захват новой добычи и военнопленных. А далее все повторялось.

Следует заметить, что разгул насилия на Камчатке наблюдался уже после того, как правительство с конца XVII в. стало предпринимать энергичные усилия по пресечению в Сибири массовых злоупотреблений, в том числе в отношении ясачных. В 1690-х гг. появилась целая серия царских указов по этому поводу [50, с. 21—24; 94, с. 27—32]. До столицы, несомненно, доходили сведения о том, что происходит на Камчатке. В инструкции 1720 г. очередному камчатскому приказчику сыну боярскому С. Бобровскому впервые заметно стремление исправить существующее положение дел.

Бобровский должен был собрать у ясачных жалобы на прежних приказчиков, «розыскать» виновных в злоупотреблениях, оградить ительменов от обид со стороны русских, улучшить содержание аманатов, но самое главное — реорганизовать сбор ясака. Отныне ясак иноземцы должны были сами привозить в Большерецкий острог, а казакам вообще запрещалось появляться в их поселениях; запрещалась всякая торговля с иноземцами до ясачного сбора; приказчикам и служилым людям запрещалось вмешиваться во внутренние дела иноземцев, которые должны были управляться собственными старшинами. Кроме того, Бобровский должен был распустить по домам казачьих холопов из числа женщин и детей, попавших в холопство за долги, а их владельцев-казачков, практиковавших похолопление за долги, бить батогами. Предписывалось также запретить картежные игры [83, с. 103—104].

Однако никаких данных, свидетельствующих о том, что эта инструкция хоть в малой толике стала претворяться в жизнь, обнаружить не удалось. Ско-

рее всего, все благие пожелания остались на бумаге и, как писал Стеллер, «ни приказчик и никто другой не заступался за бедных туземцев, сколько бы они ни жаловались, а в свою очередь вел свою линию» [91, с. 139].

Прибытие на Камчатку Первой Камчатской экспедиции во главе с В. Берингом, которому были предоставлены широкие полномочия, внушило некоторые надежды местным жителям. Увидев начальника, которому подчиняются все местные командиры, ительмены бросились жаловаться капитан-командору. Тот, ознакомившись с ситуацией, 11 июля 1728 г. издал приказ, адресованный местным управителям и ясачным сборщикам, в котором говорилось: «Сего 728 году марта в разных числах Уки реки, также и по реке Камчатке лутчие иноземцы доносили мне словесно чрез толмачей, а многие и сами российским языком об своих обидах доносили, что сверх ясаку и аманатцкого корму збирают с них сладкую траву, ягоды и сарану, от чего им немалая тягость, и терпят голод. Также, когда збирают ясак зборщики, то для своей бездельной корысти берут от них сильно кухлянки, сети и баты (бат — ительменская лодка. — А. З.), от чего чинитца немало недобор в ясашной зборной казне. Ныне подтверждаю сие письменно, чтоб отнюдь камисаром и управителем для своей бездельной корысти сами, также и позволения служилым людям не давали, таких зборов збирать с ыноземцов и обид им никаких не чинить» [19, с. 68—69].

Но и этот приказ вряд ли достиг своей цели. Сам Беринг, обобщая впечатления от пребывания на Камчатке, сообщал в 1730 г. в своем донесении в Сенат: «Жаловался мне камчатцкой народ, а имянно от Кигиль реки и от Харюзовой на тамошних служилых в обиде, которая им чинитца при ясашном платеже, что збирают против указа излишество... Також, по известию от камчатцких народов, на Камчатке имеетца обыкновение... когда збираетца ясак собольми и лисицами, тогда они добровольно дают зборщику одну и временем две части сверх положенного на них ясаку» [8, л. 74 об.; 12, с. 21].

Вдобавок сама экспедиция тяжким бременем легла на плечи ительменов, обязанностью которых стало ее обслуживание. Перевозка из Большерецка в Нижнекамчатск грузов и людей летом на батах, зимой на собачьих упряжках оторвала значительное число ительменов от их промыслов и добычи ясачной пушнины. При этом многие лишились своих ездовых собак, погибших от изнурения, что существенно сократило транспортную базу ительменского хозяйства. И хотя Беринг освободил часть ительменов, занятых перевозкой грузов, от уплаты ясака, ясачные сборщики все равно стремились брать с них ясак в полном размере, не забывая и про чащины [41, с. 97; 74, с. 36—37; 83, с. 113, 117].

В декабре 1729 г. и январе 1730 г. челобитные с жалобами на поборы со стороны ясачных сборщиков Василия Полозкова «с товарищи» подали в Большерецкую приказную избу «лудчие иноземцы Кыкчика реки Нижне-

го острогу тоен Шемкоч, да Немты реки тоен Налач», в январе 1730 г. там же на «обиды» казака Лариона Валынкина «словесно» доносили «Карымчина острога ясачные Кулмалеч Каначев, Тавака Кунгучев» [4, л. 35—36 об., 38 об.—40].

На разгул «лихоимств» и «насилий» со стороны приказчиков, ясачных сборщиков и казаков указывали на допросах участники восстания 1731 г. Так, один из его руководителей новокрещенный ительмен Федор Харчин четко заявил, что «бунт» «учинили мы за несносную от сборщиков обиду и служилых людей». Он же, конкретизируя «обиды», рассказал, что в 1730 и 1731 гг. ясачные комиссары (ответственные за сбор ясака) Иван Новгородов и Михаил Шехурдин брали с каждого ясачного чащин по три-четыре лисицы, а также по три-четыре «вязки» юколы, «а у кого юколы нет, то берут у нас за юколу за вязку по лисице, а ежели и лисицы нет, то последние с нас парки и куклянки». Кроме того, «повсягодно» ительмены должны были сами доставлять в Нижнекамчатский острог «сладкую траву», кипрей, сарану, птиц (гусей и уток по 50 шт. с человека) и дрова.

Все это, по словам Харчина, сопровождалось истязаниями: «А если у кого ясаку не прилучилось... били на правеже... пока нога распухнет, а после де того распорют штаны и бьют вторично на правеже по пухлой ноге», «бьют нас батоги и на правеже на смерть, а иные, не стерпя такого мучения, давились».

Самого Харчина били «на правеже босого» и «взяли два ясака на один год», а его жену «венчальную» «пищик Еким Мухоплев, буди за сбором, изнасиловал блудно грехом». У тех, кто ничего не мог заплатить, забирали жен и детей: «А ежели де у кого чащин кунного нет, то берут себе с нас за чащины жен и детей под заклад, а строки пишут на малое время, что нам на такие строки выкупить нечем». Причем даже в уплате ясака сборщики не давали росписок («а в платеже ясаку отписей не давали»). Харчин также с горечью констатировал, что любые попытки найти у комиссаров управу на действие ясачных сборщиков заканчивались плачевно для самих ительменов — их тут же сажали под арест [5, л. 8 об.—10, 19—19 об.; 8, л. 294 об.—295, 310 об.; 15, с. 7, 65—66, 70].

О многих обидах со стороны служилых людей рассказал и другой руководитель восстания тойон Машурина острожка Начик: «Чинятца нам обида, а именно от закащиков Верхнем Камчадальском остроге повсягодно берут де с нас неокладные тяготныя поборы ради своей корысти — сараны по пуду, кипрею по пуду да по бату, а ежели де кипрею и сараны нету, то берут лисицами и собольми, за бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако ж берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 1731 году приезжал к нам от закащика

Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и сбирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики в остроге в Топошином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брали и кунным на Шапиной и по Козыревской реках... с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболи нету, то берут парками и куклянками и собольными собаками. И что у нас имеется, то все берут вместо чащин» [8, л. 314 об.; 15, с. 48—49].

Показания Харчина и Начика подтвердили и другие участники восстания, а также сами виновники злоупотреблений. В частности, И. Новгородов «с розыску и с пытки» сознался в том, что приказывал казакам «брать с ясашных иноземцов сверх ясаку лихоимством себе в чащины по три и по четыре места с каждого человека соболми и лисицами, а у которых иноземцов соболей и лисиц нет, у тех велел брать за чащины жен и детей и последние парки и куклянки и ис тех чащин иноземцов быть на правеже насмерть» [5, л. 38—38 об.; см. также: л. 44, 31 об.—32, 33 об.—34 об., 39].

Другой ясачный комиссар М. Шехурдин, после «двадцати ударов», признал за собою те же вины, что и Новгородов, добавив, что в 1731 г. за предоставление казакам права собирать ясак получил с них 540 соболей, лисиц и бобров [5, л. 37—37 об.; см. также: л. 35—35 об., 36—37, 39 об.—40]. По итогам следствия центральные власти признали, что «во отдаленных сибирских владениях, в Якуцком ведомстве и на Камчатке, как от воевод, так и от посланных для збору с ясашных людей ясаку камисаров и других зборщиков чинится Ея И. В. ясашным подданным как в платеже излишняго ясаку, так и от взятком многое раззорение, наипаче ж приметками своими жен и детей отнимают и, развозя, перепродают» [10, с. 183].

Выяснилось также, что к ограблению ительменов были причастны якутские воеводы. Один из них, И. И. Полуектов, назначив на Камчатку ясачным комиссаром И. Новгородова, взял с него взятку в 700 руб. (сумма по тем временам огромная), а с комиссара М. Шехурдина получил, уже после его возвращения, 300 руб., 200 лисиц, 30 соболей и 4 бобра [5, л. 11 об., 15 об., 37, 38; 60, с. 498, 499].

Другой воевода, Ф. И. Жадовской отпускал за взятки на Камчатку вместе с ясачными комиссарами и их родственниками: «И ныне отпустил камисара на Камчатку, которой поехал з женою и з детьми и забрав своих родственников множественным числом». В результате ясачные вынуждены были одаривать чащинами не только комиссара, но и всю его прибывшую родню [10, с. 180]. В ходе следствия стало известно, что наиболее жестоко с ительменами обращались, кроме уже названных И. Новгородова и М. Шехурдина, подьячие Еким Мухоплев и Иван Свешников, служилые Матвей Новгородов, Василий

Новограбленный, Алексей Пыжик, Никита Дурьнин, Андреян Рюмин, Осип Верхотуров.

В целом, знакомство с документами, свидетельствами современников и материалами следственной комиссии, рисующими образ действия служилых людей на Камчатке, приводит к мнению, что сначала землепроходцы, а затем представители власти (от приказчиков до рядовых казаков) смотрели на ительменов как на людей, отданных им в полное распоряжение, а на Камчатку, как на завоеванную территорию, которая принадлежит им по праву завоевания. В связи с этим особо отметим чрезвычайно слабые позиции на полуострове христианской церкви.

Присоединение Камчатки по времени совпало с началом массовой христианизации сибирских язычников. В 1705 г. на Камчатку был послан архимандрит Мартиниан. В 1713 г. в наказ приказчику Анадырского и камчатских острогов П. Татаринову было включено указание о распространении «веры Христовой»: «Ему ж капитану сделать на Камчатке церкви Божии и привлекать иноземцов ко христианской вере, против указу великого государя, с великим прилежанием в православную христианскую веру и крестить, и за крещение давать государево жалованье, как можно, по своему рассмотрению, смотря по человеку» [16, с. 509].

В 1725 г. на смену Мартиниану на Камчатку прибыл иеромонах Иосиф Лазарев, который в 1725 г. осветил первый христианский храм на полуострове — церковь во имя Святителя Николая Мирликийского Чудотворца, построенную еще в 1713 г. около Нижнекамчатского острога. В 1717 г. И. Козыревским была недалеко от этого острога основана Успенская пустынь. Однако успехи христианизации были достаточно скромными: к 1731 г. было окрещено менее 100 ительменов. (О христианизации на Камчатке и деятельности духовных миссий в первой половине XVIII в. см.: 12, с. 59—64, 70—75; 15, с. 16, 139—149, 196—197; 26, с. 38—44, 64—72, 116—170; 31, с. 162—167; 40, № 1, с. 28—72, № 2, с. 138, 140, 147, 189, 192; 51, с. 197—216; 61; 94, с. 85—99; 96; 97.)

Этого было явно недостаточно, чтобы среди аборигенов сформировалась достаточно влиятельная «компрадорская» прослойка. К тому же само крещение носило чисто формальный характер, о чем явно свидетельствует убийство ительменами священнослужителей. В 1717 г. они жестоко расправляются с Мартинианом, в 1731 г. убивают дьячка А. Лазарева. Расправа с Мартинианом, которую учинили его крещенные холопы-ительмены, свидетельствует, кстати, что сам священник вел себя неподобающе сану, чем и вызвал недовольство неофитов. В связи с этим напомним сведения Миллера об использовании холопов в качестве тягловой силы в монастырском хозяйстве. С другой стороны, практическое отсутствие духовно-нравственного воздействия на русскую паству (один священник вряд ли мог из-

менить ситуацию) во многом объясняет, на мой взгляд, и жестокие нравы русских служилых людей.

Более активные усилия по распространению христианства на северо-востоке Сибири стали предприниматься с учреждения в 1727 г. Иркутской епархии. Сенатским определением в Синод 11 декабря 1730 г. (скорее всего в связи с донесением В. Беринга. В. Беринг в своих «предложениях» в Сенат 1730 г. отмечал: «На всей Комчатцкой земле токмо один поп, а при Верхнем и Большерецком острогах священников не имеетца, а тамошня жители, которые русские, весьма желают, чтоб при каждом остроге определен был священник» [12, с. 21]) было велено построить церкви в Верхнекамчатском, Большерецком и Анадырском острогах, определив к ним священников, а для привлечения иноземцев к христианству давать крестившимся льготу на десять лет в платеже ясака.

В развитие этого определения июльская 1731 г. инструкция командиру новообразованного Охотского правления Г. Г. Скорнякову-Писареву предписала заботиться «о строении церквей в камчатских острогах и об определении попов и причетников с ругою, и что кто из тамошняго народа крестится, о даче им льготы, и чтоб попы были, сколько возможно, люди искусные и во всяком бы остроге склоняли аманатов и других охотников учиться грамоте и показывали им закон христианский» [12, с. 55].

14 сентября 1731 г. появился известный указ Сибирского приказа о предоставлении крещеным ительменам десятилетней льготы по уплате ясака [10, с. 176—177]. В ноябре 1731 г. ситуация с крещением иноземцев на Камчатке рассматривалась на заседании Синода [12, с. 59—64]. Но все эти правительственные предписания начали претворяться в жизнь уже после восстания ительменов.

Ительмены, со своей стороны, в соответствии с образом жизни и мировосприятием во всех их составляющих компонентах были не готовы к быстрому принятию принесенной русскими системы социально-политических и экономических отношений. Уже сами русские, которых представляли преимущественно казаки, в их глазах изначально отличались от «настоящих», «обычных» людей. По свидетельству Крашенинникова, ительмены прозвали русских «брыхтатын» — «огненные люди», «по причине огнестрельного оружия, которого они не видая прежде... думали, что огонь не из ружья выходит, но что россияне огненное имеют духание» [60, с. 359].

По версии Стеллера, «русского человека они называют... “татах”, что на их языке означает “давай сюда”, — выражение, являющее первым требованием русских. Казака же они именуют “брахтадт” или “брахтатах”... что значило “двигайся, подавай” и в чем всегда выражался *modus precedendi* (способ действия) казаков» [91, с. 24].

В связи с тем, что об ительменском языке XVIII в. исследователи имеют очень смутное представление, трудно судить, кто — Крашенинников или Стеллер — более адекватно передал звучание и значение слова, которым ительмены обозначили русских. Крашенинниковское «брыхтатын» созвучно и почти аналогично «этнонимам», применявшимся в то же время чукчами и коряками в отношении русских — «мелг-таньги», «мелгы-таньтан», «милхтангата» (чукот.), «мельгытанги», «милтангата» (коряк.), что означало «огненные чужие, враги» (именно чужие и враги, а не люди, как полагал Крашенинников) [28, с. XXVII, 91—95, 330—335; 29, с. 171; 60, с. 359; 64, с. 103; 90, с. 14; 91, с. 27].

С. Н. Стебницкий отмечал: «Таньгытан (тан'нытан, мн. число таньно) — слово, существующее как в коряцком, так и в чукотском языке; в древности оно имело значение “враг”, а в настоящее время совершенно изменило свое первоначальное значение и употребляется в коряцком языке со значением “чукча”, а в чукотском — со значением “коряк”» [89, с. 33].

Это созвучие дает основание для проведения аналогий между восприятием русских ительменами, с одной стороны, и коряками и чукчами (к последним в то время относили и азиатских эскимосов), с другой. По наблюдениям В. И. Иохельсона, коряки «на всякого чужого смотрели как на возможного врага... Отношение к постороннему как к врагу или недоброжелателю выражалось не только в опасении физического вреда от него, но также в опасении злого влияния его дурного глаза, злого языка и слова» [52, с. 199].

Чукчи, сообщил В. Б. Богораз, все чужеземное, чужое ставили в один ряд со злыми духами [29, с. 113]. Антропологи, изучавшие эскимосов, выявили, что у них любой чужой (под которым понимался тот, с кем не имели ни родственных, ни партнерских отношений) вызывал подозрение, и их при первой же возможности старались убить [98, с. 104]. В. А. Шнирельман пишет, в частности, что «эскимосам был свойственен страх перед чужаками, в особенности, жившими вдали от них, но и даже к свойственникам относились с недоверием. Это и лежало в основе особой церемоний встречи чужака, содержавших элементы насилия. Иногда это был обмен увесистыми пощечинами, иногда — спортивное единоборство, а иногда — и испытание ножом. Все это, по-видимому, должно было продемонстрировать чужаку силу хозяев и побудить его воздержаться от непродуманных действий против них. Кое-где у эскимосов встречалось и явление дегуманизации своих противников» [98, с. 98].

Исследователь права у народов Севера В. А. Зибырев отмечал, что их нормативы поведения в отношении чужаков вполне допускали воровство, грабеж, ложь, обман и даже убийство, если эти чужаки признавались «скверными людьми» [44, с. 76, 107, 109]. Надо думать, что такое же нега-

тивное, настороженное и даже враждебное отношение к «чужим» было и у ительменов.

Стеллеровская «брахтадт» или «брахтатах», по нашему мнению, возможно, является искаженной транскрипцией того же «брыхтатын». Но даже, если мы ошибаемся, и в ительменской лексике данный «этноним» («давай») присутствовал, он все равно является показателем отрицательного отношения к русским. В связи с этим можно указать на то, что ительмены ассоциировали казаков с собаками и даже вшами. Стеллер сделал следующее наблюдение: «Относительно некоторых сновидений они располагают уже заранее на опыте проверенными аxiомата (объяснениями) вроде встречающихся в сонниках. Например, видеть во сне вшей или собак предвещает прибытие проезда казаков» [91, с. 163].

Несложно догадаться о причинах подобной ассоциации: она возникла вследствие того, что казаки «объедали» и «высасывали кровь» у ительменов, в том смысле, что лишали их средств к жизни. В негативном образе русских казаков, созданном ительменами, мы, вероятно, имеем дело с так называемым эмоционально-атрибутивным феноменом, который отражает повышение избирательности восприятия одним этносом (социумом) другого, то есть отсеив позитивной информации, искажение поступающей информации, воспроизводство негативных этносоциальных представлений, деперсонализация членов «враждебной» группы [25, с. 206].

В любом случае, оба слова — «брыхтатын» или «брахтадт», в каком бы соотношении они ни присутствовали в ительменском языке, — свидетельствуют о том, что у ительменов сформировался негативный стереотип русских.

Установление ясачного режима, который сопровождался насилием и грабежами, нарушило привычный уклад жизни и хозяйства ительменов. До появления русских охота на пушного зверя велась ими в основном лишь для обеспечения себя одеждой (причем соболь был далеко не главным объектом охоты), теперь же она потребовала много сил и времени. Необходимость добывать пушнину для уплаты ясака и «подарков» отрывала от основных промыслов. При этом с годами поголовье ценного пушного зверя сокращалось, и добывать его становилось все труднее. А надо еще учитывать, что ительмены не имели навыков соболиного промысла. Даже в 1730-е гг., когда добыча соболя уже стала обычным явлением на Камчатке, у них «славным промышленником» считался тот, «которой пять или шесть соболей в зиму изловит, а многие и ясаку достать не могут, но во время ясачного збору принуждены бывают занимать оной у своих тойонов или у казаков и работать за то целое лето» [60, с. 244].

Помимо пушнины ительмены снабжали русских продуктами питания, одеждой, средствами передвижения, сами нередко выступали в качестве проводников, затрачивая свои силы и время. Констатируя это, надо иметь в виду

чрезвычайно важное обстоятельство — потенциал хозяйства ительменов (рыболовов и зверобоев) был рассчитан лишь на удовлетворение потребностей данного поселения, а не на производство прибавочного продукта. У них не было никаких естественных стимулов для производства значительных излишков, а, соответственно, стремления к накопительству и богатству.

Это точно подметили участники Второй Камчатской экспедиции: «Ительменам настолько чуждо чувство скупости и алчности в отношении преходящих благ и собственности, что они никогда не стремятся к получению больше того, без чего они могут безболезненно обойтись... У них желание работать развито ровно настолько, насколько это необходимо для пропитания их самих и членов их семей...» (Стеллер) [91, с. 167, 170]. «Впрочем живут они беззаботно, трудятся по своей воле, думают о нужном и настоящем, будущее совсем оставя... По той же причине и торги у них не для богатства были, но для получения нужного к содержанию... И это всем здешним народам свойственно есть» (Крашенинников) [60, с. 732]. «Они нисколько не заботятся о том, чтобы создать какие-нибудь запасы... Они не стремятся ни к какому излишку, но стараются добыть только необходимое к существованию» (С. Ваксель) [11, с. 119].

Позднее, в 1757 г., сибирский губернатор В. Мятлев информировал очередного командира Охотско-Камчатского края, что «камчадалы ж и сами от природы презельныя ленивцы», «многие так ленивы, что только одного труда в промыслу на платеж ясака не оставлять принуждаюца, а иные и на ясак промышлять лентяца... Многие ж есть и такие, кои хорошо жить охоту имеют, а заблаговременно от лености и неразсуждения своего зверей не напромышляют, и продать на деньги или променять на товары нечего, то с великим убытком одалживаюца и у купцов» [6, л. 30 об.—31, 33].

Вполне понятно, что дело, конечно, не в «ленности» аборигенов, а в их традиционных способах и целях хозяйствования, ориентированных на добычу лишь жизненно необходимого, а не бесполезных в условиях натурального хозяйства излишков. Перестроить же с приходом русских свое хозяйство и переориентировать его целеполагающие установки с потребления необходимого на добычу и производство излишков ительмены в одночасье не могли, да и понимание такой «перестройки», надо думать, пришло к ним далеко не сразу.

Ясно, что периодические, а тем более ежегодные, поборы со стороны русских тяжелейшим бременем ложились на плечи аборигенов, чье хозяйство не было приспособлено к быстрому увеличению своего потенциала. Не были готовы к этому в силу своего менталитета и сами аборигены. В результате неизбежным было резкое ухудшение материального положения, сокращение продовольственных запасов, а значит, учащение голодовок и заболеваний, и, как следствие, резкое недовольство русскими — источником

всех этих бед. Начала рушиться гармония мироздания ительменов, на место определенности приходила неопределенность. Вкупе со многими другими новациями, появившимися с приходом «белых» людей, это не могло не вызвать изменений в психологии и поведении аборигенов.

Еще в конце XIX в. В. Маргаритов отмечал: «Особенно сильное впечатление производят на ум дикаря те явления, которые идут в разрез с деяниями человека и сопровождаются гибелью и опустошением. Зло долее помнится, чем добро, страх сильнее чувствуется, чем благородность и всякое нарушение естественного хода явлений сильнее поражает ум и сердце... Поэтому дикарь во всем могучем, но в то же время странном для себя, видит силу, пред которой преклоняется и изыскивает средства к устранению ее или умиловительности» [65, с. 108]. Появляется естественное желание и стремление восстановить прежний порядок жизни и избавиться от причин, породивших изменения (см.: [95]).

Дополнительным, но не менее важным фактором, вызывавшим недовольство ительменов, являлось незнание, а подчас и нарушение русскими их нравов, обычаев и норм обыденной жизни. Последнее было весьма чувствительно для «дикарей», особенно учитывая их повышенную эмоциональность, свойственную в целом «первобытным» социумам. Сохранившиеся свидетельства наблюдательных путешественников и этнографов XVIII—XIX вв. рисуют нам ительменов людьми добродушными, честными, гостеприимными, но в то же время гордыми, независимыми, не терпящими обмана и мстительными. В частности, Крашенинников отмечал, что в их характере присутствует «ярость, ненависть и мщение, чего ради и войны, как между собою, так и с соседними народами имели» [60, с. 368].

Наконец, надо принимать во внимание «собственническое» отношение к территории, свойственное народам, чье жизнеобеспечение напрямую зависит от ее природных ресурсов. Территориальность у первобытных народов в современной науке трактуется следующим образом. Территория — есть «пространство, занятое индивидом или группой на основах большей или меньшей исключительности, основанной на недопущении (других людей) путем прямого отказа или других форм сигнализации» (Э. Уилсон, Р. Дайсон-Хадсон, Э. Смит). С точки зрения названных исследователей, чем полнее и регулярнее какая-либо территория могла обеспечить людей пищей (а шире — любыми ресурсами), тем больше последние были заинтересованы в монопольном владении ею, и тем меньше склонны уходить с территории сами или, напротив, пускать сюда чужаков. Соответственно отношение людей к территориальности варьировалось от достаточно жесткого до его полного отсутствия, между этими крайностями имелось множество переходных форм.

В результате разный характер территориальности неизбежно диктует и разные поведенческие стереотипы. Но при этом В. А. Шнирельман подчеркива-

ет, что «развитие специализированного хозяйства и оседлость способствовали установлению особенно тесных связей между людьми и промысловыми угодьями и придавали особый смысл наличию строгих прав собственности на те или иные участки территории» [98, с. 73—75, 111].

Хотя прямыми свидетельствами мы не располагаем, но вряд ли ошибемся, если посчитаем, что у ительменов существовало отмеченное у других сибирских народов представление о «границах» своей территории, а «нарушение границ земельного владения считалось одним из самых тяжких преступлений и каралось смертью» [73, с. 68]. Контроль над пространством является жизненно важной потребностью любого живого существа. Вторжение любого другого на эти территории вызывает реакцию от раздражения до агрессии. Этологами агрессивность связывается с присвоением и защитой необходимого пространства и расположенных на нем ресурсов [59, с. 40].

Военные действия, ухудшение материального положения и вызванные ими голод и болезни привели к значительному сокращению численности ительменов. По сведениям И. И. Огрызко, она составляла: в 1715 г. — свыше 15 тыс. чел., в 1718 г. — свыше 13 тыс. (в том числе 3 349 ясачных), в 1720-х гг. — свыше 11 тыс. (или 2 760 всех ясачноплательщиков, включая 1-й курильский остров) [71, с. 171—208; 72, с. 13, 30] (И. И. Огрызко, равно как и другие исследователи (например, И. С. Гурвич) полагали, что в составе ясачноплательщиков, приписанных к камчатским острогам, были и коряки. Но, как уже отмечалось выше, камчатские коряки находились в ведении Анадырского острога. Исходя из этого, есть твердое основание полагать, что приводимая И. И. Огрызко численность ясачных относится только к ительменам и «курилам»). Он же подсчитал, что в 1700—1710-х гг. ительмены потеряли в боях с русскими около 4 500 чел. [71, с. 201]. По данным других исследователей, в первые восемнадцать лет после открытия Камчатки вследствие столкновений со служилыми людьми, а также участвовавших междуособиц, численность ительменов уменьшилась примерно на 20—23 % [101, с. 217].

По известию канцелярии Охотского порта, в 1728 г. на Камчатке с ближайшими Курильскими островами значилось 2 983 ясачноплательщика [2, л. 336 об.], по «рописному списку» С. Вологодина, к 1731 г. — 2 642 [2, л. 233 об.]. И. С. Гурвич, используя эти же документы, допустил ошибку: приводимое в ведомостях число ясачноплательщиков на 1737 г. (2 535 чел.) он отнес к 1729 г., а для 1731 г. указал 2 634 чел. Кроме того, он полагал в этом числе и камчатских коряков [41, с. 97, 98].

Если применить общепринятый четырехкратный коэффициент расчета численности всего населения, получается, что в 1728 г. было примерно 12 тыс., к 1731 г. — 10,5 тыс. ительменов (вместе с обложенными ясаком «курилами», число которых было, скорее всего, незначительным). В таком случае можно говорить о примерно двукратном уменьшении численности

ительменского населения по сравнению с началом XVIII в. Правда, надо иметь в виду, что какая-то часть ительменов скрывалась от ясачного обложения, но, с другой стороны, шел естественный прирост, и подрастающее поколение включалось в состав плательщиков ясака, что, однако, не покрывало убыли.

Сокращение численности ясачных вело к падению сбора пушнины. В 1728 г. власти отметили, что от «морового поветрия» на Камчатке умерли 121 чел., «сошли» на острова — 41, не явились к платежу — 95, «не доплатили за беспромыслицей» — 198, по болезни — 217 [41, с. 97]. Чуть позже, в 1731 г. Якутская воеводская канцелярия, подводя итоги ясачного сбора за прошлый год, констатировала: «Да по сборным ясашным камчацким книгам камисаров Ивана Уваровского, Михайла Шехурдина показано: ясаку де сполна не добыто за иноземческою скудостью и за скорбью и увечьем, а иные де ясашные иноземцы сошли в дальние места без вести, а у скорбных и увечных иноземцов никакого пожитку не имеетца, и за таким неимением положенного ясаку взять с них нечего, а скота тамошней народ не имеет» [10, с. 139].

Численность русских на полуострове существенно уступала численности местного населения. К середине 1720-х гг. здесь, по данным секретаря Сената И. К. Кирилова, находилось 255 служилых людей. Из них 100 были годовальщиками (временно командированными), а остальные — «жилыми», то есть постоянными жителями [13, с. 296—300]. По другим сведениям, в 1723 г. все русское население Камчатки состояло из 165 казаков и 11 промышленных людей [83, с. 105] (к ним можно добавить одного священника). Первая перепись населения учла в 1724 г. в камчатских острогах 61 разночинца [12, с. 74—75]. Беринг сообщал, что «в бытность нашу при Камчатке (то есть в 1727 г. — А. З.) во всех трех острогах служилых людей было не более 150 человек, которые живут для збору ясака...» и «есть служилые люди, которые уже давно обретаютца и имеют жен и детей и дома» [8, л. 75 об.; 21, с. 63].

Таким образом, можно полагать, что русское население к 1730 г., вероятно, едва превышало 200 взрослых казаков, разночинцев и промышленных людей, соответственно, соотношение взрослого мужского населения составляло примерно один русский к 13—15 ительменам.

Русское население рассредоточивалось в трех острогах: Нижнекамчатском, Верхнекамчатском и Большерецком. Нижнекамчатский острог располагался на левом берегу р. Камчатка близ устья р. Уачхачь, примерно в 8 км ниже устья р. Еловка и недалеко от местечка Ключи. В остроге находились приказная изба с «аманацкой казенкой» для содержания аманатов, несколько амбаров, из казенного вооружения — «две пушки медные, 51 ядро железных, 2 фузеи к стрельбе негодныя, 2 винтовки негодныя, пороху хрушнава и мелкова в посуде, а что по весу того не показано» [2, л. 231—231 об., 363 об.—364].

В 4—5 км ниже по течению р. Камчатка на ее правом берегу при устье р. Ключовка стояла церковь, еще ниже — Успенская пустынь. В 1727 г., по данным Беринга, непосредственно около острога располагалось «дворов з 50, да в другом месте, где церковь, дворов с 15» [21, с. 63]. При пустыне было три избы, пять амбаров и баня, а на устье р. Еловка — 20 обывательских дворов.

Верхнекамчатский острог, на левом берегу р. Камчатка у устья р. Кали-Кык (Кали-Кыг), имел приказную избу, два амбара и аманатскую «казенку». «В том же остроге имеетца артиллерии годной пушка медная, знамя пестрое, четыре пищали гладкия, к стрельбе негодные, одна фузея, пороху четыре пуда десять фунтов, сто восемьдесят ядер железных, свинцу 1 пуд 14 фунтов». В остроге и рядом с ним насчитывалось 17 жилых дворов и часовня. Большерецкий острог стоял на стрелке в месте слияния рр. Быстрая и Гольцовка, там, где они образуют р. Большая. В нем находились приказная изба, три амбара, аманатская «казенка», две медные пушки, один пуд пороха, 40 пушечных ядер и 4 фузеи, «к стрельбе негодныя» [2, л. 231—231 об.].

К 1726 г. рядом с острогом стояли 17 жилых дворов и одна часовня. Беринг в 1727 г. насчитал «при оном остроге русского жилья 14 дворов» [21, с. 63]. Все три острога имели в плане четырехугольную форму, были обнесены тыновыми бревенчатыми стенами с одной проезжей башней. (Подробнее описание острогов см.: [48, с. 284—292; 80, с. 149, 152, 153, 154; 83, с. 105, 106, 110, 111]).

Помимо «годовальщиков» и постоянного населения, на Камчатке во второй половине 1720-х гг. находились участники морских экспедиций. В 1727—1728 гг. там располагалась Первая Камчатская экспедиция. В сентябре-октябре 1730 г. на полуостров на судах «Св. Гавриил» и «Восточный Гавриил» прибыл морской отряд экспедиции А. Ф. Шестакова — Д. И. Павлуцкого, созданной в 1727 г. для подчинения коряков и чукчей, а также народов, которые «сысканы и прилегли к Сибирской стороне, а не под чьею властью».

Отряд в составе 65 казаков, 7 матросов, 3 мореходов, 4 гренадеров, двух солдат, подштурмана Ивана Федорова, геодезиста Михаила Гвоздева и «судовых дел подмастерья» Ивана Спешнева возглавлял штурман Яков Генс. Вместе с ними прибыли новый комиссар камчатских острогов И. Уваровский с одним казаком, денежный комиссар И. Жданов «с товарищем» и восемь торговых людей. В задачи отряда входило плавание к р. Анадырь для поддержки с моря действий «партии» Павлуцкого против чукчей и «проведывания морских островов» [45; 46]. Помимо отряда Генса, на Камчатке также находилась прибывшая туда ранее команда В. А. Шестакова (около 50 чел.), совершившая в 1730 г. плавание по Охотскому морю [38, с. 67—69].

Находясь в Большерецке, Генс осенью 1730 — летом 1731 г. деятельно готовил свою партию к морскому плаванию — занимался ремонтом кораблей, организовал добычу рыбы, зверя и соли, требовал от камчатских приказчи-

ков провианта и боеприпасов, хотя и сам по мере необходимости снабжал местные остроги «для бережи» порохом и свинцом. В октябре-декабре 1730 г. часть отряда (38 казаков и Спешнев) переместилась в Нижнекамчатск, а в январе следующего года десять казаков и три гренадера по приказу Павлуцкого отправились в Анадырский острог.

Подготовка плавания тормозилась конфликтом, возникшим между Генсом и большерецким комиссаром М. Шехурдиным. Штурман обвинил последнего в нежелании содействовать «партии» и даже попытался подвергнуть аресту. Причиной игнорирования Шехурдиным требований Генса стало вмешательство последнего в компетенцию камчатских комиссаров.

Дело в том, что непосредственный начальник Генса Павлуцкий, считавший себя в соответствии с сенатским указом 1727 г. главным командиром северо-восточного края, предоставил ему право контроля за ходом и результатами ясачного сбора на Камчатке. Генс же, а также В. Шестаков и их люди, по своему трактовали указ, сами взялись собирать ясак на полуострове, нарушив тем самым прерогативы официальных ясачных сборщиков, что привело к конфликту и даже столкновениям между камчатскими казаками и «партийцами».

Так, весной 1731 г. по указанию Генса на мыс Лопатка для последующей поездки на Курильские острова в целях призыва островитян в ясачной платеж отправился солдат Александр Змиев. 12 апреля 1731 г. к нему явились «курильские мужики», которые подали жалобу на «многие обиды» от казака Л. Вальнкина, посланного к ним ясачным сборщиком Матвеем Новограбленным «для приутовления кормов и байдар». Змиев через толмача Алексея Еремеева объявил «курильцам»: «ежели кому были какие обиды, не токмо от Вольнкина, но хотя б и от сборщика или от других от кого, то б приносили жалобу на письме, которое обидимое им возвращено будет».

Присутствовавший при этом Новограбленный, придя в возмущение, избил Еремеева, ранив его копьем в руку, а самому Змиеву заявил: «по какому де ты, растая (видимо, растаяя. — А. З.) мать, указу спрашиваешь ясачных иноземцев про мои обиды». Змиев на глазах «курильцев» не стал затевать ссоры, «чтобы не было посмешества или от таких его, Новограбленного, непорядков между иноземцами не учинилась какая шатость», но впредь пообещал ни в чем Новограбленному не уступать [15, с. 47—48].

23 июня 1731 г. отряд Генса на судне «Св. Гавриил» вышел из Большерецкого устья, обогнул мыс Лопатка и 9 июля достиг устья р. Камчатка. Пополнив здесь запасы продовольствия, экспедиция 20 июля отправилась к Чукотке. Однако поднявшийся встречный ветер заставил Генса поставить судно на якорь (подробнее о пребывании на Камчатке морских отрядов см.: [38]). Эта случайная вынужденная остановка сыграла чрезвычайно важную роль в разрывании дальнейших событий на Камчатке.

НАЧАЛО ИТЕЛЬМЕНСКОГО ВОССТАНИЯ. ЗАХВАТ ВОССТАВШИМИ НИЖНЕКАМЧАТСКОГО ОСТРОГА

Согласно следственным материалам, «дума» об «измене» впервые появилась у ряда ительменских тойонов и «лучших мужиков» в мае 1731 г. Ф. Харчин назвал даже точную дату — 9 мая [8, л. 308; 15, с. 64, 69]. Однако, скорее всего, замысел восстания в среде ительменов зародился намного раньше. Крашенинников писал, что он появился в 1728 г., и ительмены «только ждали к тому удобного времени» [60, с. 762]. Это свидетельство заслуживает внимания, и не только потому, что основано на рассказах очевидцев.

В 1727—1728 гг. на Камчатке находилась экспедиция Беринга, которая еще более ухудшила положение ительменов, чье недовольство стало прорываться наружу. 3 июля 1729 г. казак Тимофей Албышев сообщил в Большерецкой ясачной избе, что получил известие о намерении «морских» и «курильских мужиков» напасть на Большерецкий острог [4, л. 36 об.].

В том же году «изменили» и отказались вносить ясак «курильской породы Темта с товарищи» [4, л. 37], а также произошло нападение «курильских мужиков», тойона Пекера с «родниками», на ясачных сборщиков Осипа Соловьева с «товарыщи», которых «в юрте заперли и зажечь хотели». Казакам едва удалось вырваться из юрты, убив одного иноземца. Несколько казаков были ранены, но нападавшие разбежались [4, л. 38 об.; 60, с. 761]. В это же время были убиты ясачные сборщики на р. Ука [74, с. 40].

Не исключено, что восстание началось бы уже в 1729 г., однако прибытие на полуостров морских отрядов Ивана и Василия Шестаковых (всего более 100 чел.) удержало ительменов [83, с. 118]. Тем не менее, по сведениям Крашенинникова, зимой 1730—1731 г. нижнешантальские, ключевские и еловские ительмены разъезжали по всей Камчатке, «делали советы между собою, уговаривали нежелавших идти к ним в согласие, и угрожали погублением всех их роду» [60, с. 493].

«Изменническое» намерение ительменов, надо думать, укрепились известиями о разгроме чукчами в марте 1730 г. на р. Ягача (между рр. Парень и Пенжина, недалеко от Камчатки) отряда А. Ф. Шестакова и о захвате коряками Ямского острога (на р. Яма, к северу от п-ва Пьягина) [47; 60, с. 493]. Победы чукчей и коряков давали пример и придавали уверенность в возможности победы над русскими.

В мае 1731 г. представители ряда ительменских родов окончательно договорились о совместном выступлении. Следственные материалы показывают, что «в том замысле» были тойоны и их «родники» с р. Еловка и с Ключей. На допросах назывались следующие имена: новокрещенные Федор Харчин (У Ф. Харчина был родной брат, некрещенный ительмен Аяхаруч. Имя последнего позволяет предположить, что и Федор до крещения носил родовое

имя Харуч, от которого и образовалась фамилия Харчин), Афанасий Микулин (он же Касян, Офонька Никулин. В источниках встречаются разные формы написания ительменских имен, обусловленные как их произношением, так и восприятием на слух русскими людьми. Кроме того, нечеткая транскрипция букв на письме в XVIII в., особенно в скорописях и черновиках, не всегда дает возможность правильно прочесть эти имена. Поэтому к каждому имени в постраничных примечаниях при первом упоминании будут даваться все его формы, зафиксированные в документах), Оверка Яковлев (Оверя), тойоны Нефед Тенивин (он же Ивалч Тавач, Тонач, Тогач), Кзут (Гзут, Изут), Голгоч, Шаруч, Чемпач еловский, Харуча (Харуга) подострожный (то есть живущий недалеко от Нижнекамчатского острога), Кашея Хобинов (Кашка, Наиша, Накша) подострожный, Харуча Огонев ключевской (Харуга), Лехтар, Валаган Кнупин (Валагала, Валагола, Валагал, Валагин, Волага, Валалан), Коженамак (Кажекаман), Дугич (Дурига), Налач крестовской, Ханея с братом Урином, Хаврат (Хаврот, Хавриткин), Налач ключевской с братом «ясаулом» Урилом подострожным, тойонский сын Тадея Иурин (Тадья, Дадея Урин). Правда, многие «заговорщики», в частности Нефед, Оверка, Урил, Кашея, Шаруч, Харуча ключевской, на допросах категорически отрицали свое участие в организации восстания.

Летом заговорщики вновь собрались в Ключах, чтобы обсудить ситуацию. Наиболее нетерпеливые из них настаивали поднять восстание немедленно, «но большая часть иноземцев отложить измену присоветовала», чтобы дожидаться отплытия с Камчатки «Св. Гавриила», на котором ушла бы значительная часть русских, и на полуострове остались бы лишь небольшие группы казаков, разбросанные по отдельным, удаленным друг от друга острогам [38, с. 105—106; 60, с. 493, 762; 74, с. 41].

Поскольку костяк заговорщиков составили ительмены-бурин, проживавшие в низовьях р. Камчатка, то первым объектом их нападения должен был стать Нижнекамчатский острог [15, с. 64].

Но восстание началось все же стихийно. Недовольство ительменов достигло предела, когда достаточно было одной капли, чтобы чаша их терпения переполнилась. Что и произошло, когда на Ключи (центр заговора) из Нижнекамчатского острога для сбора «ягод голубели» (голубицы?) прибыл толмач Андрей Орлик. Он стал посылать ительменок за ягодами «неволею», «что, — как писал Крашенинников, — камчадалам за великою досаду показалось, ибо у них прежде того ягодных зборов не бывало». Возмущенные ительмены послали гонцов на р. Еловка к Ф. Харчину [60, с. 762].

В это же время ительмены, наблюдавшие за отрядом Генса, сообщили Харчину, что «Св. Гавриил» поднял паруса и вышел из р. Камчатка в открытое море. Они, правда, настолько спешили сообщить эту новость, что не удостоверились в окончательном уходе судна [60, с. 494].

По сведениям Крашенинникова, Харчин «с товарищи» прибыли на Ключи, где убили Орлика и бывшую там же некую казачью жену, а оттуда поплыли вниз по реке, убивая по пути всех казаков [60, с. 762]. Согласно следственным материалам, события развивались иначе. Харчин и его единомышленники, появившись в Ключах (в Ключевском острожке), перебили бывших там казаков А. Орлика, Ананью Тюхова, Степана Ларионова, Елисея Долгополова, жен казаков Степана (или Алексея?) Чюрина и Абросима Сорокоумова с двумя сыновьями, а также посадских людей Захара Третьякова и Ивана Татарина с женой и сыном. С Ключей отряд Харчина двинулся вверх по р. Камчатка. В устье р. Еловка он напал на русское поселение, где уничтожил местных жителей — казаков Петра Саранчина, казачьих детей Осипа и Василия Колычевых и новокрещенного якута Данила [5, л. 10 об., 19; 8, л. 308—308 об.; 15, с. 64, 71].

Затем отряд Харчина поднялся до устья р. Крестовка (ныне р. Белая), где у него произошло столкновение с людьми тойона Хобина Харучепова. Если верить весьма скупому показанию сына Хобина — Кашее, Харчин стал «призывать» Хобина «изменить и служилых людей и Нижней Камчадалской острог раззорить». На это Кана, еще один сын Хобина, якобы спросил: «для чего де вы такое злое дело хотите делать». Тогда сторонники Харчина Ханя Иурин «заколел до смерти» Кану, а Далач «ударил в голову» Кашею и «проломил в двух местах». «Измениками» был также ранен зять Хобина Харуч, пленены три дочери Хобина, «и ево Какшу (Кашею. — А. 3.) и с отцом своим взяли с собою в ызмену в неволю» [5, л. 17 об., 21 об.].

Данное разногласие среди ительменов было не единственным. Тойон Камакова острожку Шаруч на допросе поведал, что когда «Фетка Харчин с товарищи дядю ево, Кулу, звали в ызмену, и он де не пошел, и за то де ево застрелили, да брата Шадала скололи и острог их раззорили и сожгли, а жен и детей взяли в полон» [5, л. 24 об.].

Уничтожив казаков в Ключах и устье Еловки, «бунтовщики» в составе еловских, ключевских и крестовских ительменов выступили к Нижнекамчатскому острогу. Одновременно группа ительменов, обслуживавшая морскую партию, после ее отплытия двинулась с устья р. Камчатка к Ключам, также убив по дороге несколько казаков и взяв в плен их жен и детей [60, с. 494]. Восстание началось.

В ночь на 20 июля 1731 г. отряд Харчина подошел к Нижнекамчатскому острогу. Чтобы захватить его, ительмены применили свою обычную военную тактику. Как писал Крашенинников, «на войне действовали они больше обманом нежели храбростью... В неприятельские острожки врывались они ночным временем» [60, с. 402, 705] (см. также: [23, с. 226—238]). Однако, понимая, что штурм, даже ночной и внезапный, может не удастся, восставшие решили выманить казаков из-за острожных стен. В этих целях они подожгли

двор иеромонаха Иосифа Лазарева, стоявший вне острога, «с таким умыслом: как де побегут служилые на пожар и тут стрелять». Сам иеромонах в тот момент находился в устье р. Камчатка. Его сын дьячок Андрей Лазарев, заметив огонь, выскочил из дома, бросился на колокольню и стал бить в колокол, созывая людей. Ничего не подозревавшие казаки вместе с женами и детьми бросились из острога тушить пожар.

Сидевшие в засаде ительмены только этого и ждали. В ходе скоротечной резни были убиты служилые Андрей Попов, Алексей Чюрин с сыном Иваном, Иван Обуховский с пасынком, Дмитрий Новгородов с женою, двумя сыновьями и двумя дочерьми, Иван Буторин с тремя сыновьями, Александр Русанов, новокрещенный Яков с сыном и дьячок Андрей Лазарев. Ворвавшись в острог, нападавшие убили также двух караульных казаков, стоявших у аманатской избы и освободили сидевшего там аманата Кнупа. Лишь несколькими казакам удалось добежать до батов и под прикрытием темноты уплыть от острога. Оставшиеся в живых казачьи жены и дети оказались в плену, причем женщины и девушки были изнасилованы и превращены в наложниц. К восставшим присоединились казачьи холопы и дворовые люди Успенской пустыни.

Днем 20 июля победители разграбили «все пожитки казачьи, нарядились в самое их лучшее платье, в том числе иные в женское, а иные в священнические ризы», и стали праздновать победу. Они устроили пиршество, пляски и шаманское камлание, «а Федька Харчин, как новокрещеной, призвав новокрещена ж умеющего грамоте (монастырского холопа Савинко. — А. З.), приказал ему петь молебн в священном одеянии» [60, с. 495, 762; также: 5, л. 18], а «ис церкви святой иконы вынесли они, Фетка с товарищи, вон и поставили кругом ясашной избы» [5, л. 7].

По некоторым данным, восставшие раззорили Успенскую пустынь [40, № 1, с. 40; 83, с. 119]. В их планы входил поход вниз р. Камчатка в целях уничтожения всех еще оставшихся в живых казаков. Нижнекамчатский острог они хотели сохранить, но перенести ниже по течению реки «на сопочку», а церковь и ясачную избу «перевести и сжечь на дрова» [15, с. 64, 72].

Но эйфория победителей была недолгой. В тот же день, сначала от девки Параньки (служанки казака Алексея Холмогорова), затем от ключевского тойона Чегеча (Чагач, Чюгеч, Чагаги, Чегага) узнали, что «Св. Гавриил» задержался в устье Камчатки. Чегеч с частью своих «родников» находился у моря и, увидев возвращение судна, устремился к Нижнекамчатску, убивая всех русских, попадавшихся на пути, в том числе и «бежавших из острогу в батах несколько человек побил и полонил» [60, с. 495, 762].

Получив нерадостное известие, ительмены, однако, не растерялись, а принялись укреплять острог. Воодушевленные легкой ночной победой, они были полны решимости продолжать борьбу. Разобрав церковную трапезную и не-

сколько домов, восставшие из их бревен поставили «вкруг старого острога» еще одну стену. В острог были снесены все продовольствие, боеприпасы и оружие, в том числе «десятка с два фузей и винтовок». Правда, две медные и две чугунные пушки, бывшие в остроге, ительмены утопили в реке, не зная, видимо, как из них стрелять. Чтобы улучшить видимость и лишить осаждающих прикрытия, все казачьи дворы, стоявшие рядом с острогом, были сожжены. Судя по этим приготовлениям, восставшие готовились к серьезной обороне (о взятии ительменами Нижнекамчатского острога см.: [5, л. 7, 17 об.; 8, л. 303, 308 об.—309; 15, с. 50—51, 64, 71, 72; 38, с. 105—106; 60, с. 494—495, 762].

Одновременно они послали в ительменские поселения вверх по р. Камчатка сообщение о взятии Нижнекамчатского острога, призывая их присоединиться к восстанию [60, с. 495, 762].

Как только окрестные жители услышали об успехе Харчина и его товарищей, они совершили нападения на разрозненные группы казаков. «Изменники» во главе с Ор Тавачем в «Щеках» выше Шантал убили казачью жену, в Канакове острожке — казачьего холопа Алексея, в Хачиках — казака Петра Пиляева, затем, прихватив из Каменного острожка «ясаула» Васача с пятью людьми, прибыли в Нижнекамчатский острог [5, л. 22].

Тойон Талач (Таноч) Бургачев с братьями Карымчой (Курюмча), Ивоже-том (Ивожит), шурином (или братом?) Вакочем и Черочем Кнупиным в верховьях р. Камчатка сожгли дворы казаков Ананьи Тухова и Степана Власова, убили жену казака Якова Кабыкова [5, л. 28 об., 31 об.].

В верховьях р. Еловка еловские ительмены, в том числе Нефед Тенивин, его брат новокрещенный Иван (Итатель Тенивин), Валаган Кнупин, Кана (Брючин?), Кзут, Чемура Каначев (Чамура, Чамора, Чегора), Лалот Аюлхин (Лолот, Лапот Аюхин), а также Гыжур из Печучева острожка перебили возвращавшихся с ясачного сбора с р. Ука служилых людей Дмитрия Бологова, Григория Попова, Евсея Чирышева (по другим данным Комарова), Евдокима Ворышаева, Андрея Багуева (Балуева?).

Интересно заметить, что при расправе ительмены отрубили у Бологова и Попова руки и воткнули их на колья, демонстрируя, вероятно, тем самым, что наказали казаков за жадность. После расправы с ясачными сборщиками Лалот, Гыжур, Кана, Иван (Итатель), Чемура и примкнувшие к ним тойон Тигил, Карымча Бургачев и Конхоч (Канач) «с родниками» убили бывших на рыбных промыслах казаков Данила Комарова, Семена Островского, Гаврилу Бубенного, Прокопья Жировикова, казачьего сына Ивана Кузнецова, посадского сына Макара Обухова, промышленных Михаила и Василия Жировикова, а также жену служилого Ивана Смирнова с двумя дочерьми, жену Евдокима Ворышаева с сыном и жену Андрея Багуева (ее повесили за ноги) с сыновьями [5, л. 15 об.—16, 22 об.—23 об., 24 об., 25 об.—27 об.; 8, л. 309 об.—310, 311 об., 314; 15, с. 64—65, 66, 68—69, 73—74].

Позднее, один из предводителей восстания, Нефед Тенивин, а также Лалот Аюлхин, отвечая на вопросы следователей, сообщили, что еловские ительмены напали на русских по приказу, посланному Ф. Харчиным из Нижнекамчатска. Сам Федор это опровергал, называя главными виновниками убийства на Еловке «еловских мужиков» Валагана и Чемура [8, л. 311 об.; 15, с. 66, 73]. По словам участников убийства Чемуры Каначева, Хомкала Эжина (Хомкало, Тонкала, Токкал Вежин), Хотчерича Эжина, Аплача Пылгочева (Аплич, Хаплич Полгочев), «колоть» служилых людей и их родственников велел Лалот Аюлхин [5, л. 23 об., 26 об.—28].

Бывшая у ясачных сборщиков пушнина (39 красных лисиц и пять соболей) оказалась в руках родного брата Ф. Харчина — Степана, который был толмачом при Д. Бологовом. Позднее, на допросах, Степан, категорически отрицая свою причастность к убийству казаков, утверждал, что забрал себе ясачную казну для того, чтобы уберечь ее от разграбления, он даже якобы спрятал ее в лесу. Раздел же пушнины между вождями восставших, по его словам, осуществили прибывшие из Нижнекамчатского острога Ф. Харчин и Голгоч, которые силой отобрали у него ясак. Другие участники событий (Ф. Харчин, Итатель, Урил) первоначально показали, что Степан сам раздарил ясачную казну своему брату, дяде Голгочу, Налачу, Тадею, Урилу и Илту (Итта). На это Степан возразил тем, что дал названным лицам свои «пожитки», опять же ради того, «чтоб они, изменники, казны не разграбили». На повторных допросах Ф. Харчин признал, что «зборную ясачную казну разграбили он, Фетка да дядя их Голгоч с товарищи». Позднее из всего ясака удалось вернуть только 14 лисиц, обнаруженных в вещах Степана [5, л. 8, 15 об.—16; 8, л. 314; 15, с. 59, 64, 66, 68—69, 73—74].

Примерно в это же время (но неизвестно, до или после событий на Еловке) другие «изменники», в том числе Хобин Харучепов, Урил подострожный, Черемач Бургачев (Чремочь, Чромаш, Чремыш, Черемаш, Черемыш, Чарамаш, Чаромаш, Чарома Быргачев), Лехтарев племянник, новокрещенный Никита Родихин, убили на Шантальском озере казака Василия Чюпрова, казачьего сына Ивана Красильникова, новокрещенную девку Варвару, пять дворовых «робят» и «девок» казака Алексея Колмогорова (он же Отопка), взяли в «полон» жену и дочь казака Василия Петрова, а также разорили бывшие при озере казачьи «зимовья, анбары и балаганы» [5, л. 18 об., 21 об., 29 об., 30, 30 об., 31; 8, л. 312 об.; 15, с. 68].

Анализируя действия ительменов в начальный период восстания, надо обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, это — хорошая организация восстания. Заговорщикам удалось длительное время хранить в тайне свой замысел, что дает основание говорить о полном единодушии в их рядах и твердой убежденности в правоте своего дела. Людей ненадежных они в свои планы не посвящали. А таковые,

судя по разногласиям и даже столкновениям среди ительменов, были. Не исключено, что давала о себе знать «межродовая» вражда. К тому же в целом связи между отдельными острожками были очень непрочными, каждый из них мог иметь свои интересы, в том числе и во взаимоотношениях с русскими.

Выступление было приурочено к моменту, когда значительная часть русских сил должна была покинуть полуостров. Те, кто оставался, были рассеяны небольшими группами в разных местах. В самом Нижнекамчатском остроге находилось весьма незначительное число казаков. Даже закащик (начальник) острога сын боярский Иван Кырков в тот момент был в устье р. Камчатка, наблюдая за отплытием морской партии. Начало восстания было внезапным и скоординированным. При этом его вожди выбрали, как представляется, удачный план действий. Сначала почти одновременное уничтожение в разных местах в низовьях р. Камчатка разрозненных групп русских, затем взятие Нижнекамчатского острога, после чего — ликвидация оставшегося в живых противника. Это давало возможность разбить силы казаков по частям, не дав им возможности соединиться.

Во-вторых, стремление ительменов перенять казачий «стиль» поведения. Среди руководителей восстания были те, кто хорошо знал образ жизни и действий казаков, поскольку неоднократно бывали у них толмачами и жили среди них. Многие из ительменов «умели из ружья стрелять, имели винтовки и порошу довольно, а многие знали все российские тамошние ополчения и каким образом защищать себя и потому имели не варварския уже предприятия и советы» [60, с. 494; 74, с. 40—41]

Захватив острог, восставшие, как говорилось выше, устраивают молебен. Факт достаточно любопытный. Он, надо полагать, свидетельствует не о набожности ительменов (крещеных, да и то формально, среди них было немного), а о стремлении копировать то, что делают казаки, отправляясь на войну или одержав победу. Ительмены, видимо, надеялись, что и на них распространится защитительная сила русского бога, если они выполняют определенный ритуал: «Чтоб им бог помог побить русских людей» [60, с. 762].

Ф. Харчин объявляет себя «комисаром» [60, с. 495, 762], а ительмены облачаются в русские одежды. В этом также можно усмотреть не столько демонстрацию лидерства и банальный грабеж, сколько стремление перенять казачьи атрибутику и символику. Прекрасно зная о силе и жестокости русских казаков, их «непобедимости», ительмены рассчитывали тем самым и на себя распространить эти свойства. Одним словом, здесь мы видим традиционное для «диких» народов магическое представление о том, что внешние символы передают и внутренние (имманентные) свойства. Возможно, с этим же было связано и решение восставших остаться в остроге и защищаться в нем, в надежде на то, что «русские» стены укрепят их боевой дух, передадут им казачью силу.

ВЗЯТИЕ РУССКИМИ НИЖНЕКАМЧАТСКОГО ОСТРОГА

20 июля 1731 г. спасшиеся из Нижнекамчатского острога казаки Абросим Сорокоумов, Павел Попов и Сергей Красавцев приплыли на батах в устье Камчатки и объявили «скаскою» бывшему там заказчику И. Кыркову о захвате острога [38, с. 105—106]. Причем они толком даже не смогли объяснить, какие именно «иноземцы» напали на острог — то ли от того, что сразу же бежали, то ли не разобрались в темноте в суматохе пожара и нападения. Кырков тотчас послал «ведение» Я. Генсу, который со своей командой на «Св. Гаврииле» ожидал попутного ветра в устье реки, и запросил у него «вспоможение» [15, с. 50, 57].

Штурман адекватно оценил ситуацию и выделил из своей партии 52 человека во главе с подмастерьем И. Спешневым, которому, в полном соответствии со стандартными правительственными установками, предписал «означенных изменников сыскивать и приглашать ласковым приветом, а ежели они на ласковый привет не пойдут и будут Ея И. В. противны, и то поступать на них регулярно военною рукою» [15, с. 57].

Вместе со Спешневым отправился М. Гвоздев. К отряду присоединились также 28 казаков — жителей Нижнекамчатского острога, помогавших морской партии готовиться к отплытию. Любопытно отметить, что этих казаков возглавил не «государев» закащик Кырков, а Гаврила Чюдинов, выбранный самими казаками «полевым закащиком». Факт интересный, свидетельствующий о том, что среди камчатских казаков живы были традиции казачьего круга и самоуправления, так широко бытовавшие в Сибири в предшествующем столетии [22; 69]. В критическую минуту они предпочли иметь своим командиром не официального начальника, а выборного командира (походного атамана) — человека, пользовавшегося неформальным авторитетом и, надо думать, хорошо знавшего «ратное дело».

21 июля объединенный отряд общей численностью 81 чел. выступил на батах вверх по реке. 22 июля он встретил спасшихся от погрома казака Алексея Воробьева и несколько казачьих жен, которые сообщили, что бунтовщики-ительмены укрылись в остроге и «знатно хотят сидеть в крепости». Получив эту информацию, Спешнев в тот же день отправил Генсу письмо с просьбой прислать подмогу, пушки, боеприпасы и топоры, а сам не спеша и с осторожностью двинулся дальше.

Поздним вечером 24 июля отряд пристал к берегу за пять верст до острога. Отсюда тридцать человек пошли по суше, а остальные продолжили плавание. Ранним утром следующего дня русский отряд подошел к Нижнекамчатску. Ительмены, увидев казаков, «взошли наверх на яшашную избу и на башню» и «закрычали все в один голос необычно и кричали так три разу», а затем начали стрелять из огнестрельного оружия. Русские открыли ответный огонь.

Но перестрелка продолжалась недолго. Спешнев и Чюдинов вступили с оставшими в переговоры, пытаясь убедить их сдаться без боя, «дабы они, изменники, смирились и вину свою Ея И. В. принесли, а ясак бы платили с родниками своими весь сполна по-прежнему». Одновременно Спешнев вновь направил Генсу просьбу прислать артиллерию и боеприпасы.

Переговоры продолжались два дня. Ф. Харчин, если верить его показаниям, хотел выйти к осаждавшим и сдаться, но «Голгоч да Июра ключевой и другие старики разговорили», надеясь отсидеться в остроге. По другим сведениям, Федор, наоборот, надсмехался над казаками, кричал им со стен: «За чем вы пришли? Разве не ведаете, что я комиссаром камчатским? Я буду сам ясак збирать, а вы, казаки, здесь в земле не надобны» [60, с. 495, 762]. А на предложения сдаться он «из острогу крычал, что какие им (ительменам. — А. З.) обиды делали и разорения комиссары и служилые люди и бранили здешних жителей и порицали их всячески... а нам многие поносительные слова говорили» [38, с. 106—107], то есть напоминал казакам об их «лихоимствах».

В конце концов переговоры закончились ничем. Да, скорее всего, Спешнев и Чюдинов просто тянули время, чтобы дожидаться артиллерии, которую подвезли 26 июля — три пушки и две мортирцы. Вместе с ней прибыли матрос в качестве канонира и 25 казаков во главе с солдатом Александром Змиевым. Таким образом, общая численность осаждавших достигла 108 чел. (О походе Спешнева к Нижнекамчатскому острогу см.: [8, л. 294, 298, 316—316 об.; 15, с. 51—53, 57, 58, 71; 38, с. 105—106; 60, с. 495, 762—763].)

Сколько против них было обороняющихся, точно не известно, но вряд ли значительное число. Судя по количеству погибших и бежавших в ходе последующего боя, можно уверенно предположить, что число ительменских воинов не превышало 100 чел.

Штурм острога начался 27 июля (у Крашенинникова ошибочно — 26 июля). Его описания в источниках, исходящих от разных очевидцев и участников, разнятся во многих деталях, поэтому восстановить ход боя можно только приблизительно и в общих чертах (описание штурма Нижнекамчатского острога см.: [8, л. 298—303, 309, 313; 15, с. 52—53, 57, 58, 60, 64, 67; 60, с. 495, 496, 763]).

Первые артиллерийские залпы по острогу русские дали «мелким камнем», надеясь напугать осажденных. Но те не дрогнули. Тогда из пушек открыли методичный огонь по воротам и стенам, пока не пробили в них бреши. Как сообщал Спешнев, «начали палить из пушек, из мелкокаменья и пошли на острог от церкви на приступ прямо, и начали рубить и ломать полисад», пристроенный к старому острогу. В ответ на это осажденные, по информации Спешнева, выставили в проломы стен казачьих жен и детей и «из-за них с нами бились».

Затем они пошли на еще одну хитрость: «жен и детей своих и ясырей к нам выпустили в убранстве в нарядах с пожитками, хотя тем нас пронырством своим обмануть». Они, видимо, рассчитывали, что русские кинутся грабить «пожитки», и появится возможность для внезапной контратаки. Однако хитрость не удалась. И вот после этого ительмены, дрогнув, начали сдаваться. Сначала к русским перебежали по одному человеку, а прочие «изменники» пытались их удержать в воротах и даже кололи и «стреляли ззади на побеге». Затем сдача стала массовой.

По сведениям Крашенинникова, «человек с 30 осажденных здались», в том числе ключевские тойоны Ханея и Урин (Иурин?), которые вынесли в качестве «откупа» две чернобурые лисицы. Тойонов взяли под караул, а лисиц забрал Спешнев. Из проломов в стенах острога стали также перебегать бывшие в плену у восставших «русские» бабы и казачьи холопы. Скорее всего, именно в это время, воспользовавшись неразберихой, из острога бежали Ф. Харчин, Голгоч, Налач, Урил, Илта и еще ряд «бунтовщиков». При этом Харчин якобы бежал, переодевшись в женское платье. Спешнев отправил за ними погоню, но безуспешно. По словам Крашенинникова, Ф. Харчин «так резко бегал, что мог постигать диких оленей» [60, с. 495].

Вероятно, и другие ительмены умели быстро бегать. По признанию самого Ф. Харчина, вырвавшись из острога, он спрятался «близ острогу в лесу» и наблюдал за сражением до его конца [5, л. 7 об.]. Здесь к нему присоединился Ор Тавач, бежавший из острога вместе с тойоном Ликочем (Ливуч, Лювич) еще в ночь с 26 на 27 июля. Затем Федор и Ор Тавач перебрались на другой берег р. Камчатка и «жили на зарешной стороне до отбытия служилых к морю» [5, л. 22 об.].

Когда основная масса ительменов сдалась, казаки, воспользовавшись тем, что ворота и стены уже никто не оборонял, ворвались в острог. Но здесь они наткнулись на отчаянное сопротивление четырех защитников во главе с ключевским тойоном Чегечем, которые заперлись в ясачной избе и казенных амбарах и оттуда отстреливались из ружей и луков. Казаки забрались на крыши избы и амбаров и стали разбирать потолочные бревна. Тогда «изменники» подожгли хранившийся в амбарах порох, в результате чего произошел взрыв и «готчас весь острог огнем обняло» (Крашенинников в одном месте указал, что порох, а затем и крепость загорелись «от стрельбы», то есть случайно, никто их не поджигал [60, с. 495]. Но в другом месте он писал о поджоге [60, с. 763]). «А означенный Чегечь из анбару в острожную башню выскочил и непрестанно по служивым стрелял и копьями метал, покамест его на копья не подхватили». В пожаре, как сообщал Спешнев, сгорели все острожные строения, «имеющаяся всякая Ея И. В. наличная казна» и «великое множество богатства», целой осталась только церковь, стоящая вне острога. В огне погибли и последние обороняющие-

ся. Но потери восставших на этом не закончились, поскольку сразу после взятия острога нижнекамчатские казаки во главе с закащиком Кырковым начали резать пленных ительменских воинов. Как писал Крашенинников, «казаки, будучи огорчены насилем жен своих и тратою имения, перекололи их без остатку» [60, с. 496, 763].

Перекололи, правда, не всех. Спешневу и Гвоздеву с большим трудом удалось остановить самосуд, переведя оставшихся в живых пленных под охрану морской партии [5, л. 7 об.; 8, л. 301—302 об.; 38, с. 107].

Потери ительменов по итогам сражения были значительны. Правда, Спешнев по горячим следам в своем донесении Генсу не смог даже указать их количество: «А сколько иноземцов в остроге сидело, о том неизвестно, потому что трупы их в остроге сгорели, только думать можно, что их было немалое число» [60, с. 763]. На деле, однако, в пожаре сгинула как раз меньшая часть защитников. Позднее, уже в ходе следствия, выяснилось, что сгорело всего четыре человека, тогда как в ходе боя погибло 32 (в том числе и убитые самими восставшими при попытке бегства), а во время резни, устроенной казаками, — 33 чел. Из ительменок (жен восставших) погибли только две, поскольку женщин, «робят и девок» казаки «брали и делили по себе в холопство» [2, л. 359; 5, л. 22]. Русским удалось также вернуть одну фузею, около двадцати винтовок, шесть бочонков пушечного пороха и полбочки мелкого пороха.

Число погибших с русской стороны информаторы определяли по-разному. Спешнев утверждал, что при штурме погибли два казака, а три казака (в том числе один смертельно) и один матрос были ранены [8, л. 300—303]. По данным Чюдинова, Генса и Крашенинникова, погибли четыре казака и многие были ранены [15, с. 52, 58; 60, с. 496]. Генс давал и иную информацию: во время боя погибло три казака (Сава Чагин, Борис Нифантьев, Никита Шавырин), к 11 ноября скончались от ран пятеро (гренадер Стефан Силиванов, матрос Петр Таранкин, казаки Дмитрий Осколков, Михаил Черниговский, Иван Маслецов) [15, с. 63]. Начальник следственной комиссии В. Мерлин указывал трех человек, погибших при штурме [2, л. 358 об.].

ДАЛЬНЕЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКИХ И ВОССТАВШИХ ИТЕЛЬМЕНОВ

После взятия Нижнекамчатска Спешнев намеревался сразу же идти на Еловку, чтобы окончательно добить «изменников». Однако камчатские казаки отговорили его, указав, что сделать это лучше осенью, когда подсохнет трава [8, л. 303]. Простояв у сожженного острога до 31 июля, Спешнев и Чюдинов вернулись к устью Камчатки, где подали Генсу «доезды» с краткой информацией об освобождении острога. Генс, получив это известие, собрался продолжить морской вояж [15, с. 52—53, 57].

Однако 4 августа Кырков обратился к нему с просьбой отложить плавание и помочь восстановить острог, или хотя бы оставить 60 служилых людей с боеприпасами. Он также сообщил штурману, что через пленных стало известно об «измене» ясачных иноземцев на других реках, и высказал беспокойство по поводу судьбы Большерецкого и Верхнекамчатского острогов, о положении которых не было вестей [8, л. 317; 15, с. 53, 57, 58; 38, с. 108]. Посланные туда Кырковым гонцы были убиты по дороге [83, с. 120]. Напряженной оставалась ситуация и в низовьях р. Камчатка. Местные ительмены, несмотря на разгром их основных сил, не собирались складывать оружие. После ухода отряда Спешнева из Нижнекамчатского острога, Ф. Харчин, Тадея Иурин (он был взят в плен при штурме, но бежал), Ор Тавач и новокрещенный Михаил Катканов (Чарым Камач, или Канач?) сожгли уцелевшие после боя церковь, «государев» двор и две казачьи избы [5, л. 7 об., 10 об., 17, 22 об.; 60, с. 495, 763].

Сделали они это, как представляется, не только в целях окончательного уничтожения острога как символа русской власти, но и для того, чтобы лишить русских поддержки их «божества» (тем более, что самим восставшим, несмотря на их «молебен», оно не помогло).

Генс вновь положительно отреагировал на просьбу нижнекамчатского закашика. К тому же участие в подавлении ительменского восстания отчасти совпадало с главной задачей самой экспедиции, которая была послана «для примирения новых земель и немирных иноземцев». Из состава своей партии штурман выделил отряд во главе с солдатом Александром Змиевым. Кроме того, поняв, что придется зимовать в устье р. Камчатка, он распорядился подготовить судно к зимовке, построить «государев» двор, часовню, ясачную избу и казенный амбар [15, с. 58; 38, с. 108].

17 августа А. Змиев получил от Генса инструкцию, которая определяла маршрут движения и план действий отряда, а также методы «примирения» иноземцев. С устья Камчатки Змиев должен был двигаться вверх по реке до Верхнекамчатского острога, «проведав» по пути иноземцев по рекам Капича, Еловка и Козыревка. Если бы оказалось, что Верхнекамчатск находится в руках «бунтовщиков», его следовало отбить, а если нет — остаться в нем, послав разведку к Большерецкому острогу с известием о «бунте».

В случае захвата Большерецка восставшими, следовало выступить к нему и выбить их оттуда. Если положению последнего ничего не угрожало, Змиеву надлежало вернуться к устью Камчатки. В отношении «изменников» Генс предписал руководствоваться общепринятыми правилами: уговаривать их «ласкою» и «приветом», а в случае сопротивления — «поступать на них регулярно военной рукою», составляя при этом обстоятельные рапорты, с указанием, сколько «изменников» убито и взято в плен. В ходе всей операции Змиев должен был «иноземцом обид и налог не чинить, и служилых до того

не допускать». Кроме того, ему следовало собрать с ительменов жалобы на служилых людей и ясачных сборщиков и тех из них, на кого покажут в обидах и раззорениях, арестовать и доставить в морскую партию [15, с. 53—55].

В тот же день, 17 августа Змиев во главе 38 служилых и с двумя пушками выступил в поход [15, с. 58]. Тем временем Ф. Харчин и другие вожди восстания предпринимали усилия по организации дальнейшей борьбы с русскими. Они направились к своим сородичам на р. Еловка «для собрания людей». Прибыв в Тенивин острожек к тойону Нефеду, Ф. Харчин собрал здесь до 70 воинов из поселений Нефедя и тойона Тигила [15, с. 64, 67; 60, с. 763]. С. Харчин, бывший в том же острожке, позднее на допросах утверждал, что в это время главными «изменниками» среди ительменов были Федор, Голгоч, Тадея, Урин, Налач, Урил и Илта [5, л. 7 об.; 15, с. 74].

С Еловки восставшие двинулись вниз по р. Камчатка к морю и дошли до устья р. Ключевка. Здесь к ним присоединился со своими людьми Хобин, пришедший с Шантальского озера [8, л. 310, 312 об.; 15, с. 68, 75]. Ительмены предполагали подойти ночью к казачьему лагерю в устье Камчатки, тайком поджечь его и перебить всех казаков. Планируя действовать по уже испытанному сценарию, принесшему успех, Ф. Харчин и его товарищи вновь строили свой расчет на том, что основные силы русских — морская партия — все же ушли в плавание [8, л. 309, 310; 15, с. 64, 65, 73, 75].

Но их вновь подвела плохо поставленная разведка (если таковая вообще была): восставшие не имели никакой информации о положении противника, в том числе о движении отряда Змиева. Последний же тем временем в верховьях р. Аратуга (*итель.* — Орат, ныне — Радуга) захватил «изменников» Тоннола, новокрещенных Антошку, Никиту Родихина, казачью жену ительменку Офимью Родихину. Офимья тут же повинилась в убийстве своего мужа Василия Чюпрова (отчима Н. Родихина), за что была пытана огнем, бита батогами (или кнудом?), и то ли забита до смерти, то ли заколота. Остальных пленных отослали к Генсу. 24 августа Змиев известил штурмана о том, что район Аратуги и Шантальского озера очищен от восставших: «Изменников всех сыскали, иные побиты, а иныя посланы до вас к морю» [5, л. 29 об.—30; 15, с. 56].

28 августа разведка отряда Змиева, продвигаясь на батах вверх по Камчатке, столкнулась у Ключей (в устье р. Ключевка) с плившими навстречу восставшими. Ф. Харчин, посчитав, что русских немного, напал на них. Завязалась перестрелка. Но вскоре подтянулся весь отряд Змиева. Поняв свою ошибку, ительмены отступили, высадились на берег и засели на вершине ближайшей сопки. Русские также произвели высадку, но ради предосторожности — на противоположном берегу Ключевки [8, л. 310 об., 314; 15, с. 56—57, 63—64, 65, 66, 67, 75].

В одном из своих доношений Генсу А. Змиев датировал эти события 28—29 августа, в другом — 27—28 августа. Действуя в соответствии с инст-

рукцией, Змиев вступил с ительменами в переговоры, которые с перерывами длились весь день. С русской стороны в них участвовали тойон Печева острожка Колыч (в какой-то момент перешедший на русскую сторону) и казаки Алексей Воробьев и Константин Веретнов. Они пытались уговорить «бунтовщиков» сложить оружие и выдать аманатов, взамен обещая прощение.

Ход переговоров в дошедших до нас источниках описывается по-разному. Змиев в своем рапорте Генсу сообщал, что засевшие на сопке изменники (по его сведениям, около 60 чел.) поначалу сдаваться не хотели. Ф. Харчин на переговорах, якобы, говорил, что «он более воевать не хочет, и поедет уговаривать сродников своих и подчиненных», однако, изложив требования русских своим сподвижникам, прислал ответ, «что сродники его к миру не склоняются». На следующий день, 29 августа, Змиев приказал дать предупредительный выстрел из пушки. После этого на сторону русских перебежали и сдались Федор и Степан Харчины и тойон Нефед Тенивин [15, с. 56, 59].

По версии Ф. Харчина, изложенной на допросе, он якобы уговаривал всех остальных сдать, но Голгоц «с товарищи» выступили против и убедили не делать этого. Тем не менее, Федор сам, поддавшись просьбам брата Степана, по своей воле вышел к русским, после чего продолжил уговаривать остальных [5, л. 8; 15, с. 65]. Степан миссию миротворца приписывал себе, утверждая, что именно он уговорил сдать Федора и Нефед [5, л. 16; 15, с. 75]. Его слова подтверждаются рассказом Тадея Иурина, Ор Тавача и Михаила Катканова (Чарыма Камача) [5, л. 10 об., 17, 22 об.].

По сведениям Крашенинникова, ситуация разворачивалась более драматично. Когда начались переговоры, Федор с Нефедом и Степаном пошел на них, но потребовал, чтобы казаки предварительно выдали заложника. Это условие было выполнено. После первого раунда переговоров Федор вернулся в ительменский лагерь, а Степан и Нефед остались у русских. На другой день Федор вновь подошел к казачьему лагерю для продолжения разговора и потребовал в целях собственной безопасности двух заложников. Казаки и на этот раз согласились, но, как пишет Крашенинников, «умышленно», «ибо как он (Федор. — А. З.) к ним переехал, то они взяли его под караул, а своим закричали, чтоб в реку бросались; для предосторожности же, чтоб оставшие на берегу (ительмены. — А. З.) их не закололи, приложились на них ружьями, чего камчадалы устрашаясь разбежались» [60, с. 496, 764].

Вся эта противоречивая информация не позволяет дать однозначный ответ на вопрос: сдался ли Федор Харчин добровольно, поняв бессмысленность дальнейшего сопротивления, или был захвачен казаками хитростью? Учитывая предшествующую решимость и твердое желание Федора бороться с русскими, а также то, что Федора, в отличие от Степана и Нефед, заковали в кандалы, можно предположить, что он был все же пленен.

После того, как два вождя восставших оказались в русском лагере, Змиев попытался продолжить переговоры с остальными. По словам «ясаула» Урила, главными у них в тот момент были Голгоч, Талач (Бургачев?), Кана (Брючин?), Тигил, Лалот и некий Чарома (Черемач Бургачев?) Именно они и не позволили сдаться. Но к этому моменту у Змиева и казаков, вероятно, уже кончилось терпение. По «изменникам» было дано два пушечных залпа картечью, что и решило исход противостояния: ительмены разбежались. Тойон Тигил со своими людьми «побежал» к верховьям Еловки, тойон Голгоч — вверх по р. Камчатка, Ор Тавач — на Крестовку, затем на р. Хайрюзова, а Хобин скрылся на какой-то «горелой сопке» [5, л. 10 об., 22 об.; 8, л. 310 об., 314; 15, с. 65—68, 75; 60, с. 496, 764].

Отряд Змиева пошел в погоню за Тигилем. 30 августа он прибыл в Тенивин острожек — жилище Харчиных и Нефеда. Здесь Змиев провел первый допрос пленных — Ф. Харчина, Нефеда и Итателя (Ивана), и по указке С. Харчина нашел суму с оставшейся ясачной казной (Д. Бологова), ящик с указами и ясачными книгами, а также большую чугунную пушку. 6 сентября у Нефеда были взяты четыре аманата (в том числе сын Клим и брат Итатель), а сам тойон отпущен. Змиев, надо думать, поверил его заверениям, что в «измене» он участвовал против своей воли под угрозой смерти [15, с. 56—57, 59, 63—67].

Из Тенивина острожка Змиев двинулся вверх по Еловке, чтобы «примирить» тойона Тигила. Тигил и его воины (5—8 чел.), завидев русских, укрылись со своими семьями в «барабалке» (вероятно, казачий летник на рыбалке) и стали отстреливаться из луков и ружья. Получив тяжелое ранение в руку, Тигил, убив своих жен, детей и холопов, зарезался. Покончили самоубийством, видимо, и его воины, поскольку казакам удалось захватить живыми только двух баб [15, с. 59; 60, с. 497, 764—765]. Во время этого боя от русских бежал С. Харчин. Позднее свой побег он объяснил тем, что бывший при нем караульный казак Константин Веретнов грозился его «огнем жечь», если он не укажет, где спрятаны пожитки Тигила [15, с. 59, 69, 75].

С верховьев Еловки Змиев отправил к Генсу в сопровождении 19 казаков ясачную казну, указы, книги и чугунную пушку, а также Ф. Харчина и четверых аманатов, взятых с тойона Нефеда, а сам погнался за Голгочем, но упустил его. После этого с оставшимися 16 казаками Змиев отправился к Верхнекамчатску. По дороге, 25 сентября от шантальского тойона Июры узнал, что Верхнекамчатский острог стоит «в сохранности». Тогда из отряда еще несколько казаков с двумя пушками и боеприпасами отправились к Генсу, а сам Змиев прибыл в Машурин острожек. Местный тойон Начик никакой «противности» не оказал, но подал «сказку» об обидах со стороны подъячего Василия Новограбленного, служивых Андрея Рюмина и Никиты Дурынина [15, с. 59, 61; 60, с. 765].

Вскоре к Машурину острожку подошли Голгоч и Урил. Они планировали, набрав на рр. Шапина, Козыревка и Машурина новые силы, идти к Верхнекамчатску, чтобы захватить его. Но, увидев в острожке служилых людей «в опасном карауле», отказались от своего замысла. Вероятно, в их рядах возникли разногласия по поводу дальнейших действий, так как Урил с 10 чел. откололся от Голгоча и поплыл на батах вниз по Камчатке, а Голгоч с 10 чел. направился к Козыревскому острожку. Последний за отказ присоединиться к «измене» был разгромлен, часть его жителей Голгоч «неволей» включил в свой отряд. С Козыревки Голгоч пошел на Шапину и «тамошним иноземцам великие разорения зделал, кормы их и жилье прижег, а иных и приколол», после чего вернулся на Козыревку, где погиб в схватке с отрядом верхнекамчатских казаков, возглавляемых Семеном Белковым [5, л. 17, 47; 8, л. 313; 15, с. 67; 60, с. 496, 764—765].

Есть также версия, что Голгоч был убит ительменами, пострадавшими от его погромов [60, с. 497].

3 октября 1731 г. Змиев прибыл в Верхнекамчатский острог, где потребовал от местного закащика Василия Пашкова выдать ему В. Новограбленного, А. Рюмина и Н. Дурьнина. Но Пашков отказался «сдать» своих людей и «учинился указу противен». 7 октября Змиев повторил свои требования. На этот раз его поддержала часть местных казаков. Один из них, Гаврила Юрлов, явился к Пашкову и стал уговаривать его выдать Новограбленного, а о последнем говорил: «Не подлежит де ему у дел быть подъячим, многие де за ним плутовства». В ответ на это Пашков заковал Юрлова в кандалы и посадил в казенку. Змиев, поняв, что ничего не добьется, и получив известие о движении «изменников» на рр. Козыревка и Чажма, 8 октября выехал из Верхнекамчатска, оставив, однако, там трех своих людей — казаков Ефима Пермькова, Степана Карандашева и Макара Новосельцева, приказав им не допустить расправы над Юрловым [15, с. 61; 83, с. 120].

Двигаясь на батах вниз по Камчатке, отряд Змиева около Ключей 15 октября поймал ключевских «изменников» Хобина, а затем Налача. Их отправили к Генсу, но по дороге они бежали. На Ключах Змиев от ясачного Шолоча узнал, что в верховьях р. Кареун скрываются «изменники» — Бургач (Баргач) (брат Лехтара) с 6 чел. Последние не стали оказывать сопротивления и выдали аманатов [15, с. 62, 67]. В это же время С. Белков с верхнекамчатскими казаками усмирлял нижнешантальских и козыревских ительменов [83, с. 120—121].

1 ноября Змиев от ясачного Леку получил известие, что «идут изменники Голгочевы товарищи многолюдно». Выступив за ними в погоню, 3 ноября казаки нагнали ключевского «ясаула» Урила с 20 чел., которые сдались без боя в плен. В тот же день отряд Змиева вместе с пленными вновь прибыл в Тенивин острожек к тойону Нефеду. Здесь совершенно случайно удалось схватить С. Харчина, Черемача Бургачева и новокрещенного Федь-

ку Жировикова, которые, не зная о присутствии русских, приехали ночью к Нефеду [15, с. 62, 67].

Имея большое количество пленных, число которых превышало численность отряда, и, понимая, что такое соотношение может вызвать у «изменников» соблазн отказать сопротивление, Змиев раздал их на поруки ясачным, продемонстрировавшим свою лояльность русской власти, — Комколу, Баргачу, Начику, Нефеду Тенивину, Шочку, Каналу. Поручателям Змиев велел принудить «бунтовщиков» к исправному платежу ясака [15, с. 63] (позднее отпуск «бунтовщиков» будет поставлен в вину Змиеву). «Ясаула» Урила и С. Харчина Змиев оставил при себе, и вместе с ними 7 ноября 1731 г. вернулся к устью р. Камчатка, где отчитался о походе штурману Генсу [15, с. 62].

Генс, получив рапорт Змиева о походе, а еще раньше, 18 октября, донесение Спешнева и Гвоздева с обстоятельной информацией о взятии Нижнекамчатского острога [8, л. 303], на их основе составил и отправил в Анадырск своему непосредственному начальнику капитану Д. Павлуцкому два рапорта о восстании ительменов и мерах по его подавлению. К рапорту он приложил первые допросы «изменников». Эти рапорты, датированные 10 и 11 ноября 1731 г., повез мореход Прокопий Нагибин. В Анадырске они были получены 16 января 1732 г., а 10 февраля Павлуцкий составил свое донесение о «камчатском бунте» в Сибирскую губернскую канцелярию [8, л. 294, 316—317; 15, с. 57—63; 83, с. 122—123].

ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЯ

Благодаря походу Змиева очаг сопротивления на р. Камчатке был ликвидирован, и это предотвратило возможное антирусское восстание если не всех, то большинства ительменских поселений. Крашенинников по этому поводу сообщал, что если бы партия Генса не предприняла столь быстрых мер по разгрому ительменов, захвативших Нижнекамчатский острог, то к «бунту» могли бы присоединиться новые силы. Теперь же многие иноземцы заняли выжидательную позицию, наблюдая, «кому будет победа, русским ли или камчадалам», и «принуждены были ждать окончания дела под видом людей беспристрастных и верных России» [60, с. 496, 763, 765].

Более того, часть ительменов открыто примкнула к русским, поставляя им информацию о передвижении восставших (тойоны: шантальский — Июра, с р. Жупанова — Чороч, с р. Кола — Савачилка, с р. Сопочная — Анет, «лутчей иноземец» Машурина острожку Чистяк и др.) и участвуя в переговорах с ними (тойон Пеучева острожка Колыч). Генс в рапортах Павлуцкому сообщал, что многие ясачные, узнав, что партия осталась в устье р. Камчатка, стали приходить «с покорной головой», выдали 13 аманатов и заплатили ясак [15, с. 58].

Некоторые из ительменских острожков отказывались поддерживать восставших, что приводило к вооруженным столкновениям между ними и «бунтовщиками». Надо также отметить случаи «боев» и между самими «изменниками». Данные обстоятельства позволяют говорить о том, что даже перед лицом общего врага ительмены не могли забыть о существовавшей прежде вражде между их территориальными («речными») группами и отдельными поселениями (см.: [41, с. 94—95, 98]).

Тем не менее, восстание не прекратилось. Осенью 1731 г. — зимой 1732 г. его основными районами стали западное и южное побережье Камчатки, где ряд ительменских острожков, узнав о разорении Нижнекамчатского острога и «побитии» служилых людей, все же встал «на тропу войны». В октябре 1731 г. на р. Авача «изменники» убили шесть служилых людей (сына боярского Назара Колесова, казаков Ивана Богомолова, Ивана Украинцова, Михаила Дружинина, Алексея Черных, Михаила Шипунова), «из которых одного жестоко мучили, кишки из живого мотали и всяко надругались».

На помощь к авачинцам, которых возглавляли тойоны Кашига, Лажилча, новокрещенный Васька Вахлач (Вахлыч) и три брата Канача — Черный, Большой и Меньшой, прибыли «курильские мужики» с м. Лопатка, а также «беглых казачьих холопей множество». Вахлач также звал «в бунт» иноземцев с побережья Бобрового моря — с рек Налачева и Островная, но те отказались. В отместку авачинцы погромили их, убив двух тойонов — Капауля (Кабагуль) и Канича (Кавыч, Кавычка, Ковычка) [2, л. 359 об.—360; 4, л. 40—40 об.; 5, л. 46 об., 47, 48, 51; 60, с. 765—766; 83, с. 122].

На р. Жупанова и по побережью Бобрового моря неизвестные «изменники» ловили казачьих жен и девок, отпущенных для «прокормления» к сородичам-ительменам, грабили их, брали в плен, а иных убивали [83, с. 121]. На р. Колпакова местный «бунтовщик» тойон Харлапан (он же Кулува, Навава, Кивача, Кугува) сжег в юрте служилого Дмитрия Попова, казачьих детей Андрея Ховкина и Ивана Туманова и жену служилого Ивана Панютина с двумя дочерьми [2, л. 360 об.; 5, л. 48 об., 63 об., 65; 83, с. 121]. На побережье Пенжинского (Охотского) моря ительмены с р. Ича убили трех служилых. После этого ичинский тойон Кивря обратился за подмогой к ительменам р. Хайрюзова. Хайрюзовцы и белоголовцы (около 100 чел.) во главе с Кишкидином, Максимкой и Щербаком, которые к этому времени сами убили на р. Белоголовая казаков Кирилла Золотавина, Василия Портнова, Карпа Бекирева, поначалу откликнулись на приглашение Киври. Однако, узнав, что в устье Облуковины много казаков, вдруг «осердились» на ичинцев, погромили их, а заодно и ительменов, живущих на р. Сопочная, забрав их пожитки, жен и детей. Перед этим погромом к Максимке и Щербаку присоединились Ор Тавач и Чемура Каначев [2, л. 360—360 об.; 5, л. 47 об., 65 об.—67 об.; 60, с. 765; 83, с. 124].

Прибывший еще в конце лета 1731 г. новый камчатский комиссар дворянин Иван Федорович Эверстов [60, с. 765] отправил из Большерецка на север по Пенжинскому побережью для наведения порядка отряд во главе с «походным приказчиком» пятидесятником Андреем Штинниковым. В состав отряда помимо пятидесяти казаков входило около тридцати ительменов под главенством тойонов Шемкоча, Акабыша (с р. Кыкчик) и Налача (р. Немтик), сохранивших верность русской власти. Штинников прошелся карательным рейдом по рр. Воровская, Белоголовая, Колпакова, Крутогорова, Сопочная, Морошечная, Ича, Облуковина, приводя в покорность ительменов [5, л. 48 об.—49, 52 об.—55, 67 об.—69; 60, с. 497; 83, с. 121—122].

Из Верхнекамчатска в этих же целях на р. Жупанова был отправлен отряд Михаила Сапожникова, который «поступил» на «изменников» «военною рукою и из оных изменников немногих людей побили, а другие де боясь такой измены сами придавались и розбежались» [5, л. 47; 83, с. 123]. Однако для полного умиротворения ительменов тех сил, которые имелись в Большерецке и Верхнекамчатске, не хватало. В частности, отправленные в конце декабря 1731 г. против авачинцев (Вахлача и других) казаки, воглаемые А. Штинниковым, узнав о скоплении «изменников» («сот с пять и боле») в острожке Канача Черного и не получив просимой подмоги из Верхнекамчатского острога, «в поход на Авачу за малолюдством идти не посмели» и 8 февраля ретировались в Большерецк [4, л. 40—43 об.; 5, л. 51 об.—52].

Эверстов обратился за помощью к Генсу. Последний в это время, зимой 1730—1731 гг., занимался организацией ясачного сбора с ительменов, проживавших в нижнем бассейне р. Камчатка и на р. Тигиль. Сбор ясака он поручил А. Змиеву и матросу Л. Петрову. Вторжение в прерогативы местных закащиков Генс объяснял тем, что сами иноземцы, причем не только ительмены, но и коряки, соглашались платить ясак только сборщикам, присланным из морской партии, но не местным казакам, поскольку от последних им «чинятца» «несносные обиды, от которых обид пришли в всеконечное разорение и нищету» [15, с. 76; 19, с. 101].

Вдобавок, в отличие от камчатских казаков, сборщики от партии награждали иноземцев за уплату ясака подарками. В частности, А. Змиев, собрав 26 января — 12 февраля 1732 г. на рр. Озерная и Ука ясак с 80 чел., выдал им 30 медных перстней, 21 медный наперсток, 32 ширкунца, 125 игл, да табака без весу [19, с. 102—103]. Данная мера в условиях сильного брожения среди ительменов была, конечно, оправданной и способствовала их успокоению. Для ясачных же подобный сбор ясака, вероятно, стал праздником: их не только не грабили, но, наоборот, взамен пушнины давали подарки. Комиссар Эверстов, конечно, был недоволен нарушением компетенции местных властей и 28 декабря 1731 г. послал Генсу «ведение» с требованием прекратить сбор ясака [38, с. 109].

В январе 1732 г. Эверстов приказал новому закащику Нижнекамчатского острога Михаилу Борисову потребовать от партии для борьбы с «изменниками» в подмогу 40 служилых, фузеи, пушки и боеприпасы. Генс отправил требуемое число служилых людей во главе с Лаврентием Поляковым, но дать вооружение и боеприпасы отказался, мотивируя тем, что их запас ограничен, и они нужны для предстоящего плавания. Отряд Полякова в середине февраля выступил на соединение с отрядом Штинникова (30 казаков), который действовал против «изменников» в районе р. Большая [15, с. 76—77].

26 февраля Генс через М. Борисова получил новую просьбу Эверстова: отправить подмогу к ясачному сборщику Леонтию Черных на Хайрюзову, чтобы усмирить местных ительменов, которые во главе с Максимкой и Щербаком (всего 100 чел.), по данным Эверстова, планируют нападение на судно «Фортуна», стоявшее в устье Облуковиной [15, с. 79]. «Фортуна», на которой на Камчатку прибыл комиссар И. Эверстов, выбросило 2 октября 1731 г. на берег в устье р. Облуковина [83, с. 121].

Генс выделил из своей партии еще одного матроса, одного солдата и 25 казаков во главе с уже зарекомендовавшим себя А. Змиевым. В соответствии с инструкцией, полученной от Генса, Змиев должен был по пути до места стоянки «Фортуны» «сыскивать изменников» и призывать их «ласкою» вернуться в ясачное состояние, а в случае «противности» — «поступать на них военною рукою легулярно». Утихомирив иноземцев, следовало взять с них аманатов, ясак и показания о причинах «измены», а также арестовать «заводчиков» и отправить их к партии. Для усиления отряда Змиеву предписывалось включить в него «партийных» служилых людей, которые находились в Большерецке и Верхнекамчатке. Наведя порядок на Хайрюзовой, Змиев должен был отправиться на Авачу в подмогу верхнекамчатским и большерецким казакам. В марте Змиев выступил в свой новый поход [15, с. 80, 81].

После его отбытия Генс послал очередной рапорт Павлуцкому в Анадырск. В нем он сообщил о продолжении восстания ительменов («камчатальские ясачные иноземцы Пенжинского и Бобровского моря и курильские от ясачного платежа отложились»), о гибели от рук «изменников» на р. Тигиль отряда, шедшего из Анадырска на Камчатку, о действиях партии против восставших, о передаче Эверстову по его требованию аманатов и ясачной казны, о своих планах выступить на «Св. Гаврииле» к Аваче и Курилам для участия в разгроме восставших и последующего сбора ясака на Курильских островах. Штурман также пожаловался, что в партии ощущается острая нехватка боеприпасов и провианта («на Камчатке ныне кормами всеконечная скудость, купить вязки юколы ни на пять рублей негде, и служилые голодают, а провиант уже весь в расходе») [15, с. 78].

Отряд Змиева, пройдя по Хайрюзовой и нигде не встретив «изменников», дошел до Большерецкого острога, где 12 апреля объединился с отрядом Поля-

кова и отрядом большеецких и верхнекамчатских казаков Штинникова. Командиры, посоветовавшись, решили нанести удар по авачинцам, численность (по разным данным, от трехсот до пятисот восставших) и активность которых внушали наибольшее опасение. В конце апреля, или 1 мая, карательный отряд (по разным данным, от шестидесяти до семидесяти человек, кроме того, союзные ительмены) выступил из Большеерецка на Авачу. Авачинцы во главе с тойонами Вахлачем и двумя братьями Каначами в это время находились в острожке на р. Быстрая (Купхина). Острожек располагался на острове и был огорожен в три ряда бревенчатым частоколом. В первых числах мая русский отряд подошел к острожку, переправившись на остров. В тот момент большая часть ительменов занималась промыслом рыбы, и в острожке было 73 чел.

На попытку русских завести переговоры они ответили выстрелами. Завязался бой. Под прикрытием пушечного и ружейного огня казаки пошли на штурм и ворвались в острожек, но застали здесь в живых только шесть человек. Остальные или погибли во время боя, или «передавились и сами перерезались» (покончили жизнь самоубийством). Из казаков никто не погиб, два человека были ранены. Бывшие на промысле иноземцы, услышав выстрелы, большей частью разбежались, частью (50—60 чел.) во главе с Вахлачем и Каначем Младшим ушли в устье Авачи, где укрылись в острожке на отпрыдыше (небольшом скалистом острове или одинокой скале).

6 мая туда подошли казаки. Переговоры опять не дали результата, но штурм острожка на этот раз провалился, так как отпрыдыш был практически неприступным (при штурме был ранен в голову Штинников). Потерпев неудачу, казаки решили взять осажденных измором. 14 мая, после недельной осады, когда в острожке закончилась пресная вода и начался голод, авачинцы сдались. Озлобленные казаки тут же, без всякого разбирательства, казнили Канача Младшего и около 25 (по другим данным 11) его «родников», прочих били плетью и батогами.

Вахлач каким-то образом сумел выкрутиться, убедив казаков, что бунтовал «в неволю», и пообещав им помощь в поимке прочих «изменников». Если верить его показаниям, именно он уговорил сдаться всех остальных, и, соответственно, получается — выторговал свою жизнь в обмен на жизни соратников. Кроме того, он сообщил Змиеву и Штинникову, что три тойона с «множеством народа» ушли на Вилючинский остров, и согласился поехать туда вместе с казаками. Отправленные на разведку казаки, вернувшись 20 мая, сообщили, что на острове нашли только одну старуху, от которой узнали, что все ительмены ушли «в Курилы». Змиев предложил Штинникову пойти в погоню, но тот заверил, что теперь справится с остатками «изменников» своими силами. После этого отряд Змиева двинулся к устью р. Камчатка, оставив Штинникову пушку и заряды к ней [4, л. 40; 5, л. 46 об., 49—49 об., 50 об., 55 об.—56, 57 об.—58; 60, с. 497, 766—767; 83, с. 125—126].

К началу лета 1732 г. выступление ительменов против русской власти в основном было подавлено. Сопrotивление еще некоторое время оказывали хайрюзовцы во главе с Максимкой и Щербаком, сумевшие отбиться от отряда Штинникова, отсидевшись в «крепком остроге». Ликвидировать очаг «измены» на Хайрюзовой удалось после того, как на Камчатку прибыла следственная комиссия, и против хайрюзовцев послали отряд солдат, который сумел взять в плен Максимку и Щербака. Бывших у них в холопах ичинских и сопочных ительменов отпустили по домам [2, л. 361; 83, с. 121].

Действия карателей, в первую очередь камчатских казаков, в ходе подавления восстания отличались жестокостью и массовым истреблением ительменов. Как писал Крашенинников, казаки «громили всех без пощады и милости» [60, с. 497], не выясняя, как правило, степень виновности «бунтовщиков». По итогам следствия стало известно, что «пятидесятник Андрей Штинников... в 732 году, будучи в походах от Воровской до Белоголовой и на Аваче реках многих ясашных иноземцов служилым людям приказал колоть безвинно и без противности...» [5, л. 69 об.; 60, с. 493].

По сведениям А. С. Сгибнева, на реках Воровская, Облуковина и Белоголовая казаками было убито «без всякой причины» и без сопротивления 170, а с оружием в руках — всего 15 чел. [83, с. 122]. Согласно показаниям казаков-участников похода на названные реки, там было «побито и переколото ясашных иноземцов человек со сто», в том числе «за противность» — «на Воровской реке человек с пятнадцать» [5, л. 48 об.—49; см. также: л. 61 об.—62, 68—68 об.], по данным, сообщенным Штинниковым, было убито 82 чел., в том числе в бою — 17 [5, л. 53—55].

На Аваче отряды Штинникова и Змиева «побивали изменников купно и с невинными», и побили «без противности» 89 чел. [2, л. 360, 361; см. также: 60, с. 497]. Другой казачий командир М. Сапожников, еще в октябре 1731 г. посланный в устье Жупановой для возвращения в ясачный платеж тойона Начика, «вышеозначенных жупановских иноземцов прибил и переколол девять человек без противности их». В 1732 г. Сапожников «застегал батожем до смерти Жупановой реки тоена Огона» [2, л. 359 об.; 83, с. 123].

Следователи, заинтересовавшись вопросом, с какой целью казаки в массовом порядке истребляли мужчин-ительменов, выяснили, что делалось это исключительно с целью наживы: «чтоб жен их и детей побрать себе в холопство», а «пожитки» поделить как военные трофеи [2, л. 359 об., 360, 361; 5, л. 69 об.; 60, с. 493; 83, с. 122]. Здесь мы видим еще одно проявление духа вольного казачества, долго сохранявшегося на отдаленной Камчатке в условиях практически полного отсутствия правительственного контроля, — грабительские походы за зипунами и ясырем с их последующим разделом на дуване.

Охотский командир Г. Г. Скорняков-Писарев сообщал в 1732 г., что камчатские казаки «жен и детей в полон взяли больше 300 человек и разделили по

себе» [1, л. 31 об.—32]. По данным следствия, в холопство к казакам попало: на р. Жупанова — 40, на р. Авача — 150, на реках, впадающих в Охотское море — 220 (по показаниям Штинникова, 202) женщин и детей [2, л. 359 об., 360; 5, л. 49 об.; 83, с. 122; см. также: 5, л. 49, 53—55, 56, 58].

Участники похода по западному побережью полуострова на допросах признали, что «тот де полон между собою разделили, а досталось на каждого человека полонных по три и по четыре человека, а камандирам по шти... а взятое платье побитых разделили» [5, л. 49]. Кроме того, в авачинском походе Штинников и Змиев «раздували» среди казаков 10 бобров, пять бобровых парок, 10 соболей, 30 лисиц, 30 собачьих и две лисьи парки, много одежды (в том числе русской — кафтаны, камзолы, кунтыши, сарафаны), а в ясак сдали всего 10 лисиц и одного бобра [5, л. 49 об., 56, ср.: 83, с. 126].

Захват трофеев и похолопление ительменов были в принципе, как отмечалось выше, важнейшим способом жизнеобеспечения у казаков на Камчатке. По этому поводу Крашенинников писал: «Во всех погромленных острожках брали они в полон жен и детей иноземческих, и прочие их пожитки, рыбы сети, собачьи куклянки, собаки и санки, которые после победы по себе делили», и, подавив восстание ительменов, «погубя их множество и успокоя, паки на Камчатку возвратились по своим местам с великою прибылью» [60, с. 497, 766].

Стеллер вообще полагал, что казаки намеренно обижали и оскорбляли ительменов, чтобы вынудить их на восстания, а затем жестоко расправиться с ними и ограбить. Обобщая свои представления о казачьих методах подчинения ительменов, он констатировал: «Когда казаки увидели, что этот народ все же многочисленен, и что им, в конце концов, невозможно будет ни справиться с ним, ни прочно осесть среди него, они стали, сильнейшим образом обижая туземцев, подавать последним повод к началу неприязненных действий, а затем начали убивать всех попадавшихся им под руку стариков и взрослых мужчин, а жен и детей их обращать в рабство; имуществом же их они овладевали как добычей. Таким образом, они в течение сорока лет низвели численность туземцев до одной двенадцатой или пятнадцатой части первоначального их количества» [91, с. 137].

ПОТЕРИ ИТЕЛЬМЕНОВ И РУССКИХ В ХОДЕ ВОССТАНИЯ

Восстание и его подавление сопровождалось проявлением обоюдной жестокости, что привело к значительным потерям с обеих сторон. Охотский командир Г. Г. Скорняков-Писарев, отвечая 30 января 1738 г. на запрос Г. Ф. Миллера о численности ясачных на Камчатке и Курильских островах, подсчитал, что с 1728 по 1732 г. она сократилась с 2 983 до 2 055 чел. мужского пола. Исходя из этих цифр, он сделал вывод: «И по сему явно, что на Камчатке побито ясачных людей, кроме их жен и детей, девят сот двадцать восемь человек» [2, л. 336, 336 об.].

Данный расчет, однако, вызывает сомнение, хотя бы потому, что к 1731 г. в упоминавшемся «росписном списке» С. Вологодина значилось 2 642 ясачноплательщика, а значит сокращение составило 587 чел. К тому же надо учитывать, что часть ительменов (но какая?) после разгрома восстания находилась в бегах, скрываясь от наказания, и, соответственно, от ясачного обложения. Следовательно, цифру потерь можно полагать еще меньше, нежели ее дают формальные подсчеты.

Кстати, и сам Скорняков-Писарев в декабрьском 1732 г. донесении иркутскому вице-губернатору А. И. Жолобову приводил более «скромную» цифру: «Камчатка вся разорилась от ясашных зборщиков, понеже ясачные люди всех трех острогов, которые жили от острогов в близости и всегда ясак платили, не стерпя великих разорений, изменили, и за то их посланные служивые от комиссара Эверсова больше 200 человек побили, кроме тех, которых прошлого году в Нижнем Камчатском остроге побили. И ныне, взяв в руки, варварски больше 100 человек перекололи» [1, л. 31 об.—32], то есть всего более 300 мужчин-ительменов.

Исследователь И. И. Огрызко, пытаясь определить величину ительменских потерь, пришел к выводу, что она составила более 500 взрослых мужчин, отметив при этом, что его подсчеты основаны на далеко не полных данных [72, с. 21]. По информации, собранной руководителем следственной комиссии В. Мерлиным, погибло ительменов: в 1731 г. при взятии Нижнекамчатского острога — 69 мужчин и две женщины, на р. Жупанова — 15 мужчин, в 1732 г. на р. Жупанова — один, при разгроме авачинцев — 89, на рр. Воровская, Колпакова, Крутогорова, Сопочная, Морошечная, Белоголовая — 110 [2, л. 359, 359 об., 360, 361], то есть 284 мужчины и две женщины.

Наши подсчеты потерь ительменов вследствие карательных действий русской стороны и вызванных им самоубийств среди ительменов дают следующие цифры: в Нижнекамчатском остроге — 69 мужчин и две женщины, при разгроме Тигила — 6—9 мужчин, несколько женщин и детей, при разгроме Голгоча — сам Голгоч и несколько его воинов, на Аваче — около 90 мужчин, на Воровской, Облуковиной, Белоголовой — около 100 мужчин, на Жупановой — 10 мужчин. Всего, таким образом, более 270 мужчин. Погибших женщин было, конечно, больше, чем две, поскольку воины-ительмены в виду поражения, как правило, убивали свои семьи.

Нельзя, разумеется, исключать того, что руководители карательных отрядов, на показаниях которых строятся наши подсчеты, могли указать число жертв приблизительно, либо занижая, либо завышая его. Вдобавок это число необходимо дополнить цифрой потерь в ходе междоусобных столкновений. Она неизвестна, но вряд ли была значительной. С ее учетом, общие потери, скорее всего, составили около или немногим более 300 мужчин-ительменов. Но в любом случае есть основания говорить о том, что военные действия

1731—1732 гг. привели к значительному сокращению численности взрослого мужского населения, не менее чем на 11 % от того уровня, который был до восстания. Часть ительменских поселений, по сведениям Крашенинникова, запустела или оказалась на грани исчезновения. В частности, в «острожке Кыллуша» из 45 взрослых мужчин осталось «человек с 12», в Каменном острожке, где было 69 ясачных плательщиков, «не больше 15 человек осталось» [60, с. 106—108, 512].

Потери русской стороны в абсолютном выражении были значительно меньше. По данным Мерлина, в начале восстания ительменами было убито «в остроге и по разным летным жилищам на рыбных промыслах» 55 служилых и их сыновей, 31 женщина и девочка, во время штурма Нижнекамчатска — три служилых, на Еловке — два ясачных сборщика, на Аваче — шесть служилых, на Белоголовой — три служилых, на Колпаковой — один служилый, два казачьих сына, одна казачья жена, две казачьи дочери [2, л. 358 об., 359 об., 360], итого 72 чел. мужского и 34 — женского пола.

По нашим подсчетам, погибло более 37 служилых людей, один солдат, один матрос, более 17 казачьих сыновей и шесть — дочерей, один дьячек, восемь промышленных, посадских и новокрещенных людей с детьми мужского пола и более 10 «женок», итого более 65 чел. мужского и 16 — женского пола. Число убитых женщин, скорее всего, занижено, поскольку в документах оно не всегда точно указывалось. В относительном же выражении, учитывая, что погибли в основном местные жители, потери оказались весьма впечатляющи — около 30 % постоянного русского мужского населения Камчатки. Разумеется, в числе служилых людей были не только русские, но и метисы (от смешанных русско-ительменских браков) и даже, возможно, крещенные ительмены. Казачьи жены, вероятно, все или почти все были ительменками.

Надо также отметить, что гибель русских была почти исключительно следствием внезапного нападения ительменов. В ходе сражений, к которым казаки готовились, потери составили всего 2—4 чел. (при штурме Нижнекамчатска). Это позволяет уверенно говорить о значительном превосходстве русских над ительменами в вооружении и тактике ведения боя. Как отмечал еще в начале XVIII в. В. Атласов, «а бои с рускими людьми у них (ительменов. — А. З.) были только до тех мест, как сойдутся с рускими, и против огненного ружья стоять не могут и бегут назад» [15, с. 32]. Ситуация за тридцать лет, надо полагать, мало изменилась.

СЛЕДСТВИЕ И СУД

Расследование причин и обстоятельств ительменского «бунта» началось по ходу его подавления. Первые допросы пленных, взятых при штурме Нижнекамчатска, провели И. Спешнев и М. Гвоздев [38, с. 107]. Затем А. Змиев

сразу же, на месте, допрашивал попавших к нему руководителей восстания: 30 августа 1731 г. — Ф. Харчина, 6 сентября — Нефедя и его брата Ивана (Ита-теля), 3 ноября — «ясаула» Урила, 15 октября — Хобина и С. Харчина. Запи-санные допросы вместе с пленными он отправлял к Генсу [8, л. 308—314 об.; 15, с. 63—69]. Последний также проводил допросы, в частности, 2 ноября — Ф. Харчина, 18 ноября — его брата. 10 и 11 ноября копии допросов Генс от-правил Павлуцкому в Анадырьск, а тот при рапорте от 10 февраля 1732 г. пере-слал их в Тобольск в Сибирскую губернскую канцелярию [15, с. 59, 60—61, 69, 73—75; 83, с. 122].

Таким образом, на первых порах функции следственной комиссии взял на себя командный состав морской партии, а роль главного следователя вы-полнял ее начальник штурман Генс. Орденом от 11 февраля 1732 г. Павлуц-кий отстранил Генса от командования партией, заменив его подштурманом Гвоздевым, которому приказал срочно выступить к устью Анадыря и к «Боль-шой Земле». Ордер был получен в мае, а 23 июля того же года «Св. Гавриил» вышел из устья р. Камчатка и взял курс на север [19, с. 101—102, 103; 39, с. 56—57]. Пока партия во главе с Гвоздевым в 1732 г. совершала плавание к берегам Аляски, Генс, вероятно, оставался главным надзирателем за плен-ными. По крайней мере, нет сведений о том, что он передал камчатским властям пленных и следственные материалы.

Первая информация о восстании ительменов в столицу поступила толь-ко в декабре 1732 г. Однако правительство пристальное внимание на Кам-чатку обратило еще раньше, когда Сенат в конце 1730 г. получил от В. Беринга, вернувшегося из первой экспедиции, «известие, что в Сибири в Во-сточном краю признаваецца к пользе государству». Капитан-командор, обобщив собственные наблюдения, предложил ряд мер по улучшению ад-министративного управления, а также жизни и быта населения Восточной Сибири и Камчатки. При этом он особо указал на те безобразия, которые творились служилыми людьми при сборе ясака с ительменов [8, л. 71—76 об.; 12, с. 19—23; 19, с. 94—96].

Итогом рассмотрения «известия» Беринга стал ряд правительственных распоряжений. Сенатским указом от 29 апреля 1731 г. в целях повышения оперативности и эффективности управления дальневосточными окраинами империи было предписано выделить из Якутского уезда особое Охотское правление с учреждением в Охотске морского порта. Начальник правле-ния — «командир» — по своим полномочиям приравнялся к сибирским воеводам и подчинялся непосредственно Иркутской провинциальной кан-целярии. В ведение Охотского правления отдавалась территория, включав-шая побережье Охотского моря от р. Уда на юге до р. Пенжина на севере, Камчатку, Анадырский край и «тамошние северные земли», то есть край-ний север-восток Сибири (авторы «Истории Дальнего Востока СССР» без

всяких оснований «зачислили» в ведение Охотского правления также Курильские и Алеутские острова [53, с. 129]. О последних, кстати, в 1731 г. в России еще ничего не знали).

Первым охотским командиром указом императрицы Анны Иоанновны от 10 мая 1731 г. был назначен Г. Г. Скорняков-Писарев [49, с. 48; 79, с. 27—29; 82, с. 17]. 30 июля того же года Сенат утвердил для него инструкцию. Согласно ей, Скорняков-Писарев должен был принять меры по наведению порядка в управлении, пресечению злоупотреблений со стороны камчатских «командиров», развитию сухопутной (между Якутском и Охотском) и морской (с Камчаткой) коммуникаций, строительству Охотского порта, улучшению снабжения гарнизонов жалованьем, провиантом, вооружением и боеприпасами. Особое внимания в инструкции уделялось мерам по развитию в крае экономики — земледелия, скотоводства, торговли, в том числе указывалось «искать способа к свободному торгу с японцами». Предполагалось также пополнить гарнизоны Охотского, Удского и камчатских острогов 300 якутскими казаками и благодаря этому прекратить командировки в означенные пункты «годовальщиков» из Якутска [12, с. 52—57].

2 мая 1732 г. Сенат указал определить на Камчатку «особливого командира», который должен был провести следствие об обидах ясачным людям со стороны представителей местной администрации. На эту должность первоначально был представлен капитан Павлуцкий [8, л. 82—86 об.; 12, с. 82—87; 21, с. 90; см. также: 12, с. 98—104]. Вслед за этим Сенат велел сибирскому губернатору навести порядок в сборе ясака на Камчатке и прекратить злоупотребления там ясачных сборщиков; от камчатской администрации даже потребовали принять меры, чтобы «народ камчадальской больных из своих домов или юрт не бросали, сами себя не умерщвляли, утопающих спасали» [10, с. 178—179]. В это же время сенаторы утвердили ряд мер по усилению на Камчатке позиций христианства и крещению «камчадалов»: строительство церквей, направление священников, предоставление неопитам льгот по уплате ясака [12, с. 90—94].

В октябре 1732 г. в Тобольске были получены рапорт Павлуцкого о камчатском «бунте» и первые допросы его участников. Сибирский губернатор А. Л. Плещеев отнесся к событиям на Камчатке очень серьезно, поскольку, не мешкая и не запрашивая мнения вышестоящих инстанций, уже 27 октября распорядился, чтобы Иркутская провинциальная канцелярия направила для расследования обстоятельств «бунта» майора Якутского пехотного полка Василия Федоровича Мерлина, придав ему в помощь обер-офицера с капительством солдат (Якутский полк дислоцировался в Забайкалье).

Кроме того, иркутские власти должны были спешно пополнить камчатские гарнизоны служилыми людьми из Иркутска, Якутска и Анадырска. Этим же губернаторским распоряжением Мерлину предписывалось: арестовать

«заводчиков» восстания и допросить их, выяснив при этом, не были ли с ними «в том умысле» русские и коряки; провести расследование причин восстания и тех притеснений, которые чинили ительменам ясачные комиссары и служилые люди, причем «следовать и розыскивать накрепко»; арестовать служилых людей, попавших под подозрение в «обидах» и «разорениях» ительменам и допросить их с пристрастием, то есть с применением пыток; восстановить Нижнекамчатский и укрепить другие остроги; для сбора ясака определять из якутских служилых людей «добрых и неподозрительных за выборами и присягами»; следить за тем, что ясак взимался строго по окладу; выяснить, сколько и кем именно собрано с ительменов чащин и поминок и все эти неокладные сборы забрать в казну [5, л. 41—42; 8, л. 294—297; 83, с. 131—132]. Соответствующая инструкция Мерлину из Иркутской провинциальной канцелярии была подписана 8 мая 1733 г. [5, л. 4—6 об.].

31 октября 1732 г. Сибирская губернская канцелярия направила указ якутскому воеводе Ф. Жадовскому с информацией о начавшемся следствии «по разным делам на Камчатке» и требованием оказывать ему всяческое «вспоможение» [9, с. 227]. 4 ноября 1732 г. она предписала до прибытия на Камчатку Мерлина следствие вести И. Спешневу [38, с. 147]. Этим же днем датировано донесение канцелярии в Сенат с информацией о «бунте» и тех мерах, которые ею предприняты. К донесению был приложены «экстракт» допросов, полученных от Павлуцкого, копии донесений Спешнева Генсу от 18 октября 1731 г. и Павлуцкого в Тобольск от 10 февраля 1732 г. Все эти документы были заслушаны Сенатом на заседании 15 декабря 1732 г. [8, л. 294—317 об.].

Вскоре туда поступило пространное донесение охотского командира Скорнякова-Писарева от 1 июня того же года. Скорняков-Писарев на основе собственных наблюдений (он около четырех лет провел в ссылке в Жиганском зимовье) во всех подробностях описал существовавшую на северо-востоке Сибири систему ограбления аборигенов путем взяток, поборов и вымогательств со стороны воевод, ясачных сборщиков и служилых людей. Основой этой системы являлась сохранявшаяся в Якутском уезде практика воеводских «окупов» [8, л. 325—329, 491—494; 20, с. 207—213].

28 декабря 1732 г. Сенат своим указом подтвердил образование Охотского правления. Вероятно, в январе-феврале 1732 г. последовало назначение Павлуцкого помощником Мерлина. Сенатским указом 23 февраля 1733 г. он из капитанов был произведен в майоры [8, л. 448]. 9 марта 1733 г. сенаторы вновь заслушали информацию о камчатском «бунте», сделав на этот раз конкретные предложения по наказанию виновных. Предложения были оформлены в доклад императрице Анне Иоанновне. Сенаторы (на заседании присутствовали А. И. Ушаков, Ю. Ю. Трубецкой, М. Г. Головкин, В. Я. Новосильцев и обер-секретарь И. К. Кириллов) признали, что «измена» учинилась от «несносных обид комиссарских» и «большою причиною бунта»

были «их злые и разорительные с таким диким народом поступки». В связи с этим они считали необходимым приговорить к смертной казни «одних пушких заводчиков» из числа ительменов, а «прочих от смертной казни освободить, для того, что народ дикий и пушью причину к бунту имели от озлобления своих управителей, а бить челом им в такой дальности некому и может что и не знают».

Зато в отношении «обидчиков», по мнению сенаторов, требовалось принять самые жесткие меры: «О тех комиссарах и подчиненных их, на которых оные бунтовщики показали разорение свое и обиды, жестокае розыскивать и самих их, смотря по доказательству и винам, пытать... и кто явятся пушние разорители, таких, не отписываясь за дальностию, казнить смертию, дабы другие такие ж командиры имели страх и от таких злых поступок воздерживались».

Чтобы казни виновных произвели должный эффект, их надо было провести публично, созвав всех глав ительменских поселений. Перед казнью «съехавшимся ясашникам» следовало «объявлять чрез толмачей, что та казнь за собственные к ним, ясашным людям, обиды и разорения и лишние сборы учинена». Иначе говоря, подданные должны были лицеизреть карающую длань монаршего правосудия. Кроме того, сенаторы предлагали послать на Камчатку для публичного объявления специальные императорские указы, через которые объявить иноземцам «милость и призрения» и обнадежить их, что «пушние разорители» будут казнены, «взятые с них лишние сборы и пограбленные их имущества», а также похолопленные сородичи возвращены. Иноземцев также следовало поставить в известность, что в будущем им будет дано разъяснение официального порядка ясачного сбора. В этих же указах должен был содержаться призыв к служилым людям повиниться в злоупотреблениях и обидах, нанесенных ительменам, обещая за это смягчение наказания («в винах их некоторое упущение будет») [8, л. 491—497 об.; 12, с. 331—339; 20, с. 207—213].

11 марта, 9 и 18 мая 1733 г. императрица утвердила сенатские предложения по расследованию преступлений ясачных сборщиков [5, л. 42; 8, л. 498—500 об.; 12, с. 340—341, 431—434; 20, с. 213]. 21 мая появился ее именной указ «о нечинении обид и притеснений ясачным людям, живущим в Якутском ведомстве и в Камчатке», предполагавшийся для публичного объявления. В указе говорилось, что для пресечения злоупотреблений в Якутию и на Камчатку посланы следственные комиссии, «которым повелено в вышеупомянутых разорениях и обидах не только жестоко разыскивать, но самих разорителей и смертью казнить, а взятые с них лишние сборы и пограбленные их имущества, сколько отыскано будет, возвращать».

Ясачным людям указывалось, чтобы они «лишних никаких ясаков и взяток воеводам, комиссарам и сборщикам, которые они с них своим вымыс-

лом с разорением неволею брали, не давали». Предписывалось отпустить из холопства по домам всех иноземцев, не принявших христианства, а крещеным предоставить свободу жить «между христианами собою у кого хотят». Данный указ было велено как в Якутске и Охотске, так и во всех острогах, зимовьях и волостях укрепить на специально установленных столбах, «и хранить, чтобы всегда всем был известен». Его также следовало раздать князьям и старшинам «каждого народа», «и сверх того, при платеже ясачного толмачам перетолмачивать всем вслух, на их языке» [17].

Помимо сенатских указов в 1731—1733 гг. появилось несколько распоряжений Сибирского приказа, Сибирской губернской и Иркутской провинциальной канцелярий, предписывавших якутским властям определять к ясачному сбору «добрых и прожиточных людей, чтоб можно было кому верить», выдавать им наказы с точной регламентацией ясачного сбора, требовать от сборщиков правильного заполнения ясачных книг с обязательной росписью ясачного в уплате ясака [8, л. 295 об.; 9, с. 227; 10, с. 171—182; 94, с. 112—113].

Тем временем на самой Камчатке следствие шло уже полным ходом. Охотский командир Скорняков-Писарев, еще не имея на руках указов, определявших главного следователя, 10 ноября 1732 г. подписал распоряжение, вручавшее властные полномочия на полуострове подмастерью Спешневу и геодезисту Гвоздеву. 20 июля 1733 г. до них дошла инструкция Скорнякова-Писарева (столь позднее получение инструкции объясняется тем, что связь между Охотском и Камчаткой осуществлялась по Охотскому морю только в летние месяцы).

Согласно ей, Спешнев и Гвоздев должны были принять от Эверстова управление камчатскими острогами и подведомственной им территорией, распределить из морской партии по 20 служилых людей в каждый острог, арестовать по обвинению в «лихоимствах» казаков А. Штинникова, О. Соловьева, Н. Дурьнина, М. Сапожникова, Ивана Герасимова, Максима Плотникова и солдата А. Змиева, отобрать у камчатских жителей всех ительменов-холопов и «некрещенных всех велеть крестить и дать волю и велеть им жить вблизи у острогов», основной состав морской партии, а также Генса, Эверстова, Борисова, «главных заводчиков» восстания и Штинникова отправить на судах «Фортуна» и «Св. Гавриил» в Охотск. Кроме того, геодезист и подмастерье должны были возглавлять следствие, контролировать сбор ясака и руководить строительством и укреплением острогов [38, с. 154].

2 марта 1733 г. к розыску подключился рудознатец С. Гардеболь, прибывший на Камчатку еще в октябре 1731 г. Следственный триумvirат расположился сначала в Нижнекамчатске, затем перебрался в Верхнекамчатск. Допросы и очные ставки, жалобы и показания служилых и ясачных людей существенно расширили круг лиц, обвинявшихся в различных злоупотреблениях. Под следствием оказался даже активный участник подавления восстания сол-

дат А. Змиев, которому вменялись в вину злоупотребления при сборе ясака на р. Ука [38, с. 113, 148, 149]. Ход следствия осложнялся тем, что среди командного состава морской партии, еще с самого начала ее существования, царили неприязнь и постоянные склоки, сопровождавшиеся взаимными доносами в вышестоящие инстанции. В противостояние между командирами оказался вовлечен и рядовой состав [38, с. 148—153 и др.].

В. Мерлин в июне 1733 г. прибыл в Якутск. В его команде состояли прапорщик, канцелярист, копиист, писарь, капрал, барабанщик, 36 солдат и заплечных дел мастер с необходимыми «инструментами». Здесь он арестовал И. Новгородова и М. Шехурдина (Иван Новгородов, Иван Уваровский и Михаил Шехурдин прибыли в Якутск в 1731 г. [83, с. 116]), их имущество было описано. 6 июля следственная комиссия, получившая официальный статус «Розыскная походная канцелярия», выехала из Якутска в Охотск, везя с собой двух вышеназванных арестованных. В команду «канцелярии» было добавлено 59 якутских служилых людей [83, с. 132].

Прибыв в Охотск 9 сентября, Мерлин дождался здесь «Св. Гавриила». Из морской партии он отобрал себе 20 чел., остальных отправил в Якутск. Под его надзор были переданы и привезенные с Камчатки Штинников, братья Харчины и два их соратника. 5 октября команда Мерлина, подследственные, а также новый камчатский комиссар иркутский дворянин И. Добрынский и несколько купцов и промышленных людей на судне «Св. Гавриил» под управлением Генса отбыли на Камчатку [5, л. 96 об.; 38, с. 158, 159] (А. С. Сгибнев считал, что Мерлин прибыл на Камчатку в сентябре 1733 г. [83, с. 132].)

Первоначально Розыскная походная канцелярия обосновалась в Большерецке. Указом 30 ноября 1733 г. Мерлин отстранил от следствия Гвоздева, Спешнева и Гардеболя, управление Камчаткой передал комиссару Добрынскому, а оставшееся от морской партии имущество — Генсу [38, с. 159, 160].

К 5 мая 1734 г. канцелярия переехала в Нижнекамчатск [5, л. 98; 38, с. 161]. Летом того же года Генс доставил из Охотска Д. И. Павлуцкого (Павлуцкий отбыл из Анадырского острога 5 ноября 1732 г. В Якутске 11 сентября 1733 г. он получил указ о своем назначении помощником Мерлина и весной 1734 г. выехал в Охотск [5, л. 89—89 об.; 38, с. 144; 83, с. 130]), несколько офицеров и солдат, а также якутских казаков, привлеченных к следствию. В команде канцелярии сосредоточилось более двухсот человек, не считая гарнизоны камчатских острогов. Получив указ от 21 мая 1733 г., Мерлин распорядился разослать его для ознакомления по всем камчатским селениям, в каждом из которых назначил старшину (тойона), обязанного смотреть за порядком и своевременной уплатой ясака [83, л. 133]. В соответствии с указом все пороки с ясачных в пользу администрации отменялись.

К концу 1734 г. Розыскная канцелярия, допросив всех привлеченных к следствию лиц, закончила выяснение обстоятельств «бунта» и определение глав-

ных его виновников и зачинщиков. В ходе допросов, в том числе с применением пыток, все вожди восстания «повинились» в своей «измене», однако главную вину они возложили все же на ясачных комиссаров, сборщиков и казаков, которые своими безчинствами довели их до отчаяния. Служилые люди, обвиненные в злоупотреблениях, также, правда, в основном под пытками, признались во всем, сообщив следователям многие детали и подробности той системы незаконной эксплуатации аборигенов, которая существовала на Камчатке.

Крашенинников, собиравший информацию о «бунте» и следствии буквально по горячим следам, писал, что ительмены на допросах говорили только то, что считали нужным сказать. Пытками же из них не удавалось вырвать ни слова: «Как их ни мучь, более не услышишь, как “ни, ни”, и то от первого удара, а потом как бесчувственные молчат, закуся язык, и более того допытаться у них пристрастием не можно, как токмо, что в допросе добровольно сказали» [60, с. 498] («ни, ни» по-ительменски — междометие, выражающее ощущение боли, русское «ой», «ай») [37, с. 85]).

Соответственно, встают вопросы: а сказали ли допрашиваемые все, чем интересовались следователи, не утаили ли они что-либо существенное, более того, смогли ли они правильно понять вопросы, которые им задавали, и дать на них адекватные ответы? Ведь язык и образ мышления ительменов, как и в целом их мировосприятие, принципиально отличались от того же самого у русской стороны. Кроме того, и следователей интересовал лишь определенный круг вопросов, в основном — причины, участники и ход восстания. Ряд моментов, важных для нас в исследовательском плане, вообще остался в стороне. В частности, Розыскная канцелярия даже не пыталась выяснить цели «бунта». Соответственно, и сами ительмены по этому поводу ничего не сказали. Тем не менее, оперируя материалами допросов, сведениями других источников и анализируя действия противоборствующих сторон в ходе восстания, можно все же выявить и охарактеризовать те мотивы, которыми руководствовались восставшие ительмены.

Что касается причин «измены», то вряд ли можно сомневаться в том, что ительмены поведали о них с предельной обстоятельностью, поскольку сами были заинтересованы в раскрытии всех злоупотреблений, и тем самым — в оправдании своих действий. К тому же их «обидчики», а также свидетели — русские служилые люди — в целом подтвердили на допросах правоту ительменов в данном вопросе. В отличие от причин, которые излагались почти одинаково, ход восстания каждый допрошенный «изменник» рассказывал по-своему. При этом каждый, и это совершенно отчетливо видно из допросов, стремился умалить степень своего участия в «бунте», пытаясь доказать, что сам он неоднократно проявлял желание примириться с русскими, но

другие вожди его якобы от этого отговаривали. Особенно упорно данной тактики придерживался Федор Харчин.

Чем объясняется такое поведение вождей и участников восстания, которые, выгораживая себя, перекладывали вину на плечи других? Дать ответ на этот вопрос мы, к сожалению, не можем. Не исключено, что так «виновные» пытались избежать или смягчить наказание, что казалось бы вполне естественным. Однако, с другой стороны, ительменов, в чьей жизни самоубийство являлось обыденным явлением, вряд ли могла испугать перспектива смертной казни.

Сложно понять и цели восставших, тем более что данная тема в ходе следствия вообще не поднималась. Судить о них можно лишь на основании совокупности данных. В первую очередь обращают на себя внимание подготовка и хорошая организация восстания в низовьях р. Камчатка, продуманные и спланированные действия «изменников» на первом этапе, их решительность и жестокость. Это наводит на мысль, что «бунт» не был лишь спонтанной реакцией на конкретные насилия со стороны служилых людей, речь скорее можно вести о более широких намерениях, чем просто месть отдельным «обидчикам» (хотя это также сильно мотивировало действия «изменников»).

Вполне заметно, что в ходе восстания ительмены без всякой жалости убивали всех представителей русской стороны. Это, конечно, позволяет говорить о том, что мы имеем дело с обычной у ительменов практикой уничтожения врагов. Но проблема, однако, в том, что их военные традиции предусматривали расправу, и то не всегда, лишь с воинами противника, женщин и детей ительмены, как правило, не убивали, а брали в плен, обращая в рабов, молодых женщин — в наложниц.

В связи с этим убийства восставшими женщин и детей выглядят необычно, особенно, если принять во внимание, что казачьи жены почти поголовно были ительменками и, соответственно, могли иметь родственников даже среди «изменников». Объясняя данный феномен, можно предположить, что членов казачьих, и вообще русских семей, ительмены рассматривали как чужаков, уравнивая их с врагами. Скорее всего, казачьи родственники давали для этого поводы. К данному заключению приводит ряд наблюдений Стеллера. Перечисляя причины ительменских «бунтов», он, в частности, подметил: «Так как казаки всегда хитро поддерживали дружеские отношения с некоторыми продувными ительменами, то через них и через туземных девушек, которых они целыми толпами принуждали к разврату, они всегда заблаговременно узнавали о всех замышлявшихся соседними ительменами враждебных против них действиях и принимали против них соответствующие меры защиты». В примечании он специально пояснил: «Через них (туземных девушек. — А. З.) с самого начала (и до сих пор еще) раскрывались все заговоры,

потому что женщинам свойственно любить больше иноземцев, чем своих земляков» [91, с. 136].

Далее следует еще одно интересное замечание: «Дети казаков, именуемые в этих местах “вашинками”, или молодыми оленьими самками, так как они родились от матерей-ительменов, но державшие сторону отцов своих — казаков, поступали еще хуже казаков, ибо знали язык туземцев и обладали, таким образом, ключом к раскрытию всех местных секретов. Если ительмены начинали жаловаться, то эти дети так переводили их речь, что ительмены всегда оказывался виновным и заслуживал наказания» [91, с. 139].

И, наконец, как резюме, звучит следующая мысль Стеллера: «Казаки со всеми своими семьями сидели у этих бедняков в течение зимы на шее и поедали у них все заготовленные ими припасы, совершенно не соблюдая никакой экономии и опираясь исключительно на ложь и обман, грабеж и воровство» [91, с. 139] (курсив наш. — А. З.).

Стремление восставших к поголовному уничтожению всего русского населения можно понять, обращаясь к наблюдениям Крашенинникова, который писал: «... тамошние народы давно намерение имели искоренить всех российских жителей на Камчатке, чтоб получить *прежнюю вольность*» [60, с. 493] (курсив наш. — А. З.). По его мнению, если бы на помощь не пришла морская партия, «из тех казаков, которые оставались на Камчатке, не осталось бы ни единого человека, но все бы побиты были, или поморены голодом».

Перебив всех русских на полуострове, ительмены планировали перекрыть дорогу на Камчатку из Анадырска, а у всех морских гаваней выставить караулы, чтобы своевременно уничтожать прибывающих морем из Охотска служилых людей [60, с. 494]. Особого внимания заслуживает и сообщение Крашенинникова о том, что, захватив Нижнекамчатский острог, восставшие похвалялись «собак казачьих на Камчатке вывести», а Федор Харчин кричал осаждавшим: «За чем вы пришли? Разве не ведаете, что я комиссаром камчатским? Я буду сам ясак збирать, а вы казаки здесь в земле не надобны» [60, с. 495, 762].

Конечно, можно высказать недоверие этим свидетельствам, полагая, что Крашенинников с подачи своих информаторов-казачков преувеличил степень опасности, исходившую от ительменов, что служило оправданием жестоких карательных мер против них. Однако, как упоминалось выше, помимо казаков он достаточно много общался и с ительменами, в том числе участниками восстания, и, скорее всего, от них и получил сведения о намерениях восставших «собак казачьих на Камчатке вывести». Но еще важнее то, что информация Крашенинникова о планах восставших вполне согласуется с их действиями — уничтожением всех русских, если для этого предоставлялась возможность. Кроме того, массовое убийство ительменов карателями можно

рассматривать как косвенное подтверждение планов «изменников»: казаки, наверняка зная о них, отреагировали адекватно, руководствуясь простым принципом «око за око, зуб за зуб».

В целом, есть основания утверждать, что характер восстания был гораздо сложнее, нежели он представлен в официальных, в том числе и следственных, документах того времени, а также в исторических исследованиях. Восстание началось и развивалось не просто как стихийный бунт, бессмысленный и беспощадный, оно имело организацию (в рамках существовавших у ительменов территориальных объединений), а главное осознанную цель — полное уничтожение на Камчатке русских и русской власти. Ф. Харчин, принимая на себя звание «камчатского комиссара», тем самым, по нашему мнению, продемонстрировал упразднение русской власти и переход последней к ительменам. Отсутствие у самих коренных обитателей Камчатки, как указывалось выше, каких-либо стабильных потестарных структур вызвало попытку вождей восстания, уже знакомых с русской властью, использовать ее элементы в своих целях (вспомним также о копировании восставшими в Нижнекамчатском остроге казачьего «стиля» поведения).

Однако и преувеличивать степень организованности ительменов не стоит. О ней, как отмечалось, можно говорить лишь применительно к словеским, ключевским и крестовским «речным» общинам. При этом их объединение строилось по родственному принципу — многие вожди и активные участники восстания были связаны родственными узами: Голгоч и его племянники Харчины, братья Лехтар и Бургач, сыновья последнего — Ивожет, Талач, Карымча и Черемач, шурин Талача — Вакоч, братья Кнуп и Налач, братья Колыч и Гьжур, братья Итатель и Нефед Тенивины, Хобин, его сын Кашея и дети последнего — Селхаруч и Херуч, и т. д.

Остальные территориальные группы (на реках западного и южного побережий полуострова) действовали каждая сама по себе, не имея никакого согласования ни друг с другом, ни с нижнекамчатскими «изменниками». Правда, один из иноземцев, Пока, якобы говорил тойонам Шемкочу, Акабышу и Налачу (с р. Немтик) следующее: «У нас де по всему берегу от Воровской и по Тигилю и по всей Камчатке один заговор, что изменить и судно Фартуну зжечь и служилых побить, а порох и свинец и ружье взять, и ийти на Большерецкой острог, а по приходе острог зжечь и служилых людей прибить и отгут итить на Верхней острог; и желали учинить то ж, что и над Большерецком острогом намерены были учинить» [5, л. 52 об.].

Из этих слов, казалось бы, вырисовывается замысел общеительменского единого восстания. Однако на следствии выяснилось, что ничего подобного не было, и о таких грандиозных планах ительмены вообще не говорили, а появились они благодаря А. Штинникову, который просто приписал их ительменам в своем отчете по итогам карательного похода на западно-кам-

чатские реки летом 1731 г. Напротив, ительменские «речные» общины сохраняли изолированность и даже враждебные отношения друг к другу, о чем ярко свидетельствуют факты как вооруженных столкновений между ними, так и участия ряда тойонов в карательных походах, а также передача некоторыми «лучшими иноземцами» русской стороне информации о движении и планах восставших.

Особо отметим, что, если применительно к нижнекамчатским ительменам (бурин) можно говорить об организации, планах и мотивах, то выступления ительменов на реках Воровская, Белоголовая, Колпакова, Крутогорова, Ича, Облуковина, Хайрюзова, Авача, Жупанова были вызваны известием о взятии Нижнекамчатского острога, поэтому имели спонтанный характер и представляли не столько целенаправленное антирусское восстание (как на р. Камчатка), сколько реализацию предоставившейся, как, видимо, показалось «бунтовщикам», возможности уничтожения ясачных сборщиков и грабежа соседних «враждебных» поселений.

Приговор Розыскной канцелярии, подписанный 28 февраля 1735 г. майорами Мерлиным, Павлуцким и прапорщиком Черепановым, подтвердил предварительный вывод Сената по поводу причин «бунта», возложив главную вину за случившееся на местную камчатскую администрацию [5, л. 43 об.—44 об.]. Позднее, в «ведомости» от 22 октября 1737 г., посланной Миллеру в Якутск, Мерлин констатировал: «В прошлом 731 году июля 20 дня Нижней Камчадальской острог раззорили и сожгли тамошние ясашные иноземцы новокрещен Фетка Харчин с товарищи за обиды и излишние сверх ясака зборы и лихоимственные с них иноземцов себе взятки от бывших во оном Нижнем остроге камисаров Ивана Новгородова Михаила Шехурдина и подъячих их Якима Мухоплева, Ивана Свешникова и толмача Орлика и от ясачных сборщиков и от служилых людей, понеже оные камисар Новгородов и подъячей Мухоплев с товарищи брали у оных иноземцов за чащины и за ясак жен и детей и продавали в вечное холопство...» [2, л. 358].

В этой же ведомости, на которую уже ссылались исследователи [37, с. 84—85; 38, с. 162; 60, с. 498], дается поименное перечисление лиц, подвергшихся наказанию (см. приложение 4). Однако она имеет разночтения с приговорами, составленными в 1735 г., копии которых также были посланы Миллеру (приложения 1, 2, 3).

В первом, упомянутом приговоре от 28 февраля 1735 г. речь шла о наказании служилых людей Ивана Новгородова, Екима Мухоплева и ряда ясачных сборщиков, а также Ф. Харчина, Тадея Иурина и их товарищей — словских, ключевских и камчатских ительменов. Приговор был приведен в исполнение 4—6 марта 1735 г. в Нижнекамчатском остроге [5, л. 43 об.—44 об.].

Второй приговор, вынесенный 30 июня того же года, касался Андрея Штинникова и казаков, «которые были в походах со оным... и со общаго

согласия чинили ясашным иноземцам... раззорение и тиранство», а также «изменников» с западного и южного побережья Камчатки. Дата исполнения не указана, но, видимо, экзекуция состоялась в ближайшие дни после приговора [5, л. 69 об.—70 об.].

Третий приговор, от 14 июля, посвящался солдату А. Змиеву и матросу Агафону Назарову, обвиненных за соучастие в казачьих «тиранствах»; приведен в исполнение 15 июля [5, л. 71]. Из ведомости же 1737 г. можно понять, что все виновные были наказаны одновременно (упоминается дата 10 марта 1735 г.). Кроме того, список виновных в ведомости шире, чем в приговорах, где поименно были указаны не все, многих казаков просто обозначили как «прочих»; возможно, какие-то приговоры не сохранились (или пока не обнаружены).

Исходя из того, что ведомость составлялась Мерлиным уже на основании итогов всего следствия и по результатам исполнения всех приговоров можно полагать, что именно она (а не приговоры) содержит полный список лиц, подвергшихся наказанию. В пользу этого свидетельствует, в частности, следующее обстоятельство: в приговоре 28 февраля 1735 г. в отношении ряда казаков сообщается, что наказание им будет «учинено» после доставки на Камчатку из Якутска бывших камчатских управителя М. Борисова и комиссара М. Петрова, а в ведомости 1737 г. эти казаки, равно как и Борисов с Петровым значатся уже наказанными. Что касается дат исполнения приговоров, то Мерлин, скорее всего, просто не указал их в ведомости, посчитав это несущественным. Упомянутая же дата 10 марта 1735 г. является, видимо, днем окончания экзекуций в Нижнекамчатском остроге.

Исходя из данных ей полномочий (права выносить любой приговор без согласования с вышестоящими инстанциями), Розыскная канцелярия сама определила виновным меры наказания. В соответствии с указом от 9 мая 1733 г. приговоры приводились в исполнение публично в течение 1735 г. Согласно ведомости 1737 г. (которую мы берем за основу) и приговоров 1735 г. (дающих ряд незначительных корректив) наказаны были следующие лица.

В Нижнекамчатском остроге повешен комиссар Иван Новгородов, бит батогами подьячий Федор Сухов, кнутом — комиссары Михаил Шехурдин и Михаил Петров, управитель Михаил Борисов, подьячий Еким Мухоплев, ясачные сборщики из числа казаков — Матвей Новгородов, Петр Чижевской, Гаврила Чудинов, Иван Каташевцов, Василий Конев, Петр Гуторов, Иван Калашников, Евдоким Колегов, Алексей Воробьев, толмачи и казаки Спиридон Перебякин, Федор Кырасов, *Алексей Колмогоров* (здесь и далее курсивом выделены лица, чьи фамилии отсутствуют в приговорах 1735 г.), Петр Сургуцкой, *Яков Лазарев*, Семен Минюхин, *Константин Веретнов*, *Алексей Ярыгин*, Федот Спиридонов, *Степан Власов*, монастырский служка Василий

Нижегородов (скорее всего, он был крещеным ительменом), наказан шпицрутенами солдат Александр Змиев.

Из ительменов смертной казни через повешение подверглись Федор Харчин, Тадея Иурин, Чемура Каначев (Чамура Капачев), Черемач Бургачев (Черемыш Быргачев), Никита Родихин, Ор Тавач (по «приговору» казнен в Верхнекамчатске); биты кнутом Афанасей Микулин (Никулин), Оверя Яковлев, Михаил Катканов, Антошка, монастырский служка Савинко, Налач ключевской, Кашея, Налач крестовской, Кана Ваков (Вакива), Хотчерич Эжин, Хомкало (Токкал) Эжин, Ивожет (Ивожит, Иворит) Бургачев, Харуча (Харуга) Огонев, Кунжет (Куйжет), Чемпач еловский, Хобин Харучепов, Талач (Бургачев?), Чегеч (Чагаги), Иворит Имериков, Инжикин (Ынжикин) Хобинов, Валдай (Балдай), Вакоч, Огон, *Налач* (видимо, с р. Жупановая), Анарал, *Чажак*, *Оманя*, Итатель Тенивин, Урил, Кацая Кнупин (Коцай Купин), *Апхолч*, Селхоруч Кашеин, Харуча (Харуга), Кана Брючин Пылгочев, Тавач Вачкин (Васхин).

В Верхнекамчатском остроге был повешен ясачный сборщик *Михайло Сапожников*, биты кнутом казачий сотник Осип Верхотуров, ясачные сборщики *Артемей Скрябин*, *Андреян Рюмин*, батогами — *Семен Путилов*, *Василей Новограбленой*. Из ительменов повешены Галля с р. Быстрая и Харлапан с р. Колпакова, биты кнутом Отома (Атома) Акетов, Карымча, Отома (Атома) Карымчин, Лышкой, тойон с р. Быстрая Хомлас (Хамлас), тойон с р. Мороченная Вахна (Вапха).

В Большерецком остроге повесили иркутского казачьего пятидесятника Андрея Штинникова (ему помимо жестокого отношения к ительменам, вменили в вину убийство и ограбление в 1729 г. японцев, потерпевших крушение у берегов Камчатки), били кнутом казаков Осипа Соловьева, Матвея Новограбленого, Михаила Лепихина, Федора Лобанова, *Андрея Марамыгина*, *Андрея Рубцова*, *Петра Евлатьева*, *Андрея Воронина*, *Григория Томилова*, *Онофрия Черкашенина*, *Луку Трескина*, *Лариона Вальнкина*, *Григория Келтякина*, *Петра Вальнкина*, *Степана Вахрушева*, *Михаила Коткова*, *Федора Асламова*, *Ивана Лукашевского*, *Савву Усова*, *Василия Посникова*, *Василия Щеголева*, *Семена Вагина*, *Михаила Лепихина меньшого*, *Петра Матвеева*, *Семена Шаранова*, *Афанасия Попова*, *Михаила Лукашевского*, *Семена Суруцкого*, *Петра Чупрова*, *Антоня Хмылевского*. Здесь же повесили «пущего завотчика» новокрещенного Ваську Вахлача (Вахлыча) с р. Авача, били кнутом тойонов с р. Авача Соза Кокомзина и Апауча Шараглазова.

Согласно приговорам батогами был наказан матрос Агафон Назаров (видимо, в Нижнекамчатске), в Верхнекамчатске повешен руководитель составших харьюзовцев Щербак. Еще двое «изменников», Максимко и Лалот Аюлхин умерли под следствием. В приговоре присужденным к битью кнутом значится казак Иван Баранников, но в ведомости его фамилии нет среди наказанных [2, л. 361 об.—363 об.; 5, л. 43 об.—44 об., 69 об.—71].

По сведениям А. Сгибнева, по приговору Розыскной канцелярии от 17 апреля 1735 г. некоторые из служилых людей подверглись повторному наказанию: А. Скрябин, А. Рюмин и Е. Мухоплев биты кнутом нещадно, В. Новограбленной — батогами нещадно ж, С. Власов — кнутом, П. Матвеев — плетьюми, А. Попов — батогами. Были также наказаны ранее не подвергавшиеся экзекуциям закашик Пашков — батогами (вследствие чего он умер) и целовальник Кирков — кнутом [83, с. 133] (возможно, это не Кирков, а Кырков).

Итого по результатам следствия было повешено трое русских и десять ительменов (да два умерли), подвергнуто телесным наказаниям 63 русских и 44 ительмена. Кроме того, многие казаки были оштрафованы [2, л. 358; 41, с. 98; 60, с. 497—498]. Совершенно от наказания был освобожден Степан Харчин, которому удалось доказать свою непричастность к числу заговорщиков и участие в «бунте» помимо своей воли (несмотря на то, что его брат Федор дал показание, что «пошел с ними волею своею и брат его Стенка Харчин для убивствия служилых людей» [5, л. 10]). Более того, Мерлин счел возможным назначить его вместо Федора ключевским тойоном [74, с. 49]. Нет среди наказанных и Нефеда Тенивина.

У всех русских на Камчатке были отобраны и отпущены на свободу холопы из числа ительменов [2, л. 358; 5, л. 99; 41, с. 98; 60, с. 497—498]. Кроме того, в ходе следствия Мерлин конфисковал всю пушнину и прочее имущество, незаконно приобретенные казаками [38, с. 162]. Однако вопреки обещанию правительства вернуть все награбленное пострадавшим ительменам, пушнина была записана в казну [5, л. 98об.]. Последнее наглядно свидетельствует, какой аспект более всего волновал «всемиловейшую» императрицу и ее правительство в отношениях с аборигенами — пополнение государственной казны.

В связи с этим стоит подчеркнуть, что упомянутые выше указы о наведении порядка в ясачном сборе неизменно сопровождались требованиями полного сбора ясака. В частности, уже после подавления восстания ительменов, указом Сибирской губернской канцелярии от 29 июня 1733 г. было велено взыскать с ясачных все недоимки, накопившиеся с 1731 г. [10, с. 181—182]. Собственно и суровое наказание служилых людей последовало по «казенной» причине: из выдвинутых против них обвинений следует, что карали их не столько за издевательство над ительменами, сколько за нанесение материального ущерба государству — ведь обнищание, а тем более сокращение численности ясачноплательщиков в конечном счете отрицательно сказывалось на пополнении казны.

В том же 1735 г. Мерлин выслал в Сибирскую губернскую и Иркутскую провинциальную канцелярии экстракты (изложение) всех следственных материалов (сопроводительное донесение подписано Мерлиным и Павлуцким 21 июля 1735 г.) [18, с. 83—84]. Надо особо отметить, что следствие и его ре-

зультаты делают честь Мерлину и Павлуцкому. Обладая всей полнотой власти на Камчатке, они легко могли бы сами пуститься в «лихоимство» и заняться вымогательством, продолжая уже сложившуюся практику. Им ничто не мешало за взятки смягчить вину если не всех, то многих служилых людей, возложив всю ответственность на «диких» ительменов. Но они этого не сделали.

Сложно судить, насколько оба майора отличались честностью и порядочностью, но, вероятно, те вопиющие отвратительные нравы, которые царили на Камчатке, настолько их потрясли и возмутили, что они решились навести хоть какой-то порядок. Тем более что, вскрывая злоупотребления и наказывая виновных, а, соответственно, четко выполняя правительственные предписания, следователи могли рассчитывать на награды и поощрения (за оперативное проведение «розыска» Мерлин был повышен в чине до подполковника).

Завершив розыск по ительменскому «бунту», Мерлин и Павлуцкий еще несколько лет пробыли на Камчатке, занимаясь наведением порядка в управлении и ясачном сборе, ремонтом и строительством острогов [83, с. 133]. Вероятно, по их указанию все ительмены из Ключевского острожка были переселены вверх по р. Камчатка в будущий Козыревск, а в Ключах позже, около 1740 г. русскими крестьянами — переселенцами с р. Лена — был основан поселок Ключи [42, с. 327; 63, с. 47].

По сведениям Крашенинникова, Павлуцкий внес вклад в развитие на полуострове животноводства: он доставил туда первую партию рогатого скота [60, с. 194]. Под руководством майоров в 1733—1739 гг. возводился новый Нижнекамчатский острог на левом берегу р. Камчатка ниже устья р. Аратуга (Радуга). Их стараниями в 1737 г. в новом остроге была построена Успенская церковь, а в 1739 г. — Успенская же церковь в Большерецком остроге [40, № 1, с. 46, № 2, с. 182, 185; 60, с. 497, 502, 504, 665—666; 65, с. 16; 83, с. 133]. Они также много способствовали крещению ительменов, выступая в роли крестных отцов, и именно поэтому на Камчатке распространились их фамилии [40, № 1, с. 46].

Христианизация же камчатских аборигенов после подавления восстания 1731 г. резко активизировалась. К 1745 г., по официальным данным, на полуострове насчитывалось 6 067 крещенных ительменов и коряков [40, № 1, с. 60; 74, с. 96]. Российская власть к этому времени уже хорошо сознавала, что посредством веры и церкви можно воздействовать на умы и сердца аборигенов. Как точно подметил Стеллер, «ни которая ограда толь крепка, ни который союз толь безопасен, как благочестивый и вязалом веры совокупленный» [74, с. 95].

В 1738 г. Мерлину и Павлуцкому вновь пришлось проводить расследование о притеснениях ительменов, на этот раз камчатским управителем подпоручиком Максимом Латышевым и ясачным сборщиком Аргуновым, которые в 1737 г. были посланы на Камчатку охотским командиром Скорняко-

вым-Писаревым. Латышев и Аргунов в сопровождении 29 казаков разъезжали по полуострову и брали с ительменов взятки и чашины. По приговору Розыской канцелярии они были биты кнутом, а их подручники, служилый Карпов и толмач Агатов, отправлены в каторжные работы в Охотск [83, с. 133, 136].

Данное дело демонстрирует, насколько крепко в сознание камчатской администрации и служилых людей въелось право на произвол и безнаказанность. Его не смогли искоренить ни казни «лихоимцев» в 1735 г., ни угроза «жесточайшего наказания», содержащаяся в наказах управителям и ясачным сборщикам, ни даже присутствие Розыской канцелярии. Любопытно отметить, что еще ранее, в 1733 г., бывший камчатский комиссар И. Эверстов, уезжая с Камчатки, вывез с собой собственной пушнины на сумму 1 000 руб. [83, с. 134] Эта пушнина была «вымучена» им с ительменов в тот момент, когда с большим трудом удалось подавить их восстание, вызванное как раз вымогательствами и поборами.

В августе 1739 г. Мерлин и Павлуцкий со своей командой и всеми следственными материалами отбыли с Камчатки в Охотск и далее в Якутск [18, с. 83—84; 60, с. 497; 83, с. 133]. Розыская канцелярия прекратила свое существование. Но восстание ительменов и деятельность следственной комиссии надолго остались в памяти жителей Камчатки. Еще в середине XIX в. было заметно пепелище сожженной ительменами церкви во имя Святителя Николая Мирликийского Чудотворца [40, № 1, с. 40]. В это же время К. Дитмар в деревне Ключи записал рассказ девяностолетнего крестьянина Удачина, который достаточно точно и «вполне согласно с историческими памятниками» описал ход восстания [42, с. 327—328].

О массовой экзекуции, проведенной Мерлиным, напоминала поговорка, бытовавшая в конце XIX в. среди местного населения: «Как быть тогда не веселу, когда всех нас повесили» [65, с. 16]. О давно минувших событиях и их главном участнике — еловском тойоне Федоре Харчине — до сих пор напоминают названия географических объектов и населенного пункта на Камчатке — поселок Харчино, озеро Харчино, Харчинский вулкан.

ИСТОЧНИКИ

1. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 397.
2. Там же. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7.
3. Там же. № 527. Д. 7.
4. Там же. Д. 12.
5. Там же. Д. 13.
6. Там же. № 528. Ч. 1. Д. 1.
7. Там же. Ч. 2. Д. 4.
8. Там же. Ф. 248. Оп. 12. Кн. 666.

9. Актовые источники по истории России и Сибири XVI—XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг: в 2 т. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1995. Т. 2. 305 с.
10. Акты архивов Якутской области (с 1650 г. до 1800 г.) / Сост. Е. Д. Стрелов. Якутск, 1916. Т. 1. 275, XV с.
11. *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / Пер. с нем. Ю. И. Бронштейна. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1940. 173 с.
12. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730—1733. Ч. 1: Морские отряды. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 650 с.
13. *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.
14. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. док. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. XXX, 280 с.
15. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архив. материалов. Л.: Изд-во ин-та народов Севера, 1935. 210 с.
16. Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1. XXXII, 551 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 9. № 6407. С. 131—132.
18. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948. 379 с.
19. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сб. док. М.: Наука, 1984. 319 с.
20. Сборник Русского исторического общества. Юрьев, 1899. Т. 106.
21. Экспедиция Беринга: Сб. док. М.: ГАУ НКВД СССР, 1941. 327 с.
22. *Александров В. А.* «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII века // История СССР. М., 1988. № 3. С. 94—113.
23. *Антропова В. В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сиб. этногр. сб. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Вып. 2. С. 99—245.
24. *Артемова О. Ю.* Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации. М.: Вост. литература, 1993. С. 40—70.
25. *Арутюнян Ю. В., Дробижнева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1998. 271 с.
26. *Белашов А.* Очерк истории Петропавловской Камчатской епархии. Кн. 1: XVIII век. Посев и всходы. Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Скрижали Камчатки», 2003. 246 с.
27. *Белков П. Л.* Вожди и бигмены (о механизме становления вождества) // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Вост. литература, 1995. С. 126—139.
28. *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1: Образцы народной словесности чукок (тексты с переводом и пересказы). СПб., 1900. 417 с.
29. *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 1: Социальная организация. Л.: Изд-во ин-та народов Севера, 1934. 191 с.
30. *Васенко П.* Из истории русского господства на Камчатке // Русское прошлое. Петроград; М.: Изд-во «Петроград», 1923. Т. 3. С. 154—156.

31. *Вахрин С. И.* Предыстория Камчатской епархии // Краевед. зап. / Камчат. обл. краевед. музей. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1993. Вып. 8. С. 162—169.
32. *Вахрин С. И.* Встречь солнцу. Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1996. 350 с.
33. *Вдовин И. С.* Расселение народностей Северо-Востока Азии во второй половине XVII и начале XVIII вв. // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1944. Т. 76. Вып. 5. С. 250—265.
34. *Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 302 с.
35. *Вдовин И. С.* Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII в. (По неопубликованным материалам участника Камчатской экспедиции А. П. Горланова) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1975. Вып. 17. Кн. 3. С. 57—66.
36. *Володин А. П.* Ительменский язык. Л.: Наука, 1976. 425 с.
37. *Володин А. П.* Ительмены. СПб.: Просвещение, 1995. 127 с.
38. *Гольденберг Л. А.* Между двумя экспедициями Беринга. Магадан: Кн. изд-во, 1984. 238 с.
39. *Гольденберг Л. А.* Михаил Спиридонович Гвоздев. Начало XVIII — после 1759 г. М.: Наука, 1985. 159 с.
40. *Громов П. В.* Историко-статистическое описание камчатских церквей // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1861. Т. 1. № 1. С. 28—72; № 2. С. 138—194.
41. *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. М.: Наука, 1966. 275 с.
42. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Карла фон Дитмара. Ч. 1: Исторический отчет по путевым дневникам. СПб., 1901. 754 с.
43. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
44. *Зибарев В. А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII—XIX вв.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. 206 с.
45. *Зуев А. С.* Анадырская партия: причины и обстоятельства ее организации // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII—XX века) / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 1999. С. 18—39.
46. *Зуев А. С.* Поход Д. И. Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII—XX вв.) / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. С. 3—38.
47. *Зуев А. С.* Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах // Сибирь в XVII—XX веках: Проблемы политической и социальной истории / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 53—82.
48. *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. 330 с.
49. *Зуев А. С., Миненко Н. А.* Секретные узники сибирских острогов (Очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1992. 164 с.
50. *Иванов В. Ф.* Русские письменные источники по истории Якутии XVIII — начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. 212 с.
51. Известие о Камчатской духовной миссии // Сибирский вестник. СПб., 1822. Ч. 17. С. 197—216.
52. *Иохельсон В. И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 237 с.

53. История Дальнего СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 470 с.
54. История и культура ительменов: Ист.-этногр. очерки. Л.: Наука, 1990. 207 с.
55. История и культура коряков. СПб.: Наука, 1993. 236 с.
56. История Сибири. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 538 с.
57. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 3. 747 с.
58. Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Вост. лит.-ра, 1995. С. 11—61.
59. Крадин Н. Н. Политическая антропология: Учеб. пособие. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2001. 213 с.
60. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 841 с.
61. Крылов В. Материалы для истории камчатских церквей. Казань, 1909. 84 с.
62. Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 269 с.
63. Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области (Из истории происхождения географических названий). Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1967. 127 с.
64. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Ист.-этногр. материалы о народах Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
65. Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели // Зап. Приамур. отд. Имп. Рус. геогр. об-ва. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 1. С. 1—141.
66. Матюнин Н. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871. СПб., 1877. 3-е изд. С. 138—184.
67. Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв.: Ист.-этногр. очерки. М.: Наука, 1985. 239 с.
68. Непомнящая М. М. Методы управления аборигенным населением Камчатки в 17—18 веках и их последствия // Культурно-ист. развитие народов Камчатки: докл. междунар. науч.-практ. конф. / Камчат. гос. пед. ин-т. Петропавловск-Камчатский, 1999. С. 66—68.
69. Никитин Н. И. О традициях казачьего и общинного самоуправления в России XVII в. // Изв. СО РАН. Сер.: История, филология и философия. 1992. Вып. 3. С. 3—8.
70. Огородников В. И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв. // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркутск. ун-та. Иркутск, 1921. С. 69—113.
71. Огрызко И. И. Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVII в. // Вопр. истории Сибири (Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, т. 222). Л., 1961. С. 171—208.
72. Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX веков). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 192 с.

73. *Октябрьская И. В.* Сравнительный анализ традиционных картин мира Севера и Юга // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 68—77.
74. *Окунь С. Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л.: Соцэкгиз, 1935. 151 с.
75. *Орлова Е. П.* Ительмены: Ист.-этногр. очерк. СПб.: Наука, 1999. 168 с.
76. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 1032 с.
77. *Пушкин А. С.* Заметки о Камчатке // Полн. собр. соч. М.: Воскресенье, 1995. Т. 10. С. 289—308.
78. *Рощина Н. А.* Хозяйство и общественный строй ительменов в первой половине XVIII века // Учен. записки Кемеровского гос. пед. ин-та. Кемерово, 1956. Вып. 1. С. 50—82.
79. *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 258 с.
80. *Сафронов Ф. Г.* Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск: Кн. изд-во, 1988. 192 с.
81. Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.: Наука, 1986. 227 с.
82. *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сб. СПб., 1869. Т. 105. № 11. Неофиц. отдел. С. 1—92.
83. *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Морской сб. СПб., 1869. Т. 101. № 4. С. 5—142.
84. *Сенявская Е. С.* Человек на войне. Ист.-психолог. очерки / Ин-т Рос. истории РАН. М., 1997. 231 с.
85. *Сергеев В. Д.* Страницы истории Камчатки (дореволюционный период): Учеб.-метод. пособие / Камчат. гос. пед. ин-т. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1992. 190 с.
86. *Скальчик П.* Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии // Сов. этнография. 1991. № 2.
87. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск: Вен-Мер, 1995. 675 с.
88. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край: Естеств.-ист. описание. СПб., 1900. Т. 1. 689 с.; Т. 2. 793 с.
89. *Стебницкий С. Н.* Очерки по языку и фольклору коряков / РАН. Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера). СПб., 1994. 294 с.
90. *Стеллер Г. В.* Из Камчатки в Америку (Von Kamtschatka nach Amerika). Быт и нравы камчадалов в XVII в. Л.: Изд-во П. П. Сойкина, 1928. 109 с. (на титуле ошибочно указан XVII в., надо XVIII в.)
91. *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1999. 287 с.
92. *Степанов Н. Н.* С. П. Крашенинников как историк Камчатки // Советский север. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. С. 85—116.
93. *Степанов Н. Н.* Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки» // Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением ра-

портов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. С. 13—84.

94. *Федоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI — начало XIX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.

95. *Хотинец В. Ю.* Этническое самосознание. СПб.: Алетей, 2000. 235 с.

96. *Ширяев С. Т.* Начало христианизации народов Камчатки // Культ.-ист. развитие народов Камчатки: Докл. междунар. науч.-практ. конф. / Камчат. гос. пед. ин-т. Петропавловск-Камчатский, 1999. С. 68—70.

97. *Ширяев С. Т.* Начало распространения христианства на Камчатке // Из истории народов Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчат. гос. пед. ин-та, 2000. С. 26—35.

98. *Шнирельман В. А.* У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества: В 2 т. / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1994. Т. 1. 176 с.

99. *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. 463 с.

100. *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 247 с.

101. Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. 269 с.

102. *Forsyth J. A.* History of the Peoples of the Siberia: Russia's North Asian Colony. 1581—1990. Cambridge, N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1992.

103. *Lantzeff G. V., Pierce R.* Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. Montreal & L.: McGill-Queen's University Press, 1973.

104. *Okhotina Lind N., Muller P. U.* Kommandren og konen. Arkivfund om danske deltagere i Vitus Berings ekspeditioner. Kobenhavn: Gyldendal, 1997.

105. *Semenov Y.* Sibirien: Eroberung und Erschliessung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Osten. Olten, Stuttgart, Salzburg: Fackelverlag, 1964.

106. *Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca & L.: Cornell Univ. Press, 1994.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ПРИГОВОР ПОХОДНОЙ РОЗЫСКНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

от 28 февраля 1735 г.

1735 году февраля 28 дня по указу Ея И. В. в Нижнем Камчадалском остроге штап и обор афицеры господы маэоры Василей Мерлин, Дмитрий Павлуцкой с товарищи, слушав вышеписанного следственного дела и розыску, приговорили бунтовщиков, завотчиков и злоумышленников в ызмене и в созжении Нижняго Камчадалского острогу и святой церкви и двора государева и казенных анбаров и служилых людей дворов и в побитии служилых же людей и в побрании жен и детей их в полон и в наглom наругателстве Фетку Харчина, Тадея Иурина казнить смертию для того — оные Харчин, Иурин в ызмену и в злой умысел вступили самохотно и с собой ясашных иноземцов призывали в ызмену ласкою, а других и в неволю брали, а которые в ызмену с ними не пошли, тех побивали, а жен и детей их в полон брали, и на усть

Крестовки и на усть Еловки реках служилых людей побили и острог раззорили и сожгли; Еловки реки Чамуру Каначева, Черемыша Быргачева — в измене ж и в побитии Чамурой зборщика Бологова и во отрублении у него рук и в тыканье на колье, Черемышем в убийстве ж на Шанталском озере казачья сына да новокрещеной девки; Никитку Родихина — в измене ж и в созжении ж в Шанталах у служилых дворов и балаганов и в убийстве вотчима своего служилого Василия Чюпрова казнить смертию ж; и зятя ево Никиткина Антошку и протчих иноземцов, кои были с вышепоказанными изменники с Феткой Харчиным с товарищи, а имянно ключевского Налачев, новокрещенных Офоньку Никулина, Мишку, Оверку, Савинка, иноземцов же Харугу Огонева, малой Еловки Чемпача, Чегагу Инжикина, Валдая, Огоня, Урилу, Тавачю Вачкину, Анаралу, Итателю Тенивину, Кане Брючину Пылгычеву, Кацаю Купину, Селхаручу, Харуге, Кашее, Кане Вакове, Хотчеричу да брату ево Токкалу, Иворету Имерикову, ключевскому Кунжету да Хобину, Камчатки реки Талачю да брату ево Ивожиту да шурина Вакочю, которые и подлежали и по следствию и по розыску все смертной казни, но однако ж по присланным Ея И. В. указом велено пущих заворотчиков казнить смертию, а протчих от смертной казни свободить (на полях неразборчивая сноска. — А. 3.) и учинить им наказание — бить на площади кнутом нещадно и отдать на чистыя поруки с росписками, чтоб впредь на них смотря другим так делать было неповадно. Бывшаго камчадалских острогов камисара Ивана Новгородова казнить смертию для того — будучи он в камчадалских острогах при зборе ясаку, чинил ясашным иноземцам всякия обиды и разорения, а имянно: посылал от себя на разныя реки за ясашным збором подъячего Екима Мухоплева да брата своего Матфея Новгородова и служилых людей, которым приказывал брать с ясашных иноземцов лихоимством своим себе сверх ясаку в чащины по три и по четыре места с каждого человека соболми и лисицами, а у которых иноземцов собелей и лисиц нет, у тех брать жен и детей и последние их паркы и куклянки, и из тех чащин бить батожьем и на правеже. И те собранные чащины он, Новгородов, зборщиком приказывал печатать и привозить к себе. И сам он, Новгородов, собрал сверх ясаку в чащины пять сороков собелей. Он же, Новгородов, по Камчатке и по Еловке рекам посылал служилых и велел с иноземцов брать на свою потребу траву слаткую, кипрей, сарану, ушканы и от рыб голцы, и привозили оное к нему иноземцы на своем коште в Нижней острог. Он же, Новгородов, брату своему Матфею и подъячему Мухоплеву и служилым людем о лихоимственных взятках чинил запрещение, что которые взятки они брали с иноземцов и о том бы в роспросех своих подлинно не объявляли, и оное запрещение чинил, укрывая свое воровство и тиранство, о чем он, Новгородов, и в подлинных своих роспросех и с пытки винился. И подъячего Екима Мухоплева, зборщиков Матфея Новгородова, Евдокима Колегова, Ивана Калашникова, Василия Конева, Алексея Воробьева, да монастырского слущку Василия Нижегородова, которые в бытность камисара Новгородова в 730-м году были за ясашным збором и чинили иноземцам по ево, Новгородову, приказу великое раззорение и обиды, сверх ясаку збирали в чащины по три и по четыре места соболми и лисицами и отдавали ему ж Новгородову, за что по следствию и по розыску подлежали б все смертной казни, но однако ж оные чинили по приказу камисарскому, а не сами собою, и за то им учинить наказание — бить кнутом нещадно. А камисара ж Михаила Шехурдина от смертной казни свобо-

дить для того — оной камисар в бытность свою в Нижнем Камчадалском остроге посылал зборщиков служилых людей в разные волости для ясажного збору и приказывал сверх ясаку в чашины по три и по четыре места збирать против прежнего камисара Ивана Новгородова и сам брал себе таких чащин три сорока соболей и лисиц с камчадалских ясашных иноземцов, которые ясак платили при остроге сами собою, також гуси и утки и ушканы, рыбу голцы збирать велел же, — и в том он, Шехурдин, с розыску и с пытки во всем винился. И за показанные ево Шехурдина к ясашным иноземцам раззорения по силе имянных же Ея И. В. указов учинить наказание — вместо смерти бить кнутом нещадно и дать сто ударов без спуску. И взятые оным камисаром Шехурдиным собранные им и приносные от зборщиков чашины на нем камисаре доправить, а ежели взять на нем нечего, то доправить на выборных, которые оного камисара Шехурдина в Якуцку выбрали на Камчатку камисаром. А бытности оного камисара Шехурдина зборщикам Петру Гуторову, за подъячих Федоту Спиридонову, Семену Минюхину, толмачем Спиридону Пербякину, Федору Кырасову, Петру Сургуцкому учинить наказание ж — бить кнутом нещадно ж, для того — вышепоказанные подъячие и зборщики и толмачи в бытность показанных камисаров ездили за ясашным збором и брали сверх ясаку в чашины по три и по четыре места, и, привозя, отдавали камисаром, и в тех собранных чащинах ясашным иноземцам чинили раззорение и обиды. А бытности ж 729 году камисара Михаила Петрова, которой ныне в Якуцку, подъячему Федору Сухому и зборщиком Петру Чижевскому, Гаврилу Чюдинову, Ивану Каташевцову, и бытности ж 732 году управителя Михаила Борисова зборщиком Ивану Баранникову, толмачю Петру Сургуцкому до прибытия показанных камисара Петрова и управителя Борисова наказание не чинить, но токмо взятые как ими, так и протчими зборщики и толмачи сверх ясаку чашины, с кого сколько надлежит по реэстру, доправя, отдать в казну Ея И. В., а взятых у ясашных иноземцов служилыми людьми жен их и детей, которые живут у служилых людей, тех всех, взяв, отдать тем иноземцам, у кого оные взяты, по прежнему.

На подлинном приговоре пишет тако
прапорщик *Черепанов,*
мазор *Дмитрей Павлуцкой,*
мазор *Мерлин*

Марта 4 дня 734 году против вышеозначенного определения в Нижнем Камчадалском остроге вышеозначенные воры и изменники Фетка Харчин с товарищи и камисар Иван Новгородов казнены смертью повешены.

Того ж числа камисар Михайло Шехурдин и подъячей Еким Мухоплев вместо смерти под веселицею на козле биты кнутом, и дано им, Шехурдину сто ударов, а Мухоплеву пятьдесят ударов.

Марта 5 дня изменникам Налачю ключевскому с товарищи учинено наказание вместо смерти биты на площади кнутом.

Марта 6 числа ясашные зборщики и подъячия и толмачи Матфей Новгородов с товарищи на площади биты кнутом, а Петру Гуторову, Алексею Ярыгину учинено наказание вместо кнута биты батожем.

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 43 об.—44 об.

2. ПРИГОВОР ПОХОДНОЙ РОЗЫСКНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ от 30 июня 1735 г.

1735 году июня 30 дня по указу Ея И. В. в Большерецком остроге штап афицеры господа мазоры Василей Мерлин, Дмитрий Павлуцкой, слушав подлинного дела и учиненного экстракта, и допросных и пыточных речей, и очных ставок пятидесятника Андрея Штинникова и служилых людей Осипа Соловьева с товарищи, приказали нижеследующее: (1) пятидесятника Андрея Штинникова казнить смертию для того — в 732 году, будучи он в походах от Воровской и до Белоголовой и на Аваче реках, многих ясашных иноземцов служилым людям приказал колотить безвинно и без противности их, а иных иноземцов вызывал из юрты, которая выходя принося в казну Ея И. В. ясак, а жен их и детей и пожитки брал и со служилыми людьми разделил, и давал служилым людям за своею рукою владетельныя писма. А с роспросов и с пыток и с очных ставок он, Штинников, и служилыя люди в вышепоказанном иноземцов колотье во всем принесли повинную, а показанное иноземцов тиранство и раззорение чинили и то де для своих прибытков, чтоб жен их и детей охолопить вечно. Да он же Штинников, будучи в Курильской земле у збору ясаку, ясашного иноземца одного без всякой же противности сколотить приказал, которого и скололи. Да он же, Штинников, в 729 году, будучи в Курильской земле, без указу самовольно Авачи реки иноземцам тоену Созе Кокмнину с товарищи иностранных апонских иноземцов без всякой их противности пятнатцать человек велел на море побить, а пожитки, которые у них были, взял он, Штинников, к себе.

А служилым людям, которые были в походах со оным петидесятником Андреем Штинниковым и со общаго согласия чинили ясашным иноземцам вышеозначенное ж раззорение и тиранство для своих же корыстей, чтоб женами и детьми владеть у себя в холопстве, а имянно Осипа Соловьева вместо смерти на площади бить кнутом и дать сто ударов и, вода по острогу, бить кнутом же нещадно, а протчим служилым учинить наказание — бить на площади кнутом нещадно ж, а имянно за писаря Матфея Новограбленного, ясаула Михаила Лепихина, толмача Федора Лобанова и протчих, кои были в показанном походе, которым надлежало учинить по правам смертную ж казнь, но однако ж по указом Ея И. В. велено на страх пущих раззорителей и завотчиков казнить смертию, а протчих от смертной казни свободить, чего ради служилых Соловьева с товарищи от смертной казни и свободить, а вместо смерти наказание учинить. А взятыя ими, служилыми людьми, от иноземцов в раззоренных острогах жен их и детей, взяв, распустить на прежние жилища, а мужеск пол, которые в ясашной оклад не написаны, тех определить в ясашной оклад, а которые платят подушные денги, тем платить подушные денги самим собою. А для определения в ясашной оклад в Болшерецку в Приказную избу послать с реэстром Ея И. В. указ, а иноземческие пожитки, которые служилые люди после полонных иноземцов, взяв, разделили по себе, на ком что по следствию подлежит, доправить в казну Ея И. В. Якуцкого сотника Осипа Верхотурова, которой, будучи в 731-м году в Верхнем Камчадалском остроге закащиком, посылал на Авачу реку служилого Михаила Калашникова для збору с иноземцов юколы и сараны и слаткой травы и кипрею и для высылки с ясашным платежем ясашных иноземцов, с которых он, Верхотуров, сверх ясаку соболями и лисицами себе и подъячему брал по два соболя с человека, а с нижепоказанного Васки Вахлыча взял он, Верхотуров, пуд травы

сладкой, полпуда сараны, кипрею пуд, да кошлака, и, будучи на Аваче ж реке для збору юколы, с него ж, Вахлыч, три бобра, а в роспросе во оных лихоимственных взятках принес повинную. От которых ево взятков и излишних зборов авачинския иноземцы Васка Вахлыч с товарищи в злой умысел и в ызмену вступили, за что было оной Верхотуров подлежал смертной казни, но однако ж по милостивому Ея И. В. указом от смертной казни и свободить, а учинить ему наказание — бить кнутом на площади нещадно и дать сто ударов, дабы закашики и зборщики, смотря на то, впредь так чинить не дерзали. А лихоимственные взятки, которые он, Верхотуров с показанных Вахлыча с товарищи брал, со оного Верхотурова в казну Ея И. В. доправить. Воров и изменников ясашных иноземцов в ызмене и в побитии служилых людей казнить смертию, а имянно Канпаковой реки Кугува, он же и Харлапан, которой в Конпаковском остроге ночью из юрты выдернул лесницу и в той юрте сожек служилого Дмитрея Попова да служилого Панютина жену з детьми, двух служилых холопей, да служилого ж человека дочь, роздев донага, застрелил, Харьюзовой реки Ор Тавач — в созжении с Феткой Харчиным церкви и государева двора и служилых двух дворов, а в убивстве на Белоголовой с харьюзовскими изменники ж служилых трех человек на Иче реке и в разорении Ичинского острогу, той же Харьюзовой реки тоена Щербака — в ызмене ж з братом своим Максимком, в побитии на Белоголовой служилых Василья Портнова, Карпа Бекирева, и в сожении и в разорении Ичинского иноземческого острогу, и в побитии жен их и детей, Быстрой реки Галлю — в побитии ж на Белоголовой реке служилого Кирила Золотавина, Авачи реки новокрещеного тоена Васку Вахлыча — в ызмене с авачинскими иноземцами и на той реке в убивстве сына боярского Назара Колесова, служилых четырех человек, да бобровских иноземцов двух тоенов и во взятые у них ясаку дватцать бобров да пяти лисиц красных. Изменников ж иноземцов, которые были в ызмене исподневоли вышепоказанных Щербака и Харлапана с товарищи, а имянно Конпаковой реки Отома Акетова, Карым Чульшкоя, Отома Карымчина, Быстрой реки тоена Хамласа, Морошешной реки Вахну бить на площади ж кнутом нещадно, чтоб на то смотря другим так делать было неповадно.

На подлинном приговоре пишет тако
мазор *Дмитрей Павлуцкой,*
мазор *Мерлин*

По вышеозначенной сектенции эксекуция учинена: Андрей Штинников, новокрещеной Васка Вахлыч в Большерецку, изменники некрещеные Харлапан, Ортавач, Щербак, Галля в Верхнем остроге казнены смертию повешаны, а служилые люди биты на площади кнутом и дано по петидесяти, [сот]нику Верхотурову и служилому Соловьеву по сту ударов, а протчим служилым по петидесят ударов.

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 69 об.—70 об.

3. ПРИГОВОР ПОХОДНОЙ РОЗЫСКНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

от 14 июля 1735 г.

1735 году июля 14 дня по указу Ея И. В. в Большерецку штап афицеры господа мазоры Василей Мерлин, Дмитрей Павлуцкой, слушав от партии салдата Александра Змиева и служилых людей роспросных речей и учиненного экстракта, приказали

означенному Змиеву учинить наказание — бить на публичном месте батоги нещадно для того — в 732 году, будучи он, Змиев, в походе с петидесятником Штинниковым и со служилыми людьми, изменников ясашных иноземцов на Аваче реке, ис которых, сидя морской губы на отпрядыше в осаде семь дней, выезжали к ним с острога в байдарах после измены с покорностию сами собою, и тех, взяв, прикололи одиннадцать человек, а достальных сорок два человека оставили. А жен их иноземческих и детей и пожитки он, Змиев, брал обще с петидесятником со Штинниковым и со служилыми людьми, делили и давали на них служилым людям за своею рукою без указа владетельных писма, и показанное тиранство чинили для своей корысти, чтоб жен их и детей охолопить вечно. Того ради ему, Змиеву, и наказание учинить надлежит, а служилых, кои были при нем Змиеве и при пятидесятнике Штинникове на Аваче реке, и тех от наказания свободить для того, что те служилые были в каманде у него, Змиева, и оное тиранство чинили по ево, Змиева, велению. Да вышепоказанной же салдат Змиев в Авачинской губе за хребет посылал в подсмол для изменников матроза Агафона Назарова со служилыми людьми с тремя человеки, и оной матроз, будучи в подсмоле, у иноземцов Алгина и Кашеи взяли самовольно четыре девки да парня, и тех девок разделили со служилыми людьми, а парня взял он, Змиев, чего было оному матрозу и делать не подлежало, и за то оному матрозу Назарову учинить наказание — бить батоги нещадно, чтоб впредь другим так делать было неповадно. А взятых им, Змиевым, на Аваче реке иноземческих жен и детей, которые разделены со служилыми людьми, у всех служилых людей ис холопства свободить и распустить на прежние их жилища, а мужск пол, который в ясашной платже отослать Большерецкого острогу в приказную избу при указе Ея И. В., а иноземческие ж пожитки и мяхкую рухлядь, которые означенной Змиев со служилыми разделил, как на нем, Змиеве, так и на служилых людех, на ком что по следствию надлежит, доправить в казну Ея И. В.

На подлинном приговоре пишет тако
маэор *Павлуцкой*,
маэор *Мерлин*

По вышепоказанной сентенции салдату Змиеву и матрозу Назарову наказание учинено — биты батоги нещадно июля 15 дня 1735 году.

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 71.

АССЕРТ 7 October 1739

ВЕДОМОСТЬ,

сочиненная по силе присланной промемории из Якуцка Академии наук от господина профессора Фридриха Миллера, полученной в Большерецку октября 22 дня 1737 году
(получено Г. Ф. Миллером 7 октября 1739 г.)

В прошлом 731 году июля 20 дня Нижней Камчадальской острог раззорили и сожгли тамошние ясашные иноземцы новокрещен Фетка Харчин с товарищи за обиды и излишние сверх ясака зборы и лихоимственные с них, иноземцов, себе взятки от бывших во оном Нижнем остроге камисаров Ивана Новгородова, Михаила Шехурдина и подъячих их Якима Мухоплева, Ивана Свешникова и толмача

Орлика, и от ясашных зборщиков, и от служилых людей, понеже оные камисар Новгородов и подъячей Мухоплев с товарищи брали у оных иноземцов за чащины и за ясак жен и детей и продавали в вечное холопство, которые проданные ими иноземческие жены и дети по следствии и по розыске из холопства освобождены и распущены на прежние их жилища.

А сколько казне Ея И. В., партикулярным людям учинились убытку, о том у нас при следственных и розыскных делах никакого известия не имеетца.

А сего 738 году февраля 27 дня Нижнего Камчадальского острогу из приказной избы к нам ведением объявлено: сколько де от разорения Нижнего Камчадальского острогу казне Ея И. В. и партикулярным людям учинилось какого убытку, о том по разорении оного острога никакого писменного виду в приказной избе не явилось.

Когда оной Нижней Камчадальской острог изменники ясашные иноземцы раззорили и выггли, и в то время в остроге и по разным летным жилищам на рыбных промыслах побито изменниками иноземцами служилых русских людей мужеска полу больших и малых пятьдесят пять человек, женска полу больших же и малых тридцать один человек, да после того на приступе у острогу побито ж партии служилых три человека, да на Еловке реке укинских ясашных зборщиков два человека.

При взятъе оного разоренного острогу от изменников иноземцов служилыми людьми возвратно: которые изменники иноземцы выходили из острогу и тех иноземцов прикололо служилыми людьми тридцать три человека, да в остроге згорели четыре человека, да которые иноземцы во время осады бежали из острогу и тех иноземцов побито служилыми людьми по разным местам и на приступе у острогу мужеска полу тридцать два человека, да женска полу два человека, а более того иноземческих женска полу не погибло, понеже служилые люди иноземческих жен и детей по взятъе разоренного острогу возвратно женск пол брали и делили по себе в холопство, которые по следствии от служилых людей из холопства освобождены и распущены на прежние их жилища.

Да во оном же 731-м году октября 15 дня присудствия Верхнего Камчадальского острогу Жупановой реки лутчей ясашной иноземец тоен Чороч Верхнего острогу в приказную избы доношением объявил: на устье де Жупановой реки лутчей ясашной иноземец тоен Начика с родниками своими изменил и не хотят де платить в казну Ея И. В. ясаку.

И для умирения оных иноземцов и призыву в ясашной платеж послан был на Жупанову реку из Верхнего острогу от бывшего закащика Василья Пашкова служилой Михайло Сапожников со служилыми людьми.

И оной Сапожников вышеозначенных жупановских иноземцов прибил и переколол девять человек без противности их для своих корыстей, чтоб жен их и детей побрать себе в холопство, о чем он, Сапожников, с розыску показал сам, да два человека бросились в море сами собою, да удавились четыре человека сами ж собою, а жен их и детей сорок человек взял оной же Сапожников со служилыми людьми, розделил в холопство, которые по следствии от служилых людей из холопства освобождены и распущены на прежние ж их жилища. Да оной же Сапожников после того в 732-м году, будучи на Жупановой реке за ясашным збором, застегал батожьем до смерти Жупановой реки тоена Огоня.

Во оном же 731-м году присудствия Большерецкого острогу Авачи реки ясашные иноземцы новокрещен Васька Вахлыч с товарищи изменили и сына боярского

Назара Колесова, служилых Ивана Богомолова, Ивана Украинцова, Михайла Дружинина, Алексея Черных, Михайла Шипунова убили, да з Боброваго моря ясашных иноземцов дву тоенов призывали с собою в ызмену, и оные тоены с ними в ызмену не пошли, и за то их помянутые Вахлыч с товарищи убили ж.

И для умирения оных изменников на Авачю реку посланы были пятидесятник Андрей Штинников да от партии салдат Александр Змиев со служилыми людьми.

И оные Штинников и Змиев с товарищи на Аваче реке ясашных иноземцов прибили и связанных прикололи без противности их восемьдесят девять человек для своих прибытков, чтоб взять в холопство жен их и детей, о чем они, Штинников с товарищи, с розыску сами показали, а жен их и детей мужеска и женска полу сто пятьдесят человек взяв, разделили по себе в холопство, которые по следствию от служилых людей из холопства освобождены и распущены на прежние ж их жилища.

Во оном же 731-м году присутствия Верхнего Камчадальского острогу Харьюзовой и Белоголовой рек ясашные иноземцы Максимко да Щербак с товарищи изменили и на Белоголовой реке трех человек служилых людей Кирила Золотавина, Василья Портново, Карпа Бекирева убили, да на Сопошную реку приходили и на оной Сопошной реке иноземческого парня убили, а у протчих иноземцов жен и детей всего семь человек, також и пожитки их иноземческие и платья взяв, разделили по себе, да на Иче реке ясашных же иноземцов десять человек убили, а жен их и детей и пожитки взяв, разделили по себе.

Колпаковой реки ясашной же иноземец Харлапан ношным временем из юрты лесницу вывернул и в той юрте сожек служилого человека Дмитрия Попова, да казачьих детей Андрея Ховкина, Ивана Туманова, да служилого Ивана Панютина жену з двумя дочерьми.

И на оных изменников для умирения и призыву в ясашной платеж по прежнему послан был из Большерецка вышеозначенной же пятидесятник Андрей Штинников со служилыми людьми.

И оной Штинников с товарищи, будучи во оном походе от Воровской до Белоголовой реки, ясашных иноземцов на разных реках, а имянно на Воровской Колпаковой, Крутогоровой, на Сопошной, на Морошечной и на Белоголовой без противности их прибили и связанных прикололи сто десять человек для своих прибытков, чтоб взять в холопство жен их и детей, о чем они, Штинников с товарищи, с розыску сами показали, а жен их и детей мужеска и женска полу взяв, разделили по себе в холопство, которые по следствию от служилых людей из холопства освобождены и распущены на прежние ж их жилища. А Харьюзовой реки изменники Максимко да Щербак с товарищи против одного Штинникова вышли и стрелялись с ними, и оной Штинников со служилыми людьми и возвратился от них в Большерецк. И до прибытия нашего на Камчатку оные харьюзовские изменники Максимко да Щербак с товарищи были в ызмене, а по прибытии нашем на Камчатку на Харьюзову реку посланы были от нас капрал с салдаты, и оных харьюзовских изменников главных заводчиков Максимко да Щербака с товарищи взяв, привезли к розыску, а взятых ими у сопошных и ичинских ясашных иноземцов жен и детей у них Максимка и Щербака с товарищи всех отобрал и отдал ичинских ичинским, а сопошных сопошным иноземцам возвратно. И оные изменники Максимко да Щербак с товарищи розыскиваны, а по розыске Щербак повешен, а Максимко под караулом до учинения экссекуции умер, а другие изменники биты кнутом.

А по следствии и по розыске казнены смертию повешены в Нижнем Камчадальском остроге марта 10 дня 1735 году камисар Иван Новогородов, казачей сын Никитка Родихин, учинено телесное наказание вместо смерти биты кнутом в Нижнем остроге камисары Михайло Шехурдин, Михайло Петров, управитель Михайло Борисов, подьячей Яким Мухоплев, ясашные зборщики Матфей Новогородов, Петр Чижевской, Гаврило Чудинов, Иван Каташевцов, Василей Конев, Петр Гуторов, Иван Калашников, Евдоким Колегов, Алексей Воробьев, толмачи и служилые люди Спиридон Перебякин, Федор Кырасов, Алексей Колмогоров, Петр Сургуцкой, Василей Нижегородов, Яков Лазарев, Семен Минюхин, Костентин Веретнов, Алексей Ярыгин, Федот Спиридонов, Степан Власов, салдат Александр Змиев гоняя спицрутен, подьячей Федор Сухов вместо кнута бит батожем.

Изменники пущие заivotчики ясашные иноземцы казнены смертию повешены в Нижнем остроге новокрещен Фетка Харчин, некрещеные Тадя Иурин, Чамура Каначев, Черемач Быргачев, Ор Тавач.

Изменникам же ясашным иноземцам учинено телесное наказание биты кнутом новокрещеные Афонасей Никулин, Оверя Яковлев, Михайло Катканов, Антошка, монастырской слушка Савинко, некрещеные Налач ключевской, Кашея, Налач крестовской, Вакива, Хотчерич, Хомкало, Иворит, Харуга, Куйжет, еловской Чемпач, Хобин, Талач, Чагаги, Иворит, Инжикин, Балдай, Вакоч, Огон, Налач, Анарал, Ча-жак, Оманя, Итатель, Урил, Коцай, Апхолч, Селхоруч, Харуга, Кана, Тавач.

Да изменников же Еловки реки Лапот Аюлхин в Нижнем Камчадальском остроге до учинения наказания под караулом умер.

В Верхнем Камчадальском остроге казнен смертию повешен ясашной зборщик Михайло Сапожников. Учинено телесное наказание биты кнутом якуцкой сотник казачей Осип Верхотуров, ясашные зборщики Артемей Скрыбин, Андреян Рюмин, вместо кнута биты батожем Семен Путилов, Василей Новограбленой.

Ясашные иноземцы изменники пущие заivotчики казнены смертию повешаны в Верхнем же остроге Быстрой реки Галля, Колпаковой реки Харлапан.

Учинено телесное наказание изменникам же ясашным иноземцам биты кнутом Отома Акетов, Карымча, Отома Карымчин, Лышкой, Быстрой реки тоен Хомлас, Морошечной реки тоен же Вапха.

В Большерецком остроге казнен смертию повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников.

Учинено телесное наказание биты кнутом служилые люди: Осип Соловьев, Матфей Новограбленой, Михайло Лепихин, Федор Лобанов, Андрей Марамыгин, Андрей Рубцов, Петр Евлатьев, Андрей Воронин, Григорей Томилов, Онофрий Черкашенин, Лука Трескин, Ларион Вальнкин, Григорей Келтякин, Петр Вальнкин, Степан Вахрушев, Михайло Котков, Федор Асламов, Иван Лукашевской, Сава Усов, Василей Посников, Василей Щеголев, Семен Вагин, Михайло Лепихин меньшей, Петр Матфеев, Семен Шарапов, Афонасей Попов, Михайло Лукашевской, Семен Сургуцкой, Петр Чупров, Антон Хмылевской.

В Большерецком же остроге казнен смертию повешен Авачи реки изменник пущей заivotчик новокрещен Васька Вахлыч.

Учинено телесное наказание изменникам же ясашным иноземцам биты кнутом Авачи реки тоен Соза Кокмзин, авачинской же Апауч Шараглазов.

А Нижней Камчадальской острог до разорения был полисад стоячей, да одна башня, а в нем казенного строения приказная изба, два анбара, да за острогом государев двор, при нем анбар, да другой анбар на отставке.

Да у оного же острогу было церковного строения вначале церковь во имя Николая Чюдотворца, при церкви колокольня, два анбара.

Да пониже острогу на Ключах было расстоянием от острогу две версты пятисотных монастырского строения часовня всемилостиваго Спаса, две избы хлебные, изба черная, пять анбаров, баня. Да по скаске вкладчика Ивана Качивона потромяно монастырской казны двести пятьдесят лисиц красных, семь сороков соболей, одиннадцать бобров. А оное монастырское строение было вниз едучи на правой стороне Камчатки реки.

Обывательских домов было около острогу сорок шесть дворов.

Да повыше острогу на усть Еловки расстоянием от острогу семь верст обывательских же дватцать дворов.

А нынешней новой Нижней Камчадальской острог построен в Шанталах вниз едучи по левую сторону реки Камчатки против устья Шанталской речки пониже устья Аратуги реки, расстоянием от моря от устья реки Камчатки тридцать семь верст пятисотных, а до прежняго разоренного от нынешняго вновь построенного острогу расстояния семдесят четыре версты пятисотных же, полисад стоячей, по углам полуобворки, да башня проезжая рубленая о трех жирах, а в нем строения приказная изба с сеними, государев двор — светлица да черная изба, между ими сени, анбар о двух жирах, баня.

Да против приказной избы один анбар, где кладетца ясашная казна, да другой анбар с омуницею.

Во оном же остроге церковного строения церковь, а в ней два престола, один во имя Успения Пресвятыя Богородицы, другой во имя Николая Чюдотворца, колокольня на столбах, анбар церковной, около острогу казачьих и посацких и протчих обывательских домов тридцать три.

Да на устье реки Камчатки у моря на острове монастырского строения две избы, одна бела, другая черная, да особливо изба ж большая черная, анбар о двух жирах, поварня, две бани.

Да на том же острове казенного строения для житья морских адмиралтейских служителей две избы, одна бела, другая черная, да казачьего строения одна изба, да анбар.

Да на устье ж Камчатки реки при море на кошке вниз едучи на левой стороне реки Камчатки казенного ж строения вновь для пристани экспедицких судов и житья морских и адмиралтейских служителей четыре казармы больших, два анбара, поварня, соленая.

Да тут же на кошке для летных рыбных промыслов обывательских пять дворов.

А по отсылке сей сочиненной ведомости сколько построено будет впредь какого казенного и обывательского строения или не будет, о том мы не известны.

А протчие камчадальские остроги находятца. Верхней Камчадальской острог построен вверх едучи по правую сторону реки Камчатки, а казенного строения полисад стоячей, одна башня проезжая рубленая, в полисаде приказная изба, перед избой анбар, сени, за полисадом кабак.

Да за полисадом же две часовни, одна новая, другая старая, анбар часовенной. Обывательского строения служилых людей и протчих обывателей дватцать три двора.

А Большерецкой острог вверх едучи по левую сторону Большой реки повыше устья Быстрой реки расстоянием от моря тритцать три версты пятисотных.

А казенного строения полисад стоячей, при нем в стене приказная изба, анбар о двух жирах, государев двор с сенни и с анбаром, против острогу за протокою кабак. Церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы, колокольня на столбах, анбар церковной.

Около острогу обывательских восемнатцать дворов.

Против острогу за протокою у кабака два двора.

Против острогу ж за другою протокою на острову три двора.

Да на займке пониже острогу с полверсты за протокою ж восемь дворов.

Да за рекою Быстрою на разных местах два двора.

А при оных камчадалских острогах имеютца ясашныя иноземцы камчадалы, а ясак они платят в казну собольми и лисицами.

А в присутствии Большерецкого острогу в Курильской землице и на островах ясашные иноземцы курильцы, от камчадалов особливого роду и язык у них особливой, и те курильцы в казну ясак платят бобрами и кошлоками морскими.

А на каких урочищах и сколько в каждом роде ясашных людей и по сколько они в год ясаку платят и что при каждом остроге по нынешнему окладу в год ясашной казны збираетца и о том у нас в следственных и розыскных делах известия не имеетца для того, что с камчацких ясашных иноземцов ясак збираетца в канцелярию Охоцкого порта и присылаютца от Охоцкого порта зборщики из служилых людей pogodно по прежнему обычаю, також что ис русских людей с тамошних обывателей збираетца подушных и всяких окладных и неокладных зборов, о том у нас в следственных и розыскных делах известия не имеетца, понеже подушные деньги и протчие зборы с русских людей — камчацких обывателей — збираютца в Якуцкую воевоцкую канцелярию, а мы кроме следствия и розыску до ясашного и до протчих ни до каких зборов в камчадалских острогах ни в чем не касались.

И ежели по прежнему не станут иноземцов раззорять камисары и зборщики и для своих корыстей колоть, а жен их и детей брать себе в холопство, и сверх ясаку излишних зборов и лихоимственных взятков себе брать, то можно надеятца, что они, иноземцы, будут умножатца и ясаку платить будут боле, а ежели по прежнему будут камисары и зборщики иноземцов раззорять, то и достальных всех переведут, понеже по отбытии нашем с Камчатки кто над ними камисарами и зборщиками будет смотреть, а за море в Охоцк им, иноземцам, ездить бить челом невозможно.

А по определению сенатскому прислан был из Ыркуцка для смотра над зборщиками в камчадалские остроги из дворян камисар и оной камисар в прошлом 735 году в камчадалских острогах умер. И о определении в камчадалские остроги вместо умершаго другога камисара писано было от нас в Тоболеск и в Ыркуцк доношениями марта 18 дня прошлого 736 году, но и по сие число в камчадалские остроги камисара не прислано, токмо присылаютца от Охоцкого порта зборщики из служилых людей по всем острогам pogodно.

А прежде посланная Анадырская партия какими трактами путешествовала и в какие походы по разным трактам ходила и в которое время и тем что учинилось

прибыли или утраты и для каких причин новопостроенной Олюторской острог вторично раззорен, о том у нас в следственных и розыскных делах известия не имеетца.

А прошлого 737 году февраля 8-го дня посланы были от нас из Нижнего Камчатдальского острогу к олоторским иноземцам партии служилые Иван Карташев с товарищи для призыву оных олоторских иноземцов в ясашной платеж по прежнему. И того ж 737 году июля 5-го дня оной Карташев прибыл в Большерецк и репортом объявил: во оные де олоторские иноземцы во все их Олюторской и в Култушной и в Носовой остроги ездил и чрез толмача уговаривал и призывал их в ясашной платеж по прежнему, и вышеписанных де острогов тоены, а имянно Кенитка с товарищи сказали ему Карташеву, что де они во оном 737-м году до приезде ево Карташева в казну ясак платили с прошлого 734 году все сполна Анадырского острогу камисару Федору Татаринову. И в платеже ясаку на вышеписанные годы отписи за рукою оного Татаринова ему Карташеву казали.

По листам скрепа:
подполковник *Василей Мерлин*

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358—367.

*Работа выполнена в рамках комплексного проекта СО РАН № 7.6
«Народонаселение Сибири: стратегии и варианты межэтнических
взаимодействий в историческом контексте (XVI—XX вв.)»*